

научно-
атеистическая
библиотека

Английское
свободомыслие:

Д. Локк

Д. Толанд

А. Коллинз

Научно-
атеистическая
библиотека

Английское свободомыслие:

Д. Локк,
Д. Толанд,
А. Коллинз

Москва
«Мысль»
1981

РЕДАКЦИИ
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ АОН при ЦК КПСС

Редакционная
коллегия:

доктор философских наук
А. Ф. Окулов
(председатель),
доктор философских наук
Х. Н. Момджян,
доктор философских наук
А. Д. Сухов,
кандидат исторических наук
Г. С. Лялина
(ученый секретарь)

Ответственный редактор,
автор вступительной статьи
и комментариев —
доктор
философских наук
Б. В. Мееровский

Перевод
Е. С. Лагутина, А. С. Богомолова, И. Б. Румера

В книгу вошли произведения крупнейших представителей английского материализма и свободомыслия конца XVII—начала XVIII в. Авторы выступают в защиту веротерпимости и свободы совести, подвергают критике язычество и христианство. В издании впервые публикуются на русском языке трактаты: «Христианство без тайн» Толанда и «Рассуждение об основах и причинах христианской религии» Коллинза.

А 10509-180 по подписке. 0400000000
004(01)-81

© Издательство «Мысль», 1981

© Сканирование и обработка: glarus63

Свободомыслие
Д. Локка,
Д. Толанда
и А. Коллинза

В рецензии на книгу французского буржуазного историка Гизо об английской революции Маркс и Энгельс писали: «...г-н Гизо забывает, что свободомыслие, так пугающее его во французской революции, было введено во Францию именно из Англии»¹. Действительно, английское свободомыслие сыграло важную роль в исторической подготовке атеизма французских материалистов XVIII в. Оно оказало также большое влияние на становление антирелигиозной мысли в других странах, способствовало распространению материалистического мировоззрения в европейской и американской философии.

Настоящее издание знакомит советского читателя с крупнейшими представителями английского свободомыслия конца XVII — начала XVIII в. — Локком, Толандом и Коллинзом. Публикуемые произведения дают возможность увидеть, в чем состоял вклад названных философов в критику религии и церкви, позволяют понять наиболее характерные черты и специфические особенности их воззрений.

Формирование английского свободомыслия происходило под влиянием ряда взаимодействующих факторов. Это религиозные и религиозно-философские течения XVI—XVII вв., а также философский материализм Нового времени. Рассмотрим их подробнее.

* * *

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 220.

Первый из названных факторов — религиозные течения рационалистического характера, возникшие внутри протестантизма еще в период Реформации и ставшие в ходе буржуазной революции в Англии идейным знаменем наиболее радикально настроенных слоев общества. Они выступали за углубление демократического содержания революции, требовали перестройки господствующей англиканской церкви, предоставления широкой веротерпимости, невмешательства государства в религиозную жизнь. К этим течениям принадлежали в первую очередь унитарии и социнциане. Отстаивая идею единого бога, унитарии и социнциане отождествляли его зачастую с мировым разумом, выдвигали требование освобождения морали из-под контроля религии, ратовали за установление свободы совести.

Вторым фактором, оказавшим влияние на формирование свободомыслия в Англии, был деизм. Его основоположником являлся Эдуард Герберт из Чербери (1583—1648), философ, историк и дипломат, автор «Трактата об истине» (1624), в котором излагались отправные положения новой концепции. Герберт исходил из того, что в сфере религиозного сознания а priori существуют некоторые «общие понятия», в которых отражено и закреплено истинное учение о боге, освобожденное от всевозможных наслоений и искажений. Эти всеобщие априорные истины, которые следует сделать основой «разумной» религии, сводились Гербертом к следующим принципам: 1. Существует бог, или верховное существо. 2. Бог должен быть чтим. 3. Добродетель и благочестие суть важнейшие способы почитания бога. 4. Необходимо сожалеть о своих проступках и раскаиваться в них. 5. Как в земной, так и в потусторонней жизни каждому будет воздано по его заслугам².

На примере религиозно-философского учения Герберта видно направление, в котором развивался деизм. Бог лишался не только триединства, но и своих обычных атрибутов (всемогушества, всеведения и т. п.), превращался в абстрактное и безличное «верховное существо». Отвергалась фактически и идея божественного откровения.

* * *

² E. Herbert of Cherbury. De Veritate (On Truth). Bristol, 1937, p. 291—300.

вения, составлявшая основу так называемых положительных религий. Богопочитание сводилось к признанию бытия бога и следованию добродетели, что свидетельствовало о выдвигании на передний план нравственного поведения и об отказе от внешнего религиозного культа. Вместе с тем Герберт не смог полностью освободиться от влияния религиозной догматики. Он признавал бессмертие души и загробное воздаяние, вмешательство бога в судьбы людей.

Дальнейшая эволюция деизма вела к углублению начатой Гербертом рационалистической критики христианства и других исторических вероисповеданий, утверждению взамен них «естественной», или «разумной», религии. Бог деистов все более отдалялся от сотворенного им мира, превращался в безличную первопричину всех вещей. При этом исключалось как божественное откровение, так и промысл божий, что разрушало учение теизма о неразрывной связи бога с миром, об абсолютной зависимости природы и общества от божественной воли.

Третьим фактором, сыгравшим значительную роль в формировании и развитии английского свободомыслия, был философский материализм, опиравшийся в свою очередь на успехи естествознания и других наук, достигнутые к началу XVII в. В этой связи следует напомнить слова Маркса о том, что «материализм — *прирожденный сын Великобритании*»³. Родоначальником же английского материализма и одновременно крупнейшим представителем эмпирического естествознания своего времени был Фрэнсис Бэкон (1561—1626). Английский мыслитель бросил смелый вызов схоластическим догмам и авторитетам, провозгласил силу и мощь научного знания. Поставленная им задача «великого восстановления наук» и отыскания нового метода исследования природы с необходимостью вела к разрыву с религиозным мировоззрением. И хотя учение Бэкона еще полно «теологическими непоследовательностями»⁴, оно объективно служило делу критики религии, содействовало развитию свободомыслия.

* * *

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 142.

⁴ См. там же, с. 143.

Младший современник Бэкона Томас Гоббс (1588—1679) продолжил и углубил борьбу со схоластикой, провозгласил необходимость полного освобождения философии и науки от теологии, создал всеобъемлющую систему механистического материализма, в которой попытался охватить человека, природу и общество. Имя Гоббса занимает по праву видное место в истории свободомыслия. Непримиимый противник клерикализма, критик церковных порядков, враг религиозного фанатизма, он внес вместе с тем значительный вклад в философское обоснование атеизма. Не случайно понятие «гоббизм» стало в XVII в. синонимом неверия, а труды Гоббса предавались анафеме и подвергались сожжению.

Соединение идей материализма с религиозно-философской концепцией деизма привело к созданию своеобразной «деистской формы материализма», на существование которой обратил внимание Энгельс во «Введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке»»⁵. Английские деисты-материалисты, а к ним принадлежали и Толанд и Коллинз, были наиболее радикальными для своего времени критиками религии и церкви, отстаивали передовые научные и философские взгляды, прогрессивные общественные идеи.

И все же нельзя не отметить, что характерной чертой английского свободомыслия, которая была свойственна даже его лучшим представителям, являлась непоследовательность в борьбе с религиозной идеологией. Эта отличительная черта свободомыслия в Англии была обусловлена историческими особенностями страны. Речь идет прежде всего о половинчатом, компромиссном характере английской Реформации, проведенной «сверху», по воле королевской власти и феодального дворянства. Незавершенный характер носила и английская буржуазная революция, совершавшаяся к тому же в религиозной форме. В этой революции «буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви»⁶. Однако завершилась она событиями 1688—1689 гг. («славной революцией»), взаимовыгодным соглашени-

* * *

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 311.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.

ем буржуазии и земельной аристократии, подчинившим своим интересам англиканскую церковь. Последняя является, как известно, государственной церковью и представляет собой наименее реформированную разновидность протестантизма, близкую католицизму как по своим догматическим установлениям, так и по своему устройству и культу. В первую очередь это касается «высокой церкви», тогда как «низкая церковь» приближается к другим протестантским церквям.

Умеренный, компромиссный характер английского свободомыслия выражался в том, что его представители не доводили борьбу с религией до полного разрыва с ней, до атеизма. Предпочтение отдавалось деизму, а критика религии велась исключительно с просветительских, рационалистических позиций. Представители английского свободомыслия не решались также бросить прямой вызов господствующей англиканской церкви. Причисляя себя обычно к сторонникам «низкой церкви», они ополчались главным образом против католицизма и папства, выступали против «высокой церкви», тесно примыкавшей к католицизму. В то же время они стремились утвердить принцип веротерпимости, провозглашали право разума быть высшим судьей в делах веры.

«Отцом» английского свободомыслия, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, был Джон Локк (1632—1704)⁷. Он вошел в историю философии как виднейший представитель материалистической линии в гносеологии. Вопросам теории познания посвящен его главный труд «Опыт о человеческом разуме». Перу Локка принадлежат «Некоторые мысли о воспитании», которые внесли существенный вклад в педагогическую науку. В своих политических трактатах Локк выступал против абсолютизма, отстаивал концепцию общественного договора, провозглашал суверенитет народа. В «Письмах о веротерпимости» (одно из которых публикуется в настоящем издании) Локк подверг критике и решительно осудил преследования и гонения по религиозным мотивам, выдвинул и обосновал принцип свободы совести.

Проблема веротерпимости далеко не случайно привлекла внимание философа. В эпоху английской буржу-

* * *

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 220.

азной революции она была одной из животрепещущих проблем общественной жизни. Напомним, что победившие в революции силы упразднили англиканскую церковь — оплот феодально-абсолютистских порядков. Ее место занял пуританизм (кальвинизм). Однако в период реставрации монархии Стюартов (1660—1688) англиканская церковь вновь была восстановлена в своих правах. Все же несогласные с ней (нонконформисты) подлежали отстранению от государственной службы, подвергались преследованиям. Падение Стюартов и приход к власти правительства Вильгельма III в результате «славной революции» привели к некоторому ослаблению религиозной нетерпимости. Был принят, в частности, «Акт о веротерпимости» (1689), который признавал право нонконформистов отправлять свой религиозный культ, но по-прежнему лишал их многих гражданских прав. К тому же этот акт не распространялся ни на унитариев, ни на социниан, а тем более на деистов или атеистов, которые по существу были поставлены вне закона. Не распространялся он по политическим мотивам и на католиков.

Публикуемое первое «Письмо о веротерпимости» было написано Локком в 1685 г., т. е. еще в период реставрации, в разгар преследований нонконформистов, отколовшихся от англиканства. Письмо не утратило своего значения и после 1689 г., поскольку еще долгие годы религиозная свобода в Англии была ограниченной: принцип веротерпимости был распространен на унитариев и социниан только в начале XIX в. Призывы к веротерпимости, осуждение религиозного фанатизма исходили, разумеется, не только от Локка. Можно назвать в этой связи передовых мыслителей XVII в. Спинозу, Бейля и др., движение «польских братьев»⁸. Однако Локк не просто выступил в защиту веротерпимости, а убедительно и всесторонне обосновал принцип свободы совести как неотъемлемое и естественное право каждого человека. «Письмо...» содержало широкую программу, направленную на предоставление всем гражданам полной

* * *

⁸ Это название закрепилось за польскими арианами, которые во второй половине XVII в. были выселены с польско-литовских земель и продолжали свою деятельность в странах Западной Европы, слившись с движением социниан.

свободы в выборе и исповедании религии, требовало отделения церкви от государства, равноправия всех религиозных направлений и всех граждан независимо от их религиозной принадлежности.

Нет необходимости подчеркивать прогрессивный характер призывов и требований Локка. Вместе с тем нельзя не заметить, что понимание им свободы совести было ограниченным. Буржуазная «свобода совести», указывал К. Маркс, «не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*...»⁹. Это замечание в полной мере относится к Локку, не вышедшему за рамки буржуазного толкования свободы совести. Автор «Письма...» убежден в том, что вера в бога, в бессмертие души есть «высшая обязанность, лежащая на человечестве»¹⁰. Отсюда следовало категорическое неприятие атеизма «...совсем не могут быть терпимы те, кто отрицает бытие божие»¹¹. Таким образом, Локк отказывал людям в праве быть неверующими, утверждал, что неверие разрывает «узы человеческого общества», подрывает основы нравственности и правопорядка. Не считал он возможным и распространение принципа веротерпимости на сторонников католицизма, намекая на теократические притязания римских пап, на их стремление к богатству и власти, что философ считал совершенно недопустимым. Локк обвинял также католическую церковь в жестоких преследованиях еретиков, в бесчеловечном истреблении «язычников».

Ф. Энгельс отмечал, что «Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года»¹². И действительно, отстаивая материализм в теории познания, английский философ признавал в то же время бытие бога. Подчеркивая приоритет разума по отношению к вере, Локк признавал вместе с тем наличие религиозных истин, стоящих «выше разума». Непоследователен был он, как мы видели, и в трактовке свободы совести. Но колебания Локка во взглядах на религию не могут умалить его заслуг в обосновании и про-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 30.

¹⁰ См. наст. изд., с. 61.

¹¹ Там же, с. 67.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 419.

паганде передовых научно-философских идей, в развитии свободомыслия.

К числу ярких представителей английского материализма и свободомыслия Нового времени принадлежат Джон Толанд (1670—1722) и Антони Коллинз (1676—1729). В публикуемых в настоящем издании сочинениях «Христианство без тайн» Толанда и «Рассуждение об основах и причинах христианской религии» Коллинза, которые впервые переведены на русский язык, содержится развернутая критика христианского верования и культа. Она ведется с общих для всех просветителей рационалистических позиций. Свои главные усилия английские мыслители направляют на выявление несовместимости религиозной веры и разума, несостоятельности религиозных представлений об откровении, чудесах, пророчествах. Они доказывают нелепость религиозных обрядов, разоблачают деятельность церковников. Но, будучи деистами, Толанд, Коллинз и их единомышленники, именовавшие себя «свободными мыслителями» (*free-thinkers*), не порывают с идеей бога, а религиозным суевериям и предрассудкам противопоставляют «истинную религию».

Знакомство с произведением Толанда «Христианство без тайн» (1696) дает все основания считать английского философа одним из пионеров критического исследования новозаветной литературы, большим знатоком истории христианской религии и церкви. Он справедливо указывает на то, что христианство впитало в себя множество элементов языческого и иудейского происхождения, усвоило ряд понятий и представлений античной философии, почерпнутых преимущественно из сочинений Платона и неоплатоников.

Острые толандовской критики было направлено против культовой практики христианства и ее непосредственных носителей — духовенства. Толанд обвиняет церковников в том, что они с помощью «мошеннических уловок» извратили дух первоначального христианства, которое якобы было «разумной и понятной религией». Речь идет в первую очередь о таинствах христианской религии. На примере главных из них — крещения и причащения — Толанд показывает, как под влиянием язычества в христианство проникли «тайны и тайные обря-

ды», как «из-за хитрости и честолюбия священников» оно заполнилось «нечестивыми суевериями». Под этим же углом зрения философ рассматривает становление и других элементов христианского культа. К нелепостям «иудейского или языческого происхождения» он относит молитвы, покаяние, заклинания, поклонение иконам, святым, посты, похоронные обряды и т. п. В религиозных обрядах и таинствах Толанд усматривает источник ошибок и заблуждений. «Нет ничего более противоположного друг другу по своей природе, чем обряд и христианство»¹³.

Острые своей критики Толанд направляет также против мистицизма и иррационализма, присущих христианскому вероучению. Все, что противоречит разуму, что объявляется непостижимым или недоступным разуму, должно быть отвергнуто. «Кто бы ни раскрывал нам что-нибудь, то есть кто бы ни сообщал нам нечто, чего мы раньше не знали, его слова должны быть понятны, а дело — возможно. Это правило имеет силу независимо от того, кто сообщает, бог или человек»¹⁴. Как видно, Толанд не делал принципиального различия между информацией, получаемой от людей, и божественным откровением, ограничивая и то и другое рамками понятного и возможного.

Столь же радикальным образом решается Толандом и вопрос о соотношении веры и разума. Он не просто провозглашает первенство разума перед верой, как это делал, например, Локк, но стремится доказать, что «истинная вера» и есть знание, поскольку она предполагает понимание, покоится на логическом рассуждении. Но если вера есть знание, то «разум более важен, чем откровение». И хотя Толанд для виду оспаривал точку зрения о том, что «такое понятие о вере делает бесполезным откровение»¹⁵, не трудно заметить, что философ по существу приходил к отрицанию роли и значения религиозной веры и откровения, утверждал силу и величие человеческого разума.

Рационалистической интерпретации подвергается

* * *

¹³ См. наст. изд., с. 182.

¹⁴ Там же, с. 115.

¹⁵ Там же, с. 167.

Толандом и понятие чуда. Идеологи религии видели и видят в нем выражение божественного всемогущества, сверхъестественное и непостижимое явление. «Общим для всего христианства является понимание чуда как прорыва, преодоления или отмены естественного закона»¹⁶. С точки же зрения Толанда, «все противоречащее разуму не может быть чудом». И далее он пишет: «Чудесное действие должно быть само по себе понятным и возможным»¹⁷. Но это еще не все: «Чудеса совершаются в соответствии с законами природы, хотя они выше ее обычных действий...»¹⁸

С помощью указанных ограничений Толанд стремился отмежеваться от «вымышленных чудес», которыми изобилуют, по его мнению, все религии, включая христианство. Отвергались им и «языческие чудеса», а также всевозможные суеверия, рассказы о чародеях, кудесниках и т. п. Не решаясь отбросить, как подделку и ложь, евангельские чудеса, Толанд значительно суживал сферу их проявления, ограничивая рамками не только понятного, но и возможного. Утверждение же философа, что чудеса не могут противоречить законам природы, несмотря на сделанную им оговорку, фактически подрывало основу всякого чуда, изображаемого сторонниками религии в качестве сверхъестественного действия.

Нельзя не заметить, однако, что концепция, развиваемая Толандом, имела немало уязвимых пунктов. Ведь философ пытался доказать, как гласит подзаголовок его книги, что «в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или непостижимого им». При этом Толанд оставлял без внимания те несуразности и противоречия, которыми изобилует Новый завет и которые были выявлены еще античными критиками христианства¹⁹. Ошибочным было и его утверждение, что первоначальное христианство не содержало никаких мистических элементов, что «непостижимые тайны» были привнесены в него лишь впоследствии, в период превращения христианства в государственную религию Римской

* * *

¹⁶ Г. А. Габинский. Теология и чудо. Критика богословских концепций. М., 1978, с. 50.

¹⁷ См. наст. изд., с. 170.

¹⁸ Там же, с. 173.

¹⁹ См. А. Б. Ранович. Античные критики христианства. М., 1935.

империи, когда оно было поставлено в один ряд «с мистериями Цереры и оргиями Вакха»²⁰.

Эти и другие ошибочные положения, встречающиеся в книге Толанда, свидетельствуют об исторической ограниченности его критики религии. Однако следует подчеркнуть, что, противопоставляя раннее христианство позднему, как истинное ложному, Толанд тем самым выступал против существующей христианской религии и церкви. Не случайно книга Толанда была предана церковному проклятию и осуждена на сожжение. Сам же он едва избежал судебной расправы.

В дальнейшем Толанд не только продолжил, но и усилил свою критику христианства и религии вообще. В «Письмах к Серене» (1704), одно из которых публикуется в настоящем издании, он с еще большей настойчивостью доказывает родство и близость христианской религии идолопоклонническим суевериям язычников. Со всей решительностью философ отвергает «новое идолопоклонство христиан», несовместимое с принципами разума и требованиями нравственности. «Сюда относятся жертвоприношения, ладан, свечи, иконы, омовения, праздники, музыка, алтари, паломничества, посты, безбрачие духовенства, освящение, прорицания, заклинания, поклонения умершим мужчинам и женщинам, канонизация все новых святых, выступающих в качестве посредников между богом и людьми, добрые и злые духи, ангелы-хранители, покровители мужского и женского пола, которым посвящаются храмы и воздаются особые почести»²¹. Вину за внедрение в христианскую религию нелепых и вредных предрассудков Толанд по-прежнему возлагает на духовенство, изобличает «поповские хитрости», лживость и своекорыстие священнослужителей.

Большое внимание уделяется в «Письмах к Серене» религиям древнего мира. И это не случайно. Толанд имел возможность на примере языческих религий показать «человеческое происхождение богов», вскрыть земные корни религиозных представлений. К тому же критика язычества не была сопряжена с той опасностью, которую таила в себе критика христианства, о чем автор

* * *

²⁰ См. наст. изд., с. 175.

²¹ Там же, с. 212.

«Писем...» отдавал себе полный отчет. И наконец, в язычестве, как уже отмечалось, Толанд усматривал источник тех суеверий, которые глубоко проникли внутрь христианства, извратили его первоначальный облик. Исследуя причины возникновения язычества, критически анализируя религиозные верования и обряды древних египтян, персов, греков, римлян, Толанд убедительно показывает отрицательное воздействие религии на нравственность, на умы людей, приближается к уяснению ее социальных функций.

В «Письмах к Серене» Толанд выступает не только как критик религии, но и как философ-материалист. Именно в этом произведении он формулирует положение о том, что движение является существенным свойством материи, одним из ее атрибутов. «Я отрицаю, — писал Толанд, — что материя есть или когда-либо была бездейственной, мертвой глыбой, находящейся в состоянии абсолютного покоя, чем-то косным и неповоротливым»²². Философ обращает также внимание на неразрывную связь материи и движения с пространством и временем, отвергает понятия абсолютного пространства и абсолютного времени. Эти положения знаменовали дальнейшее развитие философского материализма.

Вместе с тем мысль Толанда о внутренне присущей материи активности фактически устраняла бога из материального мира, лишала всякого смысла концепцию божественного первотолчка. «...Раз допущена активность материи, — указывал Толанд, — то, по-видимому, исчезает необходимость в верховном уме»²³. Однако согласиться с этим справедливым выводом автор «Писем к Серене» не решился. Действительные убеждения Толанда, безусловно, мешали ему полностью отказаться от идеи бога, перейти на позиции атеизма.

Видное место в истории английского свободомыслия принадлежит соратнику и другу Толанда — А. Коллинзу. Славу вольнодумца он стяжал рядом сочинений, среди которых особую известность приобрело «Рассуждение о свободомыслии» (1713). В нем Коллинз выдвигает и обосновывает положение: «....свободно думать о

* * *

²² «Английские материалисты XVIII в.», т. 1. М., 1967, с. 152.

²³ Там же, с. 195.

религиозных вопросах является долгом всех людей»²⁴. Свободная мысль философа имеет своей целью критику христианской религии и церкви. Она ведется в общем и целом с тех же просветительских и деистских позиций, с которых выступал Толанд. Но в отличие от последнего Коллинз подвергает критическому анализу не столько культовую практику христианства, сколько содержание христианского вероучения. Он убедительно показывает, насколько противоречивы и путаны представления богословов о природе бога и его атрибутах, насколько расходятся церковники в понимании важнейших догматов, в толковании большинства таинств. Коллинз приводит в своем сочинении длинный список прегрешений священнослужителей, обвиняет их в нетерпимости и фанатизме, извращении истины, насаждении суеверий. Суеверам и фанатикам философ противопоставляет вольнодумцев разных времен и народов, отличавшихся своим умом и добродетелью. И хотя в сочинении Коллинза не содержится атеистических выводов, он недвусмысленно дает понять, что его симпатии принадлежат не сторонникам религии, а ее противникам.

В своих философских произведениях («Опыт об использовании разума», «Философское исследование человеческой свободы» и др.) Коллинз отстаивает материалистическое понимание сознания, критикует религиозно-идеалистические представления о нематериальности и бессмертии души, пропагандирует детерминистский подход к человеку, к действиям его тела и духа, исключающий свободу воли.

Публикуемое в настоящем издании «Рассуждение об основах и причинах христианской религии» (1724) посвящено критическому анализу Библии, являющейся священной книгой иудаизма и христианства. Теоретической основой сочинения служит положение об историческом характере религии, ее подверженности всевозможным изменениям. Коллинз обращает внимание читателей на то обстоятельство, что религии возникают и развиваются под непосредственным влиянием существовавших до них религиозных представлений, путем их усвоения и переработки. Так, например, многие религи-

* * *

²⁴ «Английские материалисты XVIII в.», т. 2. М., 1967, с. 99.

озные предписания иудаизма были заимствованы из религиозных обрядов древних египтян. Зороастризм впитал в себя «религию волхвов», которая существовала до этого у древних персов. «Миссия Магомета предполагала существование христианства, а оно в свою очередь — иудаизма»²⁵. Коллинз сравнивает процесс возникновения новых религий с прививкой растений. Старая религия выполняет как бы роль подвоя, которому прививают новую ветвь. «Ибо если мы рассмотрим различные откровения и изменения в религии... то обнаружим, что по большей части они привиты к какому-либо старому подвою или основаны на каких-либо предшествующих откровениях...»²⁶.

Процесс обновления религиозных представлений, отмечает Коллинз, неустрашим, несмотря на то, что каждая религия провозглашает вечность и незыблемость своих догматов. Коллинз пытается также дать своеобразное психологическое объяснение этому процессу. Внедрить в сознание людей, воспитанных на старой религии, совершенно новую веру чрезвычайно трудно, если не невозможно. Поэтому сторонники новой религии стараются придать ей «вид самой глубокой древности», чтобы облегчить замену старых воззрений новыми. Именно таким путем и происходило, согласно Коллинзу, становление христианства. Основатели христианской религии, пишет Коллинз, всячески стремились защитить себя от обвинений в ереси и новизне. Поэтому они направляли свои главные усилия на доказательство того, что рождение Христа и его спасительная миссия целиком и полностью вытекают из содержания Ветхого завета.

Особого внимания заслуживают, по мнению Коллинза, ветхозаветные пророчества, которые трактуются апостолами и евангелистами как сбывшиеся. Ссылки на эти пророчества служили и служат церковникам главными аргументами для доказательства истинности христианской религии. «Исполнение пророчеств» Ветхого завета призвано убедить верующих в том, что жизнь и деяния Иисуса Христа были в действительности пред-

* * *

²⁵ См. наст. изд. с. 230.

²⁶ Там же, с. 228.

сказаны библейскими пророками и что, следовательно, его божественность несомненна. «Если эти доказательства верны, христианство непоколебимо установлено на своей истинной основе»²⁷. «Если эти доказательства неверны, тогда христианство ложно»²⁸.

В такой постановке вопроса открывался путь для раскрытия несостоятельности и ложности христианской религии. Для этого необходимо было показать, что многочисленные ссылки на ветхозаветные пророчества, которые содержатся в Новом завете, произвольны и необоснованны. Тогда стало бы ясно, что Ветхий завет во все не предсказывает появление христианства и что авторы Нового завета ошибочно видят в нем исполнение пророчеств Ветхого завета. Однако открыто сказать, что «у христианства нет истинной основы», философ-деист не решился. Коллинз пошел по другому пути. Не ставя под сомнение ветхозаветные пророчества, он категорически отвергает их буквальное или дословное понимание, настаивает на необходимости символического или аллегорического толкования Писания.

Наибольший интерес представляет интерпретация Коллинзом пророчеств, связанных с рождением Христа, его жизнью и деятельностью. Речь идет прежде всего о пророчестве Исайи: «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Исайя 7, 14), которое приводится в евангелии от Матфея (1, 23). Ссылкой на это пророчество евангелистом доказывалось, что Иисус — сын божий, родившийся чудесным образом от девы Марии. Однако Коллинз показывает, что слова пророка «в своем очевидном и буквальном смысле» относятся не к деве Марии, а к некой молодой женщине, жившей во времена иудейского царя Ахаза²⁹. Таким образом, это пророчество, подчеркивает Коллинз, отнюдь не сбылось в отношении Иисуса Христа в буквальном и прямом смысле слов, как считает евангелист, а сбылось только в переносном, аллегорическом смысле.

Аналогичным образом толкуется Коллинзом пророчество Осии: «Из Египта воззвал сына Я Моего» (Осия

* * *

²⁷ См. наст. изд., с. 232.

²⁸ Там же, с. 235.

²⁹ Там же, с. 241.

11, 1), которое также приводится в евангелии от Матфея (2, 15) и используется для доказательства божественности Христа. Критически анализируя пророчество Осии, содержащееся в Ветхом завете, Коллинз отмечает, что «в соответствии с его очевидным смыслом оно не является пророчеством, а относится к прошлому действию»³⁰. Перечеркивается по существу Коллинзом и пророчество, призванное подтвердить земную биографию Иисуса, а именно его пребывание в Назарете. По поводу слов Евангелия «да сбудется реченное чрез пророков, что Он Назореем наречется» (Матф. 2, 23) Коллинз пишет: «Точно такой цитаты не встречается ни в одном месте Ветхого завета, поэтому в отношении ее никак нельзя сказать, что буквально сбылось пророчество Ветхого завета, содержащееся в ней»³¹.

Не выдерживают критики и другие ветхозаветные пророчества, которые фигурируют в евангелии от Матфея в качестве доказательств истинности христианства. «Короче говоря, пророчества из Ветхого завета, приводимые авторами Нового завета, настолько явственно относятся в своем очевидном и прямом смысле к другим событиям, а не к тем, для доказательства которых они приводятся, что утверждать, будто в этом смысле они действительно доказывают то, для доказательства чего они приводятся, — значит предать дело христианства иудеям и другим его врагам, которые могут столь легко показать на столь многочисленных примерах, что в этом отношении Ветхий и Новый заветы никак не связаны друг с другом, а, напротив, несовместимы друг с другом»³².

Отвергая столь решительным образом буквальное (вербальное) толкование библейских пророчеств, Коллинз вступал в противоречие с церковными установлениями. Вербальная трактовка Библии безраздельно господствовала в то время в христианском богословии. Свою приверженность к этой трактовке неоднократно выражала как католическая, так и протестантская церковь. Последняя, включая и англиканскую церковь, упорно

* * *

³⁰ Там же, с. 245.

³¹ Там же, с. 246.

³² Там же, с. 246—247.

настаивала на необходимости вербального толкования текста Священного писания. Протестантские богословы опирались при этом на известное положение Лютера, гласившее, что в Библии «ни одна буква, ни одна точка не написана напрасно». Рьяными защитниками вербальной трактовки библейских пророчеств были англиканские теологи XVII—XVIII вв. Они отстаивали тезис о безусловной достоверности и непогрешимости Библии, ее полной и несомненной богодухновенности. Сомнение в «исполнении пророчеств» рассматривалось как ересь и категорически осуждалось. Не удивительно поэтому, что книга Коллинза вызвала целый поток опровержений и обвинений (за короткое время против нее было написано 35 обличительных памфлетов³³).

Своей трактовкой ветхозаветных пророчеств Коллинз наносил удар не только по буквальному их толкованию, но и по идее богодухновенности Библии вообще. Ортодоксы, настаивавшие на том, что текст Священного писания являлся «предметом особой заботы провидения» и поэтому «постоянно сохранялся нетронутым и неискаженным», не могли простить Коллинзу идею непрерывного изменения и обновления религии. Откровение, которое создается «на основе предшествующих откровений» вопреки тому, что «старые откровения... за-прещали любые изменения и нововведения»³⁴, утрачивает свой богодухновенный характер и превращается в обычный человеческий документ.

В книге Коллинза имелся еще один аспект, мимо которого не могли пройти ее теологические критики. Это была интерпретация евангельских чудес. Чудеса, приписываемые Иисусу Христу, точно так же как и ссылки на ветхозаветные пророчества, призваны были убедить верующих в божественности его личности. Именно такая трактовка чудес содержится в Новом завете. Творимые Иисусом чудеса фигурируют там в качестве главного доказательства того, что он действительно является сыном божьим. Совершенно иную точку зрения отстаивает Коллинз: «чудеса, сотворенные Иисусом, не являются

* * *

³³ W. R. Sorly. A History of British Philosophy to 1900. Cambridge, 1965, p. 150.

³⁴ См. наст. изд., с. 228—229.

абсолютными доказательствами его мессианства или истинности христианства»³⁵. Чудеса, разъясняет Коллинз, никогда не могут сделать верной такую основу, которая сама по себе неверна. К тому же многие чудеса оказываются ложными слухами, и их вообще не следует принимать во внимание. Не отвергая в принципе возможность евангельских чудес, Коллинз дает им трактовку, значительно суживающую сферу их проявления и ограничивающую их доказательную силу. Философ принимает только те чудеса, которые «были напорожены в Ветхом завете»³⁶. Но и эти чудеса можно признать только в том случае, если будет доказано, что совершивший их действительно мессия. «Ибо... если бы Иисус не был тем лицом, о котором пророчествует Ветхий завет как о мессии, его чудеса не доказывают ни его мессианства, ни его божественную миссию»³⁷. Получалось, таким образом, что следует сначала доказать, что Иисус Христос есть мессия, а потом только принимать на веру творимые им чудеса.

«Рассуждение об основах и причинах христианской религии», как и «Христианство без тайн», должно рассматриваться и оцениваться с позиций историзма. Не трудно обнаружить ограниченность той концепции христианства, которую отстаивал Коллинз, недостатки его анализа Библии. Как и Толанд, Коллинз игнорировал социальные предпосылки возникновения и развития христианской религии, весьма упрощал проблему ее источников. У обоих авторов мы сталкиваемся с идеализацией первоначального христианства, стремлением представить его в качестве «разумной», или «истинной», религии. Но нельзя забывать, что английские вольнодумцы создали свои произведения в то время, когда научное исследование Ветхого и Нового заветов, критическое изучение библейских текстов делали только первые шаги. Историческое значение «Христианства без тайн» Толанда и «Рассуждения об основах и причинах христианской религии» Коллинза заключается в том, что они утверждали

* * *

³⁵ См. наст. изд., с. 239.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

«право человека на свободомыслие»³⁸, подрывали устои религиозных представлений, подготавливали почву для распространения атеизма.

Настоящее издание приобретает особый смысл, если учесть, что публикуемые в нем произведения Локка, Толанда и Коллинза оказались преданными полному забвению как в самой Англии, где они не переиздавались с XVIII в., так и в других буржуазных странах. Это лишний раз свидетельствует о том, что только в условиях социализма может быть по достоинству и объективно оценено прогрессивное философское наследие мыслителей прошлого. Критическое освоение этого наследия призвано сыграть важную роль в преодолении религиозной идеологии, в утверждении научного, материалистического мировоззрения.

Б. В. Мееровский

* * *

³⁸ См. «Английские материалисты XVIII в.», т. 2, с. 74.

Джон Локк

Письмо
о веротерпимости

Наилучшее решение и мудрость честного гражданина в том и состоят, чтобы не вносить противоречий в интересы граждан и всех их сдерживать, обращаясь с ними одинаково справедливо.

Цицерон. Об обязанностях, кн. II¹

Читателю

Нижеследующее письмо о веротерпимости, первоначально опубликованное в этом году в Голландии на латинском языке, уже переведено на голландский и французский языки. Такое общее и быстрое одобрение может поэтому предвещать ему благоприятный прием в Англии. Конечно, я думаю, ни в одной стране не сказано об этом предмете столько, сколько в нашей. И все же, несомненно, ни один народ не нуждается так, как наш, в том, чтобы вопрос о веротерпимости обсуждался и дальше и чтобы в этой области было что-то сделано. Не только наше правительство пристрастно в делах религии, но и те, кто пострадал от этого пристрастия и поэтому пытаются в своих сочинениях защитить свои права и свободы, делают это большей частью на основе узких принципов, соответствующих только интересам их собственных сект.

Эта узость духа, проявляемая всеми сторонами, без сомнения, является главной причиной наших несчастий и беспорядков. Но каковы бы ни были эти причины, ныне настало время искать совершенного лекарства. Мы нуждаемся в более действенных средствах, чем те, которые мы использовали до сих пор для излечения наших недугов. Ни объявления терпимости, ни акты о включении², подобные практиковавшимся или проектировавшимся у нас до сих пор, не решают вопроса. Первые будут лишь полумерами, вторые увеличат зло.

Абсолютная свобода, справедливая и истинная свобода, равная и беспристрастная свобода — вот в чем мы нуждаемся. И хотя об этом много говорилось и я сомневаюсь, чтобы этого не понимали, свобода, я уверен, вовсе не практиковалась ни нашими правителями в отношении народа вообще, ни враждующими партиями внутри народа по отношению друг к другу.

Поэтому я не могу не надеяться, что этот трактат, рассматривающий такую тему хотя и кратко, однако более строго, чем любой из известных нам до сих пор трактатов, доказывающий как справедливость, так и полезность веротерпимости, будет сочтен весьма свое-

временным всеми людьми, чьи умы достаточно широки, чтобы предпочесть истинный интерес народа интересам партии.

Я перевел его на английский язык³ для тех, кто уже воодушевлен подобным образом, и для того, чтобы возбудить такой дух в тех, кто еще не воодушевлен. Сам трактат так короток, что не нуждается в более обширном предисловии. Поэтому я предоставляю его рассмотрению моих соотечественников и сердечно желаю, чтобы они могли использовать его согласно его явному назначению.

Письмо о веротерпимости

Высокочтимый сэр!

Поскольку Вы сооблаговолили осведомиться относительно моих мыслей о взаимной терпимости христиан в вопросах различного исповедания веры, я должен прямо ответить Вам, что считаю веротерпимость главной отличительной чертой истинной церкви. Ибо как бы ни хвастали одни люди древностью мест и имен или внешней пышностью своего богослужения⁴, другие — исправлением своих правил⁵, а все — ортодоксальностью своей веры, ибо каждый для себя ортодокс, и это, и все заявления подобного рода гораздо больше свидетельствуют о стремлении людей к власти и господству друг над другом, чем о том, что это церковь Христа. Пусть даже человек совершенно справедливо претендует на все это; все же, если он лишен милосердия, кротости и доброй воли вообще по отношению ко всему человечеству, и к христианам в том числе, он сам, конечно, еще не настоящий христианин. «Цари язычников господствуют над ними, — сказал своим ученикам наш спаситель, — но вы не будьте такими» (Лук. 22, 25—26)⁶.

Истинная религия — совершенно иное дело. Она учреждена не с целью насаждения внешней пышности, приобретения церковной власти или применения наси-

лия, но для упорядочения человеческой жизни согласно правилам добродетели и благочестия. Всякий, кто хочет числиться под знаменем Христа, должен в первую очередь и прежде всего бороться против своих собственных вожделений и пороков. Тщетно присваивать себе имя христианина без святости жизни, чистоты обычаев, великодушия и кротости. «Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя господа» (2 Тим. 2, 19); «и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих», — сказал наш господь Петру (Лук. 22, 32). И конечно, тому, кто явно не заботится о собственном спасении, трудно убедить меня в том, что он чрезвычайно озабочен моим. Ибо невозможно, чтобы те, кто на деле не исполнили свои сердца христианской религией, искренне и сердечно посвятили себя обращению других в христиан.

Если можно верить Евангелию и апостолам, то никто не может быть христианином без милосердия и той веры, которая действует не силою, а любовью. И я обращаюсь к сознанию тех, кто преследует, мучит, истребляет и убивает других людей во имя религии. Неужели они поступают так из дружбы и доброты к ним? Я поверю этому только тогда, когда увижу, что эти свирепые фанатики так же исправляют своих друзей и знакомых за их грехи против предписаний Евангелия; когда увижу, как они огнем и мечом преследуют членов своей собственной общины, запятнанных чудовищными пороками и находящихся в опасности вечной гибели, если не исправятся, и когда я увижу, как они выражают свою любовь и желание спасти свои собственные души, причиняя себе жестокие мучения. Ибо если лишение состояния, увечье, наносимое телесными наказаниями, голод и муки в отвратительных тюрьмах и, наконец, даже лишение жизни совершаются, как утверждают эти люди, исходя из принципов милосердия и любви к человеческим душам; если, говорю я, все это совершается лишь для того, чтобы превратить людей в христиан и обеспечить их спасение, то почему же тогда терпят они «блуд, лукавство, корыстолюбие, злобу и всякую неправду», которые, согласно апостолу (Рим. I, 29) ⁷, явно отдают языческой развращенностью и которые столь распространены и господствуют среди их паствы и народа?

Эти и подобные им вещи, конечно, больше противоречат божьей славе, чистоте церкви и спасению души, чем любое сознательное расхождение с решением церкви или любое уклонение от общественного богослужения, если они сопровождаются безгрешной жизнью. Почему же тогда эта пылающая ревность к богу, церкви и спасению души, пылающая, говорю я, буквально огнем и факелами, проходит мимо тех нравственных пороков и беззаконий, которые всеми признаются за диаметрально противоположные исповеданию христианской веры, не пытаясь их исправить, и направляет все свои силы или на введение церемониала, или на установление мнений, большей частью касающихся столь тонких и запутанных вопросов, что они превосходят способности обычного рассудка? Какая из партий, спорящих из-за этих вопросов, права, а какая виновна в схизме или ереси — та, которая господствует, или та, что страдает, — станет тогда ясным, когда станут обсуждаться причины их расхождения. Тот, кто следует Христу, принимает его учение и исполняет свои обязанности, не будет тогда считаться еретиком, даже если он отступится от отца и матери, удалится от собраний и церемоний своей страны или откажется от чего-либо или кого-либо еще.

И хотя расхождения между сектами должны считаться пагубными для спасения души, тем не менее «дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство», относительно которых апостол ясно сказал, что «поступающие так царствия божия не наследуют»⁸. Поэтому всякий, кто искренне домогается царства божия и считает своей обязанностью стремиться к распространению его среди людей, должен с не меньшей заботой и усердием прилагать свои силы к искоренению этих безнравственных поступков, чем к уничтожению сект. Но если кто-либо поступает иначе и, будучи жесток и непримирим к тем, кто отличается от него своими мнениями, снисходительно относится к беззакониям и безнравственным поступкам, неприличным христианину, то, пусть он сколько угодно говорит о церкви, он ясно показывает своими действиями, что заботится об ином царстве, а не об успехах царства божия.

Признаюсь, для меня, да, думаю, и для всякого другого, выглядит очень странно, что человек считает справедливым причинить другому человеку, спасения которого он горячо желает, мучительную смерть, причем даже не обратив его. И уже определенно никто не поверит, что такое деяние может проистекать из кротости, любви или доброй воли. Если кто-либо утверждает, что людей следует принуждать огнем и мечом к исповеданию определенных учений и к подчинению тому или иному порядку богослужения безотносительно к их нравственности; если кто-либо пытается обратить тех, кто ошибается в вопросах веры, заставляя их исповедовать то, во что они не верят, и разрешая им практиковать вещи, которых не дозволяет Евангелие, то, конечно, нельзя сомневаться в том, что такой человек желает просто объединить большое число лиц вокруг своего исповедания веры. Равным образом невероятно, чтобы он стремился таким образом создать истинную христианскую церковь. Поэтому не следует удивляться, если те, кто на деле не стремятся к процветанию истинной религии и христовой церкви, используют оружие, не принадлежащее христианскому воинству. Если бы, подобно распорядителю нашего спасения, они искренне желали блага для человеческих душ, они шли бы по стопам и следовали бы совершенному примеру того князя мира, который послал своих солдат покорять народы и собирать их в его церковь, вооруженных не мечом или иным орудием насилия, но Евангелием мира и примерной святостью речи. Таким был его метод; хотя если бы следовало обращать неверных силою, если бы слепцов и упрямцев следовало отвращать от их ошибок силою вооруженных солдат, то ему легче было бы сделать это при помощи армии небесных легионов, чем любому сыну церкви, сколь угодно сильному, с помощью всех его драгун.

Веротерпимость по отношению к тем, кто отличается от других в религиозных делах, столь согласуется с Евангелием Иисуса Христа и подлинным разумом человечества, что кажется чудовищным, когда люди так слепы, что не могут понять необходимости и выгоды этого, ясных с первого взгляда. Я не буду оценивать здесь гордость и честолюбие одних, страсть и неукро-

тимый фанатизм других. Это недостатки, от которых вряд ли можно совершенно освободиться в человеческих делах. Но они таковы, что никто не переносит простого порицания их, не попытавшись их приукрасить и рассчитывая при этом на одобрение, в то время как собственные порочные страсти увлекают их прочь. Однако, несмотря на то что некоторые лица не в состоянии приукрасить свойственный им дух преследования и нехристианскую жестокость претензиями на заботу об общественном благе и соблюдении закона, а другие не могут обеспечить безнаказанность своего распутства и непристойности претензиями на религиозность — одним словом, не могут обмануть себя или других претензиями на лояльность к государю и повиновение ему или на почтение и искренность в служении богу, все же я считаю прежде всего необходимым точно отличить дела гражданского правления от религиозных дел и установить справедливые границы между теми и другими. Если этого не сделать, не будет конца спорам, всегда возникающим между теми, кто заботится или по меньшей мере претендует на заботу о человеческих душах, с одной стороны, и о государстве — с другой.

Государство я считаю обществом людей, образованным только для обеспечения, сохранения и достижения их собственных гражданских интересов.

Гражданскими интересами я называю жизнь, свободу, здоровье, отсутствие телесных страданий и владение такими внешними благами, как деньги, земли, дома, домашняя утварь и т. п.

Обязанностью гражданских властей является обеспечить всем людям вообще и каждому из подданных в отдельности справедливое владение этими вещами, принадлежащими к средствам жизни, путем беспристрастного исполнения справедливых законов. Если кто-либо осмелится нарушить законы общественной справедливости и равенства, установленные для сохранения этих вещей, его намерение обуздывается страхом наказания, состоящего в лишении или уменьшении этих гражданских интересов или благ, которыми он иначе может и должен пользоваться. Но поскольку никто не желал бы добровольно быть наказанным лишением хотя бы части своих прав, а тем менее свободы или жизни, постольку

существует власть, наделенная силой и мощью всех своих подданных с целью наказывать тех, кто нарушает права какого-либо другого человека.

А посему вся юрисдикция должностных лиц касается только этих гражданских дел, а вся гражданская власть, право и господство связаны с попечением об этих вещах и ограничиваются им. И эта юрисдикция не может и не должна распространяться на спасение душ. Последующие рассуждения кажутся мне подробно доказывающими это.

Во-первых, потому что попечение о душах не болееверяется гражданскому правителю, чем любым другим лицам. Оно неверяется ему, говорю я, богом, ибо непохоже, чтобы бог давал одному человеку такую власть над другим, чтобы он мог принудить того исполнять предписания своей религии. Не может облечь правителя такой властью и согласие народа, ибо никто не может настолько пренебрегать заботой о своем собственном спасении, чтобы слепо предоставить выбору кого-то другого, правителя или подданного, какой веры или богослужения ему придерживаться. Ибо никто не может сообразовывать свою веру с чужими предписаниями. Вся жизненность и сила истинной религии состоит во внутренней и полной убежденности души, и вера без убежденности не есть вера. Какого бы вероисповедания мы ни придерживались, какому бы внешнему богослужению мы ни подчинялись, если наша душа не совершенно уверена в истинности первого и приятности для бога второго, такое вероисповедание и такое отправление веры не способствуют, но препятствуют нашему спасению. Ибо, поступая таким образом, предлагая всемогущему богу такое богослужение, которое мы считаем неприятным ему, мы вместо искупления грехов посредством отправления религиозных обрядов добавляем к прочим нашим грехам грех лицемерия и пренебрежения божественным величием.

Во-вторых, забота о душах не может быть вверена попечению гражданских властей, потому что их власть состоит лишь во внешней силе. Истинная же и спасительная религия состоит во внутренней убежденности души, без которой ничего не угодно богу. И природа разума такова, что его нельзя внешней силой при-

нудить к вере во что-либо. Конфискация имущества, заключение в темницу, мучения — ничто подобное не может заставить человека изменить то внутреннее суждение, которое он составил о вещах.

Можно, конечно, допустить, что власти могут использовать аргументы и таким образом обратить инакомыслящих на путь истинный и обеспечить их спасение. Я допускаю это; но то же самое может сделать любой другой человек. Уча, наставляя и исправляя ошибающегося путем убеждения, представитель власти, конечно же, может сделать то же самое, что и любой хороший человек. Власть, которой он облечен, не обязывает его отказываться от человечности или христианства. Но одно дело — убеждать, другое — приказывать; одно дело — внушать аргументами, другое — наказаниями. На одно имеет право лишь гражданская власть; достаточное полномочие для другого дает добрая воля. Каждый человек полномочен предостерегать, увещевать, убеждать другого в ошибочности его мнений и путем рассуждения приводить его к истине. Но устанавливать законы, требовать покорности и принуждать мечом имеет право лишь государь. И на этой основе я утверждаю, что власть государя не доходит до установления истин веры или форм богослужения силой его законов. Ибо законы бессильны без наказаний, а наказания в этом случае абсолютно бесполезны, ибо они не в состоянии убедить душу. Ни исповедание какого-либо символа веры, ни подчинение какой бы то ни было внешней форме богослужения не могут, как уже говорилось, способствовать спасению души, если те, кто исповедует этот символ и практикует это богослужение, не уверены полностью в истинности одного и приемлемости для бога второго. Лишь свет и доказательство могут способствовать изменению во мнениях⁹. А этот свет никоим образом не происходит от телесных страданий или любых внешних наказаний.

В-третьих, забота о спасении человеческих душ не может быть вверена гражданским властям, потому что, если бы даже строгость законов и сила наказаний и могли бы убедить человеческие умы и изменить их, они вовсе не помогли бы спасению душ. Ибо раз есть лишь одна истина и один путь на небо, то как можем мы

надеяться, что больше людей туда попадет, если у них нет иного способа следовать туда, кроме придворной религии, и они принуждены отказаться от света своего разума, от велений своего сознания и должны слепо подчиниться воле своих правителей и религии, которую установили в их стране невежество, высокомерие или суеверие? При том разнообразии и противоречии религиозных мнений, в которых властители мира так же разделены, как и в их мирских интересах, узкий путь был бы самым тесным; лишь одна страна была бы во всем правой, весь же остальной мир был бы обязан следовать за ее правителями по путям, ведущим к гибели. И что еще абсурднее и совсем не подобает понятию бога, люди были бы обязаны своим вечным счастьем или несчастьем месту своего рождения.

Эти соображения, если даже опустить много других, ведущих к той же цели, кажутся мне достаточными для заключения, что вся власть гражданского правительства касается только гражданских интересов людей и ограничена попечением о вещах этого мира, ничего общего не имея с делами иного мира.

Рассмотрим теперь, что такое церковь. Церковь я считаю добровольным обществом людей, соединяющихся вместе по их собственному согласию с целью публичного отправления богослужения, приличествующего, согласно их мнению, богу и способствующего спасению их душ.

Я говорю, что это свободное и добровольное общество. Никто не рождается членом какой-либо церкви; в противном случае религия родителей передавалась бы их детям в силу того же права наследования, что и их мирские состояния, и каждый сохранял бы свою веру так же, как свои земли; но нельзя вообразить ничего более нелепого. Так обстоит дело. Никто по своей природе не связан с какой-либо определенной церковью или сектой, но добровольно присоединяется к тому обществу, в котором, как он думает, нашел вероисповедание и обряды, действительно подобающие богу. Поскольку же надежда на спасение была единственной причиной его вступления в данное сообщество, только она может быть основанием для того, чтобы там оставаться. И если впоследствии он обнаружит, что в этом учении что-либо

ошибочно или в богослужении что-либо несообразно, то почему бы ему не выйти столь же свободно из общества, как свободно он вошел в него? Ни один из членов религиозного общества не может быть связан иными узами, кроме тех, что проистекают из определенных ожиданий вечной жизни. Следовательно, церковь есть общество членов, добровольно объединившихся с указанной целью.

Рассмотрим теперь, какова власть церкви и каким законам она подчинена.

Никакое общество, как бы свободно и по какому бы незначительному поводу оно ни образовалось (будь то общество философов, собравшееся с целью обучения, или торговцев — для коммерции, или праздных людей — для разговора и беседы), никакая церковь или собрание не могут существовать и собираться вместе, если они не регулируются некоторыми законами, а члены их не согласились соблюдать некоторый порядок. Должны быть согласованы место и время встреч; должны быть установлены правила приема и исключения членов; не могут быть упущены из виду отличия руководителей, правила ведения дел и пр. Но так как объединение нескольких членов в церковное общество, как уже было доказано, является совершенно свободным и добровольным, то отсюда необходимо следует, что право создания его законов не может принадлежать никому, кроме самого общества или по крайней мере — что то же самое — кроме тех, кого уполномочило на это общее согласие.

Кое-кто, возможно, возразит, что никакое такое общество не может быть названо подлинной церковью, если в нем нет епископа или пресвитера, обладающего правом управления, заимствованным у самих апостолов и непрерывно длящимся до настоящего времени.

На это я отвечаю: во-первых, пусть они предъявят мне указ, коим Христос предписал этот закон своей церкви. И пусть никто не сочтет неуместным, если во имя последовательности я потребую, чтобы этот указ был ясным и определенным. Ибо обещание, которое Христос дал нам, а именно: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18, 20), кажется мне предполагающим прямо противоположное. Рас-

смотрите, прошу Вас, чего не хватает такому собранию, для того чтобы быть подлинной церковью. Я же убежден, что в нем не может недоставать ничего того, что необходимо для спасения души, а этого достаточно для нашей цели.

Посмотрите, прошу Вас далее, как велики были всегда расхождения даже между теми, кто так много говорит об учреждении церкви богом и непрерывной преемственности управляющих ею. Само это несогласие ведет к необходимости выбирать и, следовательно, допускает свободу выбора того, что мы предпочтем по здравом размышлении.

И наконец, я согласен, чтобы эти люди имели руководителя церкви, чье право подтверждено таким длинным преемственным рядом, как это им угодно, при условии, что я в то же время свободен присоединиться к такому обществу, относительно которого я убежден, что именно в нем я найду то, что необходимо для спасения моей души. Подобным образом церковная свобода будет сохранена для всех сторон и не будет законодателей, навязанных людям, но лишь избранные ими самими.

Но поскольку люди столь заботятся об истинной церкви, я только спросил бы их, между прочим, не более ли отвечало бы духу христовой церкви, если бы условия приобщения к ней состояли в том, и только в том, что святой дух в ясных словах выразил в Священном писании как необходимое для спасения? Не больше ли согласовалось бы это с христовой церковью, чем навязывание людям человеческих выдумок и истолкований под видом божественного авторитета и установление церковными законами в качестве абсолютно необходимого для исповедания христианской веры таких вещей, которые или вовсе не упоминаются в Священном писании, или по крайней мере явно не предписываются? Всякий, кто требует для приобщения к церкви таких вещей, которых Христос не требует для вечной жизни, может, конечно, создать общество, приноровленное к его собственному мнению и его выгодам, но я не понимаю, как может называться христовой церковью общество, основанное не на законах Христа и исключаящее из себя таких лиц, которых он примет в царствие небесное. Но

здесь не место исследовать признаки истинной церкви, и я только напому тем, кто так настойчиво препирается из-за законов своего собственного общества и постоянно восклицает «церковь, церковь!» с таким же шумом и, возможно, на основании тех же самых принципов, что и эфесские серебряных дел мастера, провозглашавшие всеу имя Дианы¹⁰; я хотел бы напомнить им, что в Евангелии часто говорится, что подлинные ученики Христа должны терпеть преследования, но я не мог найти ни в одной из книг Нового завета, что христова церковь должна преследовать других и принуждать их огнем и мечом принять ее веру и доктрину.

Цель религиозного общества, как было сказано, есть совместное поклонение богу и достижение посредством его вечной жизни. Поэтому все правила должны быть направлены к данной цели и этим должны быть ограничены все церковные законы. В этом церковном обществе ничто не должно и не может быть направлено на обладание гражданскими и светскими благами. Здесь нельзя ни по какому поводу применять силу, ибо сила принадлежит только гражданским властям и владение всеми внешними благами находится в их юрисдикции.

Однако могут спросить, какими же средствами будут устанавливаться церковные законы, если они должны быть таким образом лишены всякой принудительной силы? Они должны устанавливаться, отвечаю я, при помощи тех средств, которые соответствуют природе таких вещей; внешнее же исповедание и соблюдение правил, если они не проистекают из полной убежденности и согласия души, и бесполезны и невыгодны. Орудия, посредством которых члены этого общества должны удерживаться в рамках их обязанностей, суть увещания, предостережения и советы. Если при помощи этих средств нарушители не будут исправлены, а заблуждающиеся — убеждены, не остается ничего иного, как изгнать и удалить из общества тех упрямых и упорных лиц, которые не поддаются надежды на исправление. Такова последняя и высшая сила церковной власти; она не может наложить иного наказания, кроме прекращения отношений между обществом и исключенным его членом, так что лицо, осужденное таким образом, прекращает быть частью этой церкви.

Определив эти вещи, исследуем теперь, как далеко простирается долг терпимости и чего он требует от каждого.

Во-первых, я утверждаю, что обязанность терпимости не связывает никакую церковь необходимостью сохранять в своей среде лицо, которое после увещаний продолжает упорно нарушать законы общества. Ибо, поскольку они [законы] образуют условия приобщения и узы общества, постольку дозволение нарушать их без наказания поведет к тому, что общество немедленно распадется. Но тем не менее во всех таких случаях следует заботиться, чтобы приговор об изгнании и его выполнение не сопровождалось бы грубым обращением — словом или действием, которое могло бы нанести изгнанному лицу вред в отношении его тела или состояния. Ибо всякая сила, как уже было сказано, принадлежит только гражданской власти, и никакие частные лица никогда не должны применять силу, за исключением случаев защиты против несправедливого насилия. Отлучение не лишает и не может лишить отлучаемого ни одного из гражданских благ, которыми он прежде пользовался. Все это подлежит власти гражданского правительства и находится под защитой властей. Вся сила отлучения состоит лишь в том, что, когда объявляется решение общества, расторгается союз между обществом и одним из его членов и с ликвидацией этого отношения прекращается участие бывшего члена в определенных вещах, которые обеспечиваются обществом его членам и на которые никто не имеет гражданских прав. Ибо отлученному лицу не наносится никакого гражданского ущерба, если церковный служитель отказывает ему в хлебе и вине, предназначенных для прославления вечери господа, которые были куплены не на его деньги, а на деньги других людей.

Во-вторых, ни одно частное лицо не имеет права помешать другому лицу в его пользовании гражданскими благами на том основании, что оно принадлежит к другой церкви или религии. Все права и льготы, принадлежащие ему как человеку или гражданину, нерушимо сохраняются за ним. Они не относятся к религии. Ему не должно быть нанесено никакое насилие или оскорбление независимо от того, христианин он или

язычник. Больше того, мы не должны довольствоваться только узкими мерами права; к ним должны быть добавлены милосердие, великодушие и щедрость. Это предписывает Евангелие, это повелевает разум, и этого требует от нас то естественное братство, в котором мы рождены. Если кто-либо отклоняется от правильного пути, это его несчастье, но не вред, нанесенный тебе. И ты не должен поэтому наказывать его лишением благ этой жизни, ведь ты думаешь, что он будет несчастен в жизни будущей.

То, что я сказал относительно взаимной терпимости частных лиц, придерживающихся разных религиозных взглядов, я признаю и относительно отдельных церквей, которые стоят как бы в том же самом отношении друг к другу, что и частные лица. Ни одна из них не имеет юрисдикции над другой, даже если, как это часто бывает, гражданские должностные лица принадлежат к тому или иному [религиозному] сообществу. Ибо ни гражданское правительство не может дать новых прав церкви, ни церковь — гражданскому правительству. Так что независимо от того, присоединится ли должностное лицо к какой-либо церкви или отделится от нее, церковь останется, как и прежде, свободным и добровольным обществом. Она не обретает силы меча, когда в нее вступает должностное лицо, и не теряет права наставления и отлучения, когда оно из нее выходит. Таково основное и неизменное право добровольного общества — удалять любого из членов, нарушающих правила этого учреждения. Но оно не может через прием каких бы то ни было новых членов приобрести юрисдикцию над теми, кто не вступил в него. Поэтому отдельные церкви должны, подобно частным лицам, всегда взаимно соблюдать мир, равенство и дружбу, не претендуя на верховенство или юрисдикцию друг над другом.

Поясним это примером. Предположим, что две церкви, одна — арминиян, а другая — кальвинистов¹¹, расположены в городе Константинополе. Скажет разве кто-либо, что одна из этих церквей имеет право лишить членов другой их состояния и свободы, как это кое-где практикуется, по причине расхождения с ними в учении или обрядах, между тем как турки будут молча стоять рядом и посмеиваться, видя, с какой нечеловеческой

жестокостью христиане нападают на христиан? Но если одна из этих церквей и имеет власть считать другую порочной, то какой из них принадлежит эта власть, спрашиваю я, и по какому праву? Без сомнения, на это ответят, что именно правоверная церковь по праву властна над ошибающейся или еретической. Но это значит вообще ничего не сказать. Ибо всякая церковь правоверна для самой себя и ошибочна или еретична для других. Всё, во что верит данная церковь, она считает истиной, а противное этому — ошибкой. Так что в споре относительно истинности доктрин и чистоты богослужения эти церкви находятся в равном положении, и ни в Константинополе, ни где бы то ни было на Земле нет судьи, чей приговор вынес бы решение. Решение этого вопроса принадлежит только верховному судье всех людей, которому одному принадлежит также право наказывать ошибающихся. Так пусть же эти люди посмотрят, как ужасно они грешат, когда, прибавляя несправедливость если не к своим ошибкам, то, безусловно, к своей гордости они безрассудно и высокомерно берут на себя право дурно обходиться со слугами другого господина, вовсе им не подотчетными.

Более того, если бы даже могло быть ясным, какая из этих двух расходящихся во мнениях церквей находится на правильном пути, отсюда не возникает права для ортодоксальной церкви уничтожить другую. Ибо церкви не правомочны в мирских делах, и огонь и меч не являются орудиями, пригодными для того, чтобы убеждать души в ошибках и наставлять их в истине. Предположим тем не менее, что гражданская власть благорасположена к одной из церквей и, вложив свой меч в ее руки, даст ей разрешение наказывать раскольников, как ей заблагорассудится. Но кто скажет, что христианская церковь может заимствовать какое-либо право над своими братьями у турецкого императора? Неверный, сам не имеющий права наказывать христиан за их символ веры, не может ни предоставить такого права какой-либо общине христиан, ни передать ей право, которым сам он не обладает. Так было бы в Константинополе. И та же основа вещей существует в любом христианском государстве. Гражданская власть везде одна и та же, и в руках христианского государя

она не может предоставить церкви большей власти, чем в руках язычника; они как раз вовсе не могут этого сделать.

Тем не менее стоит с сожалением отметить, что самые неистовые из этих защитников истины и противников заблуждения, вопиющих против ереси, едва ли ослабляют ревность к богу, которой они так воспламенены, если на их сторону встают гражданские власти. Наоборот, как только благосклонность двора оказала им поддержку и они начинают чувствовать себя более сильными, мир и милосердие, которые им в противном случае приходится соблюдать, тут же отбрасываются. Там, где они не имеют права осуществлять преследования и быть господами, они желают жить на равных правах с другими и проповедуют терпимость. Когда их не поддерживает гражданская власть, они могут терпеливо и не возмущаясь переносить в своем соседстве заразу идолопоклонства, суеверия и ереси, которой в иных случаях интерес религии заставляет опасаться. Они предусмотрительно не нападают на ошибки, модные при дворе или поддерживаемые правительством. Здесь они довольствуются умеренными аргументами, что, однако, с их позволения, есть единственно правильный метод распространения истины, который становится действенным, когда сильные аргументы и хорошие рассуждения соединяются с мягкой учтивостью и хорошим обращением.

Поэтому никто: ни отдельные лица, ни церкви, ни даже государство — не имеет права захватывать гражданские права и мирские блага друг друга на основании религии. Тем, кто держится иного мнения, следовало бы рассмотреть, какое пагубное зерно раздора, какое мощное побуждение к бесконечной ненависти, грабежу и убийствам они дают таким образом человечеству. Ни мир и безопасность среди людей, ни общая дружба не могут быть установлены или сохранены, пока преобладает мнение, что власть основана на милости и что религию следует распространять силой оружия¹².

В-третьих, рассмотрим, чего требует долг терпимости от тех, кто отличается от остального человечества, или, как они говорят, от мирян, каким-либо церковным саном и должностью, будь то епископы, священники, пресвитеры, пасторы или как еще они там величаются

и различаются. Не мое дело исследовать здесь происхождение силы или достоинств клириков. Я скажу только, независимо от того, откуда происходит их власть, поскольку она является церковной, она должна быть ограничена рамками церкви и никоим образом не может распространяться на гражданские дела, ибо сама церковь абсолютно отделена и отлична от государства. Их границы с обеих сторон определены и неизменны. Тот, кто смешивает эти общества, которые по своему происхождению, цели, делам и во всем другом совершенно различны и бесконечно отличаются друг от друга, спутывает самые отдаленные и противоположные вещи, небо и землю. Поэтому никто, какой бы церковный сан он ни носил, не может лишить другого человека, не принадлежащего к его церкви, ни свободы, ни какой-либо части его мирских благ из-за различий между ними в религии. Ибо то, что незаконно для целей церкви, не может быть законным в силу какого угодно церковного права для любого из ее членов.

Но это не все. Недостаточно, чтобы духовные лица воздержались от насилия, грабежа и всякого рода гонений. Тот, кто претендует быть преемником апостолов и берет на себя обязанность поучать, обязан также наставлять своих слушателей в духе мира и доброй воли ко всем людям, как к заблуждающимся, так и к тем, кто отличается от них верой и церковными обрядами, так же как и к тем, кто в этом с ними сходится. И он должен усердно увещевать всех людей — как частных лиц, так и должностных, если таковые окажутся в его церкви, — быть милосердными, кроткими и терпимыми, он должен стремиться умерять и смягчать тот жар и то неразумное отвращение, которые пылкая ревность одних по отношению к собственной церкви или хитрость других возбуждают против инакомыслящих.

Я не стану доказывать, какими великими и счастливыми для церкви и государства были бы последствия, если бы с кафедр звучала проповедь этой доктрины мира и терпимости, из опасения, что мои рассуждения окажутся слишком суровыми для тех людей, достоинства коих я не хотел бы умалить, как не хотел бы, чтобы они были умалены кем-либо другим или ими самими. Но я полагаю, что так должно быть. И если кто-либо счи-

тающий себя проповедником слова божия и евангелия мира учит иначе, он или не понимает своего призвания, или пренебрегает им и некогда отчитается за это перед князем мира. Если христиан следует увещевать, чтобы они воздерживались от всякого рода мести даже в случае повторяющегося вызова и многочисленных обид, то насколько больше обязаны воздерживаться от насилия и всякого рода дурного обращения те, кто ничего не претерпел и ничуть не пострадал, по отношению к тем, от кого они не терпели обид! Они, конечно, обязаны соблюдать такую осторожность и терпимость по отношению к тем, кто заботится лишь о своих делах и не домогается ничего, кроме возможности служить богу на тот манер, как это, по их мнению, ему [богу] приличествует, а им дает лучшие надежды на вечное спасение, что бы ни думали об этом другие.

В частных домашних делах, в управлении имением, в сохранении здоровья каждый может придерживаться того, что лучше ему подходит, и следовать по пути, который ему больше нравится. Никто не жалуется на плохое управление делами своего соседа. Никто не сердится на другого за ошибку, совершенную им при засеивании земли или выдаче замуж дочери. Никто не наказывает мота за то, что он расточает свое состояние по тавернам. Пусть всякий спускает свое состояние или увеличивает его, пусть он расходует, сколько хочет, — никто не ворчит, никто его не контролирует, он свободен. Но если человек не посещает часто церкви, или неточно согласует свое поведение с принятыми обрядами, или не приводит своих детей с целью приобщения их к священным тайнам той или иной конгрегации, это немедленно вызывает смятение, и околоток наполняется шумом и криком. Каждый готов мстить за такое великое преступление. И фанатики едва ли воздержатся от насилия и грабежа, пока повод существует и пока бедняга не будет по всей форме приговорен к лишению свободы, добра или жизни.

О, наши церковные ораторы всех сект приобщились бы со всей силой аргументов, на которую они способны, к осуждению ошибок людей! Но пусть они побегут себя. Не давайте им восполнять недостаток аргументов орудиями насилия, которые принадлежат к иной

юрисдикции и не подобают рукам священника. Пусть не призывают они гражданскую власть на помощь своему красноречию или учению. Как бы не оказалось, что, в то время как они претендуют только на любовь к истине, этот их яростный пыл, вооруженный огнем и мечом, выдаст их честолюбие и покажет, что они желают лишь мирского господства. Ибо будет очень трудно убедить мыслящих людей, что тот, кто с сухими глазами и удовлетворением в душе может предать своего брата в руки палача для сожжения заживо, искренне и сердечно заботится о спасении этого брата из адского пламени в грядущем мире.

И последнее. Рассмотрим, каковы обязанности должностных лиц в деле веротерпимости, что, конечно, очень важно.

Мы уже доказывали, что попечение о душах не принадлежит должностным лицам; это не забота властей, если можно так сказать, под которой я понимаю законодательное предписание и принуждение путем наказаний. Но милосердное попечение, состоящее в наставлении, увещании и убеждении, не может отрицаться ни за одним человеком. Поэтому попечение о собственной душе принадлежит каждому человеку и должно быть предоставлено ему самому. Ну, а если он пренебрегает заботой о своей душе? А что, отвечу я, если он пренебрегает заботой о своем здоровье или своем имении, что гораздо ближе касается правительства? Введут ли власти срочный закон, с тем чтобы такой человек не стал бедным или больным? Законы предусматривают, насколько это возможно, что имущество и здоровье подданных не должны терпеть ущерба от обмана или насилия со стороны других, но они не охраняют их от небрежности или плохого управления самих хозяев. Никого нельзя заставить быть богатым или здоровым, хочет он этого или нет. Более того, сам бог не спасет человека против его воли. Предположим, однако, что какой-либо государь пожелал бы принудить своих подданных накапливать богатства или сохранять здоровье и силу своих тел. Неужели закон предпишет им консультироваться только у римских врачей и обяжет их жить согласно их предписаниям? И они не смогут принять иного лекарства или бульона, кроме приготовленных в

ватиканской или, предположим, женевской лавке? ¹³ Или же для того, чтобы сделать этих людей богатыми, закон обяжет всех их стать торговцами или музыкантами? Или все должны будут сделаться поставщиками провизии или кузнецами, потому что кто-то обеспечил свою семью и нажился на этой профессии?

Но могут сказать, что к богатству — тысяча путей, на небо же — один. Конечно, это хорошо сказано, особенно со стороны тех, кто отстаивает право принуждать людей идти тем или иным путем, ибо, если бы туда вело несколько путей, для принуждения не осталось бы иного повода, кроме пустого притязания. Ну а если я со всей энергией шествую по тому пути, который, согласно священной географии, ведет прямо в Иерусалим ¹⁴, то зачем меня бьют и плохо со мною обходятся по той причине, что я, может быть, не ношу сапог, или потому, что мои волосы неправильно подстрижены; потому, что меня неправильно окунули; потому, что я по дороге ем мясо или какую-либо иную пищу, подходящую моему желудку; потому, что я избегаю определенных боковых тропинок, которые, как мне кажется, ведут в кусты или пропасть; потому, что среди многих тропок на этом пути я выбираю такую, идти по которой кажется мне прямее и чище всего; потому, что я избегаю водить компанию с путниками, которые менее серьезны или более угрюмы, чем им следовало бы быть, или, наконец, потому, что я следую за проводником, который или одет в белое и увенчан митрой, или нет? Конечно, если мы рассудим здраво, то найдем, что по большей части это столь суетные вещи, что, если бы они не сопровождались суевением или лицемерием, их можно было бы соблюдать или опускать без всякого ущерба для религии или спасения души. И подобные вещи порождают непримиримую вражду между братьями-христианами, которые все согласны относительно существенной и поистине основной части религии.

Но согласимся с этими фанатиками, осуждающими все устроенное не по их моде, что из этих обстоятельств происходят различные следствия. Что же отсюда мы заключим? Лишь один из этих путей есть истинный путь к вечному счастью. Но в этом великом многообразии путей, по которым следуют люди, еще сомнительно, ка-

кой истинен. И ни попечение государства, ни право устанавливать законы не позволят правителю более достоверно открыть путь на небо, чем его открывают частному лицу его искания и исследование. У меня слабое тело, истощенное изнурительной болезнью, от которой, как я полагаю, есть только одно, однако неизвестное средство. Вправе ли правитель предписать мне лекарство, потому что оно только одно, и притом неизвестное? Могу ли я без опаски сделать все, что ни назначит правитель, на том основании, что у меня есть один способ избежать смерти? Нельзя думать, что исследование вещей, которые человек должен искренне постигать в себе и достигать их познания путем рассуждения, изучения и собственных стремлений, является привилегией какого-то одного разряда людей. Конечно, князья рождаются облеченными большей властью, чем другие люди, но по природе они равны. Ни право, ни искусство управления не влекут необходимо за собой определенного знания других вещей и менее всего знания истинной религии. Ибо если бы это было так, то как могло получиться, что земные властители настолько расходятся в религиозных вопросах?

Но допустим, что путь к вечной жизни может быть известен князю лучше, чем его подданным, или по крайней мере, что при такой неопределенности вещей частным лицам безопаснее и удобнее всего следовать его предписаниям. «Что же тогда?» — спросите Вы. Если он прикажет Вам зарабатывать на жизнь торговлей, то разве Вы откажетесь от этого из страха, что она окажется неудачной? Я отвечаю, что превратился бы в торговца по приказанию князя, ибо, если бы я не добился в торговле успеха, князь имеет достаточно средств, для того чтобы каким-либо способом возместить мои убытки. Если он на самом деле желал моего процветания и обогащения, он может снова меня обеспечить, когда безуспешные путешествия меня разорят. Но не так обстоит дело в вопросах, связанных с будущей жизнью. Если здесь я возьму неверный курс и погублю себя, то не во власти государя возместить мой ущерб, облегчить мои страдания или в той или иной мере облегчить мое состояние. Чем может быть возмещена утрата царствия небесного?

Возможно, кое-кто скажет, что он не предполагает, будто это право безошибочного суждения, которому обязаны следовать в делах религии все люди, принадлежит гражданским властям, а не церкви. Что определила церковь, то гражданская власть приказывает соблюдать, и своим авторитетом она обеспечивает, чтобы никто не поступал и не верил в религиозных делах иначе, чем учит церковь, так что суждение по этим вопросам принадлежит церкви. Сама власть ей подчиняется и требует такого же подчинения от других. Я отвечаю: кто не видит, как часто имя церкви, столь почитавшееся во времена апостолов, в последующие века использовалось для того, чтобы пустить людям пыль в глаза? И в данном случае она нам не поможет. Один-единственный узкий путь, ведущий на небо, не лучше известен властям, чем частным лицам, и посему я не могу без опасения взять в руководители того, кто может оказаться столь же не знающим пути, как и я сам, и кто наверняка меньше меня самого заинтересован в моем спасении.

Как много среди царей евреев было таких, слепо следуя за которыми израильтяне впадали в идолопоклонство и, следовательно, погибали! Тем не менее Вы одобряете меня и говорите, что ныне я в безопасности, потому что теперь власти предписывают повиноваться не своим собственным решениям в делах религии, но только решениям церкви. Какой церкви, спрашиваю я Вас? Той, которая кажется властям действительно лучшей.

Как будто тот, кто заставляет меня силой законов и наказаний вступить в ту или иную церковь, не вмешивается в дело своим суждением. И какая разница, ведет он меня сам или передает это другим? В обоих случаях я завишу от его воли, и в обоих случаях именно он определяет мою вечную судьбу. Разве израильтянин, поклонявшийся Ваалу¹⁵ по приказу своего царя, был в лучших условиях, потому что кто-то сказал ему, что царь ничего не приказывал относительно религии по своему разумению и не приказывал ничего своим подданным относительно религиозных обрядов, кроме того, что было одобрено советом священников и что церковные ученые объявили священным?

Если религия какой-либо церкви становится истинной и спасительной по той причине, что глава секты, прелаты, священники и прочие представители этого племени из всех сил превозносят и восхваляют ее, то какую религию тогда можно считать ошибочной, ложной и пагубной? Я сомневаюсь в учении социниан¹⁶, мне подозрительны церковные обряды папистов или лютеран¹⁷. Так будет ли для меня хоть чуть безопаснее примкнуть к той или иной из этих церквей по приказу власти на том основании, что она ничего не приказывает в религиозных делах иначе, как в силу авторитета и совета ученых этой церкви?

Но, сказать правду, мы должны признать, что церковь, если только собрание клириков, вырабатывающих церковный устав, следует называть этим именем, большей частью сильнее подвержена влиянию двора, чем двор влиянию церкви. Хорошо известно, какова была церковь при смене правоверных и арианских императоров¹⁸. Или, если эти вещи уж слишком стары, английская история царствований Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии и Елизаветы дает нам более свежие примеры того, как легко и беспрепятственно меняли церковники свои правила, члены символа веры, формы богослужения и все прочее согласно склонностям этих королей и королев¹⁹. Однако эти короли и королевь так различались в вопросах религии и приказывали относительно нее столь различные вещи, что ни один человек в здравом уме (я готов сказать: никто, кроме атеиста) не взял бы на себя смелость утверждать, что искренний и честный верующий мог бы со спокойной совестью повиноваться некоторым их декретам.

В заключение я скажу, что совершенно безразлично, поступает ли король, предписывающий людям законы, касающиеся их религии, исходя из своего решения или из церковного авторитета и совета других. Решения церковников, чьи разногласия и споры достаточно известны, не могут быть более здравыми и надежными, чем его собственные решения. И все их одобрение не может добавить новой силы гражданской власти. Хотя следует заметить, что князья редко заботятся об одобрении церковников, не являющихся сторонниками их веры и форм богослужения.

Но в конце концов главное соображение, которое абсолютно решает этот спор, таково: хотя бы мнение представителя власти о религии было вполне здравым, а путь, который он предписывает, подлинно евангельским, все же, если я не полностью убежден в этом в своей душе, для меня небезопасно следовать ему. Никакой путь, по которому я пойду вопреки указаниям моего сознания, не приведет меня в обитель блаженных. Я могу обогатиться способом, который меня не радовал; я могу излечиться с помощью лекарства, в которое я не верил; но я не могу быть спасен религией, которой я не доверяю, и богослужением, которое вызывает мое отвращение. Неверующему напрасно принимать вид исповедующего чужую веру. Только вера и внутренняя искренность дают единение с богом. Самое подходящее и одобренное лекарство не окажет действия на пациента, если его желудок извергает его, как только оно принято, и вы напрасно будете вливать в горло больного лекарство, которое в силу его конституции обращается для него в яд. Словом, что бы ни было сомнительным в религии, достоверно по крайней мере одно: никакая религия, которую я не считаю истинной, не может быть для меня ни истинной, ни полезной. Поэтому напрасно князья принуждают своих подданных вступать в свою церковную общину под предлогом спасения их душ. Если они верят, они вступят по собственному согласию; если они не верят, вступление ничем им не поможет. И как ни велики в общем и целом были бы претензии на добрую волю, милосердие и заботу о спасении человеческих душ, людей нельзя принудить быть спасенными независимо от того, хотят они этого или нет. Поэтому, когда все сделано, их следует предоставить их совести.

Освободив таким образом людей от всякого господства друг над другом в религиозных делах, рассмотрим теперь, что они должны делать. Все люди знают и признают, что следует совершать общественные богослужения. Почему бы иначе они принуждали друг друга к общественным собраниям? Поэтому люди, воспитанные в этой свободе, должны вступать в некоторые религиозные общества, с тем чтобы они могли встречаться не только для взаимного просвещения, но и для

того, чтобы весь мир признал, что они совершают богослужение и предлагают божественному величеству такую службу, которой сами они не стыдятся и не считают ни недостойной, ни неприемлемой для него, и, наконец, что чистотой доктрины, святостью жизни и достойной формой богослужения они могут внушать другим любовь к истинной религии и осуществлять такие религиозные деяния, которых не может выполнить каждый отдельный человек вне такого общества.

Эти религиозные общества я называю церквями, и по отношению к ним, считаю я, власти должны соблюдать терпимость, ибо делом этих народных собраний является то, о чем вправе заботиться каждый отдельный человек, а именно спасение души. В таком случае нет никакой разницы между национальной церковью и другими отдельными конгрегациями.

Но во всякой церкви два вопроса заслуживают специального рассмотрения: о внешних формах и обрядах богослужения и доктринах и членах символа веры. Они должны быть рассмотрены порознь, так чтобы весь вопрос о веротерпимости мог быть понят более ясно.

Относительно внешней формы богослужения я скажу, во-первых, что гражданская власть не имеет права законодательным образом вводить в своей церкви и тем более в чужой какие-либо обряды или церемонии богослужения. И не только потому, что эти церкви являются свободными обществами, но и потому, что все практикуемое при богослужении оправдано лишь постольку, поскольку практикующие его верят, что оно приемлемо для бога. Все же, что совершается без такой убежденности веры, не является ни хорошим само по себе, ни приемлемым для бога. Поэтому навязывать людям вещи, противные их убеждениям, — на деле значит приказывать им оскорблять бога; а поскольку мы считаем целью религии угождать ему и для этой цели существенно необходима свобода, постольку такое навязывание кажется невыразимо нелепым.

Но возможно, отсюда некоторые могут заключить, что я отрицаю за правителем всякую власть касательно безразличных вещей²⁰; а если это допустить, уничтожается весь предмет законодательства. Нет, я охотно допускаю, что безразличные вещи, и, возможно, только

они, подчинены законодательной власти. Но отсюда не следует, что правитель может приказывать все, что ему нравится, относительно любой безразличной вещи. Общественное благо есть правило и мера всякого законодательства. Если вещь бесполезна для государства, хотя бы она и была безразлична, она не может быть в настоящий момент установлена законом.

Но далее: когда вещи, столь безразличные по своей природе, приняты церковью и введены в богослужение, они изымаются из юрисдикции властей, потому что при таком их использовании они вовсе не имеют связи с гражданскими делами. Единственная задача церкви — спасение человеческих душ, и использование для этого той или иной церемонии никоим образом не касается государства или любого его члена. Ни использование, ни исключение какой-либо церемонии в этих религиозных собраниях не способствует и не вредит жизни, свободе или имуществу какого-либо человека. Допустим, например, что обмывание ребенка водою есть сама по себе безразличная вещь. Допустим также, что должностное лицо считает такое обмывание полезным для излечения или предупреждения болезни, которой подвержены дети, и считает этот предлог достаточно веским, чтобы узаконить обмывание. В этом случае он может приказывать его производить. Но скажет ли кто-нибудь поэтому, что должностное лицо имеет то же самое право издать закон, согласно которому священники должны крестить всех детей в священной купели с целью очищения их душ? Величайшее различие этих двух случаев видно каждому с первого взгляда. Или приложим последний случай к еврейским детям, и все будет ясно. Ведь что мешает христианину-правителю иметь подданных-евреев? Ну, а если мы признаем, что подобное оскорбление не может быть нанесено еврею, с тем чтобы заставить его вопреки его взглядам практиковать в его религии вещи, по своей природе безразличные, то как можем мы утверждать, что это может быть сделано с христианином?

Далее. Вещи, безразличные по своей природе, не могут быть человеческой властью сделаны частью богослужения на том самом основании, что они безразличны. Ибо поскольку безразличные вещи неспособны в

силу каких-либо своих собственных достоинств умиловать божество, никакая человеческая власть или авторитет не могут придать им столько величия и достоинства, чтобы они могли это сделать. В обыденных житейских делах то использование безразличных вещей, которого не запретил бог, законно и свободно. И поэтому здесь человеческая власть уместна. Но не так в делах религии. Безразличные вещи становятся законными в богослужении не иначе как если они установлены самим богом и если он некоторым положительным предписанием установил их в качестве части того богослужения, которое он удостоил принять из рук бедных грешных людей. И когда разгневанное божество спросит нас: «Кто потребовал этого от вас?», недостаточно будет ответить, что это приказал правитель. Если гражданская юрисдикция простирается так далеко, то чего нельзя будет законно внести в религию? Какая мешанина обрядов, какие суеверные изобретения, основанные на авторитете властей, не могут быть вопреки совести навязаны верующим в бога! Ибо большая часть этих обрядов и суеверий состоит в религиозном использовании таких вещей, которые по своей природе безразличны и не греховны ни по какой иной причине, кроме той, что их сотворил бог.

Кропление водой и употребление хлеба и вина по своей природе и в обыденных случаях жизни совершенно безразличны. Скажет ли кто-либо поэтому, что они могли быть введены в религию и сделаны частью богослужения и без божественного установления? Если какой-либо человеческий авторитет или гражданская власть могли это сделать, то почему бы им не предписать вкушение рыбы и питье пива на святой трапезе в качестве части божественной службы? Почему бы не ввести кропление в церкви животных или умилование бога водою или огнем или что-либо в том же роде? Но как ни безразличны эти вещи в обыденном употреблении, они становятся, когда их делают обрядом богослужения без божественного авторитета, столь же отвратительны богу, как и принесение ему в жертву собаки. А почему столь отвратительна собака? Какая здесь разница между собакой и козой в отношении к божественной природе, в равной мере бесконечно

удаленной от всякого сходства с материей, если только не то, что бог требует использования для богослужения одного, а не другого?

Мы видим поэтому, что безразличные вещи, хотя бы они находились под властью гражданского правителя, не могут под этим предлогом быть включены в религию и навязаны религиозным собраниям, ибо в отношении богослужения они полностью перестают быть безразличными. Тот, кто служит богу, делает это с целью удовлетворить его и приобрести его милость. Но этого не может достичь тот, кто по приказу другого предлагал богу то, что, как он знает, ему не угодно, ибо бог этого не приказывал. Этим он не угодит богу и не успокоит его гнев, но по своей воле и сознательно оскорбит его своим явным пренебрежением, что абсолютно несовместимо с природой и целью богослужения.

Но здесь могут спросить: если человеческому усмотрению не предоставлено ничего из того, что относится к божественной службе, то каким образом сами церкви имеют право устанавливать время и место богослужения и тому подобное? На это я отвечаю, что в религиозных обрядах следует различать между тем, что составляет часть самого богослужения, и тем, что является только обстоятельством. То, что есть часть богослужения, считается назначенным самим богом и должно угождать ему, поэтому оно необходимо. Обстоятельства же — это то, что в общем не может быть отделено от богослужения, однако его частные случаи или модификации не предопределены, поэтому обстоятельства безразличны. К ним принадлежат время и место богослужения, одежда и поза священнослужителя. Это совершенно безразличные обстоятельства, относительно которых бог не дал ясных повелений. Например, у евреев время и место богослужения и одеяния тех, кто отправляет службу, были не просто обстоятельствами, но частью самого богослужения, и если что-либо было неправильно или отличалось от правил, нельзя было надеяться, что служба будет угодна богу. Но для христиан евангельская свобода делает их простыми обстоятельствами богослужения, которые благоразумие каждой церкви может установить таким образом, как это по ее суждению больше соответствует целям порядка, при-

стойности и назидания. Хотя и среди тех, кто верит в Евангелие, есть такие, кто считают, что бог выделил первый или седьмой день и посвятил его богослужению; для них эта часть времени есть не простое обстоятельство, но действительная часть божественной службы, которой нельзя пренебрегать и которую нельзя изменить.

Далее. Поскольку власти не имеют права законодательно навязывать какой-либо церкви обряды и церемонии, они не имеют также и права запретить использование обрядов и церемоний, которые уже приняты, одобрены и практикуются церковью, потому что, если бы власть так поступила, она разрушила бы саму церковь, цель которой заключается в свободном служении богу на свой собственный манер.

Но Вы скажете, что, согласно этому правилу, гражданские власти должны терпимо относиться к тому, что некоторые конгрегации решат приносить в жертву детей, или, как в том ложно обвиняли древних христиан, предаваться неестественной похоти, или совершать подобные гнусные безобразия, потому что они совершаются на религиозном собрании? Нет, отвечаю я. Эти вещи незаконны в обыденной жизни или в каком-либо частном доме, поэтому они незаконны и при богослужении, и на любом религиозном собрании. Но конечно, если люди, собравшись для отправления религиозного обряда, пожелали бы принести в жертву тельца, то я отрицаю, чтобы это могло быть запрещено законом. Мелибий, кому принадлежит этот телец, может законно убить его дома и сжечь любую его часть, которая кажется ему подходящей, ибо этим никому не наносится оскорбления, как не наносится и ущерба имуществу какого-либо другого человека. И на том же основании он может убить своего тельца на религиозном собрании. Дело этого собрания — судить, угодно богу такое деяние или нет. Роль власти состоит здесь лишь в том, чтобы принять меры к тому, чтобы общество не потерпело ущерба и чтобы не было нанесено вреда жизни или состоянию любого человека. И таким образом то, что может быть израсходовано на празднество, может быть израсходовано для жертвоприношения. Но если случайно положение вещей оказалось бы таким, что интересы общества потребова-

ли бы запрещения на некоторое время всякого забоя скота с целью увеличить его количество, уменьшившееся в результате какого-либо чрезвычайного падежа, то кто не считал бы, что власти в таком случае могут запретить всем своим подданным убивать тельцов для любого назначения? Только следует заметить, что в данном случае закон касается не религиозного, а политического вопроса и им запрещается не жертвоприношение, но забой телят.

На этом примере мы видим, каково различие между церковью и государством. Все, что законно в государстве, не может быть запрещено правителем в церкви. Все, что позволено для обычного употребления любому из его подданных, не может и не должно запрещаться им любой секте для ее религиозных отправлений. Если любой человек может законно есть хлеб или пить вино, сидеть или стоять на коленях в своем собственном доме, то закон не может ограничить эту его свободу в религиозной службе, хотя церковное использование хлеба и вина очень отлично от обычного и применяется в таинствах веры и обрядах богослужения. Но те вещи, которые вредны для общества людей при их обычном использовании и потому запрещены законом, не должны допускаться в церкви в качестве их священных ритуалов. Однако правители всегда должны быть очень осторожны, чтобы не злоупотребить своей властью, доходя до подавления церкви под предлогом общественного блага.

Могут сказать: а должен ли правитель терпеть идолопоклонническую церковь? В ответ я спрошу: а можно ли дать правителю для подавления идолопоклоннической церкви власть, которая не могла бы в соответствующее время и соответствующем месте быть использована для разорения правоверной церкви? Ибо следует помнить, что гражданская власть везде одинакова и религия каждого князя ортодоксальна для него самого. Если поэтому такая власть будет дана гражданскому правителю в делах духовных, как то мы видим, например, в Женеве, он может насилием и кровью искоренить религию, которая там считается идолопоклонством²¹. В силу того же правила другой правитель в соседней стране может подавить протестантскую рели-

гию, а в Индии — христианскую. Или гражданская власть может изменить в религии все согласно соизволению правителя, или она не может изменить ничего. Если однажды дозволить внести в религию какое-либо изменение с помощью законов и наказаний, то дальше нельзя уже будет это ограничить; но подобным же образом будет законно изменять все согласно тому правилу истины, которое установил для себя правитель. Ни один человек не должен быть поэтому лишен своих земных наслаждений из-за его религии. Даже американцы²², подданные христианского князя, не должны наказываться телесно или лишением имущества, если они не разделяют нашей веры и богослужения. Если они убеждены, что угождают богу, соблюдая обычаи своей страны, и что посредством этого они обретут счастье, они должны быть оставлены на волю божью и свою собственную.

Проследим этот вопрос до конца. Скажем так: незначительное число христиан, лишенных всего, прибывает в языческую страну. Эти иностранцы умоляют туземцев во имя человечности снабдить их необходимым для жизни. Это необходимое им дано; им гарантировано убежище, и все они, иностранцы и туземцы, соединились в один народ. Христианская религия посредством этого укореняется в стране и распространяется, но не сразу становится сильнейшей. Пока дела обстоят так, среди них сохраняются мир, дружба, вера и равноправие. Наконец, правителем становится христианин, и в силу этого партия христиан становится самой сильной. И что же, тогда немедленно должны нарушиться все договоры и все гражданские права, с тем чтобы могло быть искоренено идолопоклонство? А эти невинные язычники, строго соблюдавшие правила справедливости и закон природы и никоим образом не преступившие законов общества, должны быть изгнаны из земель и владений их праотцев, а возможно, и лишены жизни, если они не откажутся от своей древней религии и не примут новую и чужую? Теперь наконец становится ясным, что может произвести религиозный фанатизм, соединенный с желанием власти, и как легко притязания на религию и на попечение о душах служат поводом для алчности, грабежа и честолубия.

Всякий, кто утверждает, что идолопоклонство следует искоренять повсеместно законами, наказаниями, огнем и мечом, могут применить к себе эту историю, ибо смысл дела одинаков, будь то в Америке или в Европе. И ни язычники там, ни инакомыслящие христиане здесь не могут быть лишены их мирских благ господствующей кликой придворной церкви; никакие гражданские права нигде не могут быть ни изменены, ни нарушены под предлогом религии.

Но идолопоклонство, скажут иные, есть грех и потому нетерпимо. Вывод был бы верен, если бы сказали: поэтому его следует избегать. Но из того, что это грех, не следует, что он должен наказываться властями. Ибо правителю не пристало применять свой меч для наказания без разбора всего, что он считает неугодным богу. Все люди согласны, что скупость, жестокосердие, праздность и многое другое суть грехи, однако никто никогда не говорил, что власти должны их наказывать. Причина здесь в том, что они не наносят ущерба правам других людей и не нарушают общественного мира. Более того, даже грехи лжи и вероломства нигде не наказуемы по закону, за исключением определенных случаев, когда принимается во внимание не действительная гнусность поступка и оскорбление, нанесенное богу, но только ущерб, нанесенный соседям и государству. Но, а что, если в иной стране правителю, магометанину или язычнику, христианская религия покажется ложной и оскорбительной для бога; разве не могут быть христиане истреблены там на том же основании и на тот же манер?

Но могут настаивать, далее, что, согласно закону Моисея²³, идолопоклонство следует искоренять. По закону Моисея, конечно, но это не обязательно для нас, христиан. Никто не считает, что все вообще, предписываемое законом Моисея, должно практиковаться христианами. Нет ничего более пустого, чем обычное различие моральных, юридических и церемониальных законов, которое обыкновенно используется, ибо никакой позитивный закон не может обязать иной народ, кроме того, которому он дан. Обращение «Слушай, о Израиль» достаточно ограничивает обязательность закона Моисея только этим народом. И одно это сообра-

жение представляет собою достаточный ответ тем, кто настаивает на авторитете закона Моисея, требуя смертной казни идолопоклонникам. Однако я рассмотрю этот аргумент несколько более подробно.

Дело об идолопоклонстве применительно к еврейскому государству подпадает под двойное рассмотрение. Первое касается тех, кто были посвящены в моисеевы обряды и сделали гражданами этого государства, а позже отступили от служения богу Израиля. Такие лица преследовались судом как предатели и бунтовщики, виновные не менее чем в государственной измене, ибо государство евреев, отличаясь этим от всех иных государств, было абсолютной теократией²⁴ и в нем не было и не могло быть никакого различия между государством и церковью. Установленные там законы относительно почитания единого невидимого бога были гражданскими законами этого народа и частью политического управления, законодателем которого являлся сам бог. И если кто-нибудь может показать мне, где в настоящее время существует государство, построенное на этом основании, я признаю тогда, что церковные законы неизбежно станут там частью гражданских и что подданные этого государства и могут и должны держаться гражданскими властями в строгом подчинении церкви.

Но абсолютно ничего такого нет в христианском государстве, основанном на Евангелии. Конечно, многие города и царства восприняли веру Христа, но они сохранили свои древние формы правления, в которые закон Христа вовсе не вмешивается. Он, конечно, научил людей, как они могут верой и добрыми деяниями достичь вечной жизни. Но он не установил никакого государства; он не предписал своим последователям никакой новой и особенной формы правления и не вложил меча в руку какого-либо правителя с поручением использовать оружие для принуждения людей оставить свою прежнюю религию и принять его.

Во-вторых, иностранцы, посторонние израильскому государству, не принуждались силой соблюдать закон Моисея, напротив, в том самом месте, где приказывается предавать смерти израильтянина, который является идолопоклонником, предусматривается: чужеземцев «не притесняй, не угнетай» (Исх. 22, 21). Я признаю, что

семь народов, владевших землей, которая была обещана сынам Израиля, должны были быть истреблены. Однако не только потому, что они были язычниками, ибо почему же в таком случае должны были быть пощажены моавитяне и другие народы? Нет, причина такова: будучи царем евреев, бог не мог терпеть поклонения другому божеству, поскольку в Ханаане, его царстве, такое поклонение представляло собою действительно акт государственной измены ему; и такой явный мятеж никоим образом не согласовался с его по существу политическим господством в этой стране. Поэтому всякое идолопоклонство в пределах его царства подлежало искоренению, ибо в нарушение законов царства оно представляло собою признание другого бога, т. е., так сказать, другого царя. Туземцы также должны были быть изгнаны, с тем чтобы все владение землей могло быть передано израильтянам. На том же основании эмины и хорреи были изгнаны из своих стран сынами Исава и Лота, а их земли на тех же основаниях были отданы богом захватчикам (Второзак. 2, 12).

Но хотя всякое идолопоклонство было, таким образом, искоренено в земле Ханаанской, все же не каждый идолопоклонник подвергался наказанию. Вся семья Рахава, весь народ гибеонитов, договорившихся с Иисусом [Навином] и получивших это право по договору, и многие пленники евреев были идолопоклонниками. Давид и Соломон покорили много стран за пределами земли обетованной и довели свои завоевания до Евфрата. Среди столь многих захваченных пленников и покоренных стран мы не находим ни одного человека, силой принужденного к еврейской религии и служению истинному богу и наказанного за идолопоклонство, хотя все они, понятно, были в этом виновны. Конечно, если кто-либо, став прозелитом, желал натурализоваться в государстве евреев, он обязан был подчиниться их законам, т. е. принять их религию. Но он делал это добровольно, по своему согласию, а не по принуждению. Его не принуждали против его воли показывать свое подчинение законам, но он искал и домогался этого как привилегии, и, поскольку он допускался к этому, он становился подчиненным законам государства, которые запрещали всякое идолопоклонство в границах земли Ха-

наанской. Но этот закон, как я уже сказал, не распространялся на те районы, которые хотя и были подчинены евреям, но находились за этими границами.

Вот что касается внешнего богослужения. Рассмотрим теперь содержание символа веры.

Одни из членов символа веры являются практическими, другие — умозрительными. И хотя оба рода представляют собою знание истины, все же одни ограничиваются разумом, а другие влияют на волю и поведение. Поэтому умозрительные мнения и те члены символа веры, в которые надо лишь верить, не могут быть навязаны церкви законом страны, ибо нелепо, чтобы законами предписывались вещи, выполнить которые не в человеческих силах; поверить же, что то или иное истинно, не зависит от нашей воли. Однако об этом было уже достаточно сказано. Но, скажут иные, пусть люди заявят, что они верят. Чуждая религия, что и говорить, которая обязывает человека притворяться и лгать богу и людям во имя спасения души! Если правитель думает таким образом спасти людей, то он, видимо, мало понимает в спасении душ; а если он делает это не для того, чтобы их спасти, то почему же он так заботится о вере, что собирается насаждать ее при помощи закона?

Далее, власти не должны запрещать проповедовать или исповедовать любые спекулятивные мнения в любой церкви, потому что они никак не касаются гражданских прав подданных. Если римский католик верит, будто то, что другой человек называет хлебом, есть на деле тело Христово, он не вредит этим своему соседу. Если еврей не верит, что Новый завет есть слово божие, он не меняет этим ничего в правах человека. Если язычник сомневается в обоих Заветах, то его не следует по этой причине наказывать, как вредного гражданина. Власть правителя и имущество людей могут быть одинаково обеспечены независимо от того, верит кто-нибудь в это или нет. Я охотно признаю, что эти мнения ложны и нелепы, но дело законов — обеспечивать не истинность мнений, а безопасность государства и каждого отдельного человека, его личности и имущества. И так и должно быть, ибо истине будет не так уж плохо, если ей предоставят справиться самой. Она редко получала помощь от власти имущих и, я боюсь, никогда не будет

получать, ибо они редко ее знают и еще реже приветствуют. Ее не внедряют законами, она не нуждается в силе, для того чтобы проникнуть в души людей. Конечно, ошибки побеждаются с помощью чужих и заимствованных подкреплений. Но если истина не находит пути к разуму при помощи своего собственного света, то присоединенное к ней насилие может лишь ослабить ее. Это об умозрительных мнениях. Перейдем теперь к практическим.

Добродетельная жизнь, в которой не последнее место занимают религия и истинное благочестие, касается также и гражданского правительства, в ней лежит безопасность как человеческих душ, так и государства. Поэтому нравственные действия подлежат юрисдикции как внешнего, так и внутреннего суда, как гражданского, так и домашнего правителя, я имею в виду — власти и совести. Поэтому здесь налицо большая опасность, как бы одна из этих юрисдикций не вторглась в область другой и не возникло разногласие между хранителем общественного мира и попечителями душ. Но если принять во внимание то, что уже было сказано о границах обеих этих властей, то все трудности в этом вопросе будут легко устранены.

Каждый человек имеет бессмертную душу, которая может заслужить вечное счастье или несчастье. Счастье это зависит от веры и таких деяний в этой жизни, которые необходимы для того, чтобы обрести милость бога, и предписаны им с этой целью. Отсюда следует, во-первых, что соблюдение этого есть высшая обязанность, лежащая на человечестве, и наша высшая забота, наши прилежание и старания должны быть посвящены поискам и исполнению упомянутых веры и деяний, ибо в этом мире нет ничего, что заслуживало бы сравнения с вечностью. Во-вторых, поскольку один человек не нарушает прав другого своими ошибочными мнениями и неправильным способом богослужения, а его гибель не вредит делам другого, постольку попечение о спасении человека принадлежит только ему самому. Но я не хотел бы, чтобы это поняли так, будто я собираюсь этим осудить все милосердные увещания и доброжелательные попытки отвлечь людей от заблуждений, что является, конечно, величайшей обязанностью христианина.

Любой может использовать сколько угодно увещаний и аргументов для спасения другого. Но всякая сила и принуждение должны быть запрещены. Ничто не должно совершаться насильно. Никто не обязан выказывать покорность увещаниям или предписаниям других в большей мере, чем сам он в этом убежден. В этих вопросах каждый человек имеет высшую и абсолютную власть собственного суждения, и основание для этого состоит в том, что это никого не касается и не может нанести никому никакого вреда.

Но люди не только обладают бессмертными душами, они также живут временной жизнью здесь, на земле, в преходящем и бренном состоянии, обладающем неопределенной длительностью. Они нуждаются в различных внешних средствах для поддержания его, добываемых или заготавливаемых трудами и усердием, ибо вещи, необходимые для удобного поддержания наших жизней, не являются самопроизвольными продуктами природы и не предлагают себя подходящими и готовыми к употреблению. Поэтому телесная сторона человека вовлекает его в иные заботы и необходимо направляет к другим занятиям.

Но развращенность человечества такова, что люди предпочитают несправедливо грабить плоды чужих трудов, нежели прилагать свои труды к тому, чтобы обеспечить самих себя; поэтому необходимость сохранять то, что приобретено честным прилежанием людей, а также необходимость сохранять их свободу и силу, посредством которых они могут приобрести то, что им понадобится в дальнейшем, — все это заставляет людей вступать в общество, с тем чтобы взаимной помощью и объединенными силами они могли обеспечить каждому его собственность на вещи, нужные для удобства и счастья в этой жизни, оставляя в то же время каждому человеку попечение о его вечном счастье, достижение которого не может быть облегчено стараниями другого человека, потеря которого не может обернуться ущербом для другого, и надежда на которое не может быть у него отнята внешним насилием. Но поскольку люди, вступившие таким образом в общество, основанное на взаимном договоре о помощи для защиты их мирских благ, тем не менее могут все же быть лишены их или

обманом и грабежом со стороны своих сограждан, или враждебным насилием со стороны иноземцев, средство от последнего зла — оружие, богатство и многочисленность граждан; средство от другого — законы, а забота о том и другом вверяется обществом гражданским властям. Таков источник, таково применение и таковы границы законодательной власти, которая есть высшая власть во всяком государстве. Я имею в виду принятие мер для обеспечения частной собственности каждого человека, для обеспечения мира, богатства и общественных выгод всего народа и, насколько это возможно, для увеличения внутренней мощи государства с целью обеспечения безопасности от иноземного вторжения.

Когда все это объяснено, легко понять, какую цель должна преследовать законодательная власть, какими мерами она должна регулироваться; легко понять, что мирские блага и внешнее процветание общества — вот единственная причина вступления людей в общество и единственное, чего они ищут и к чему стремятся в нем. Так же очевидно, что люди остаются свободными в отношении их вечного спасения, т. е. что каждый должен делать то, что по его сознательному убеждению приемлемо для всемогущего, от чьего благоволения и одобрения зависит его вечное счастье, ибо должно прежде повиноваться богу, а потом законам.

Но некоторые могут спросить: «А что, если правитель прикажет своей властью нечто такое, что кажется незаконным совести частного лица?» Я отвечаю, что если правление осуществляется честно, а советы правителя направлены на общее благо, то это редко случается. Но если так выйдет, то, скажу я, данное частное лицо должно воздержаться от действий, которые считаются незаконными, и оно должно подвергнуться наказанию, перенести которое для него не незаконно, ибо частное суждение любого лица относительно закона, имеющего силу в политических делах, направленных на общественное благо, не отменяет обязательности этого закона и не освобождает от его исполнения. Но если закон действительно касается вещей, лежащих вне полномочий правителя, как, например, закон, говорящий, что народ или партия должны принять чуждую им религию и присоединиться к богослужению и церемониям иной церк-

ви, то в этих случаях люди не обязаны подчиняться закону против своей совести, ибо политическое общество учреждено только для одной цели — обеспечить каждому человеку владение вещами в этой жизни. Попечение о душе каждого человека и о вещах небесных, которое не принадлежит государству и не может быть ему подчинено, предоставляется всецело усмотрению каждого человека.

Таким образом, защита человеческих жизней и вещей, которые принадлежат к этой жизни, есть дело государства, а сохранение этих вещей за их владельцами — обязанность должностного лица. И поэтому должностное лицо не может ни изъять эти мирские вещи у одного человека или партии и отдать другому, ни переменить собственность среди сограждан даже по закону, если причина не имеет отношения к назначению гражданского правления. Я подразумеваю тот случай, когда это делается из-за религии, которая, будь она истинной или ложной, не наносит ущерба мирским интересам подданных, а они одни только подлежат попечению государства.

«Но что, если правитель считает закон, подобный этому, направленным на общественное благо?» Я отвечаю: так же, как частное суждение всякого отдельного лица, если оно ошибочно, не снимает с него обязанности подчиняться закону, так и частное суждение, как я могу его назвать, этого правителя не дает ему права навязывать своим подданным законы, которые не были дозволены ему устройством государства и которые народ не властен дозволить, тем более если правитель задался целью обогатить и выдвинуть своих последователей и собратьев по секте ценой разорения других. «Но если правитель считает, что он имеет право издавать такие законы и что они направлены на общественное благо, а его подданные думают обратное? Кто их рассудит?» Я отвечаю: один бог, ибо на земле нет судьи между верховным правителем и народом. Бог, говорю я, есть единственный судья в этом случае, который воздаст каждому в его последний день согласно его заслугам, т. е. согласно искренности и честности его стремления обеспечить благочестие, общественное благо и мир человечеству. «Но что следует до тех пор делать?» Я отвечаю:

в первую очередь и главным образом каждый должен заботиться о своей собственной душе, а в следующую очередь — об общественном мире, хотя мало кто решит, что мир там, где они видят все разоренным. Между людьми бывают споры двух родов: одни ведутся с помощью закона, другие — силы, и природа этих споров такова, что, где кончается один из них, всегда начинается другой. Но не мое дело — исследовать власть должностных лиц при различном государственном устройстве народов. Я только знаю, что обычно происходит там, где возникают споры и где нет судьи, который разрешил бы их. Вы скажете тогда, что, будучи сильнее, правитель осуществит свою волю и свое намерение. Без сомнения. Однако вопрос здесь касается не сомнительности события, а правила справедливости.

Но перейдем к частностям. Я скажу, во-первых, что никакие мнения, противные человеческому обществу или тем моральным правилам, которые необходимы для сохранения гражданского общества, не могут быть терпимы властями. Но конечно, среди церковных установлений подобные примеры редки. Ибо ни одна секта не может дойти до такой степени сумасшествия, чтобы посчитать возможным включить в свое вероучение такие вещи, которые явно подрывают основы общества и поэтому осуждаются всем человечеством; потому что в таком случае подверглись бы опасности собственные интересы секты, мир, ее репутация и все прочее.

Другое зло, более скрытое, но более опасное для государства, — это когда люди присваивают себе и тем, кто находится в одной секте с ними, некоторые особые прерогативы, прикрываемые правдоподобной видимостью обманчивых слов, но на деле противоположные гражданским правам общества. Например, мы не можем найти секты, которая ясно и открыто учит, что люди не обязаны выполнять свои обещания; что князья могут быть свергнуты с трона теми, кто отличается от них религией, или что господство над всеми вещами принадлежит только им самим. Ибо прямая и открытая проповедь этих мнений скоро привлекла бы к ним внимание и воздействие властей и пробудила бы всю осторожность государства и его бдительность против распространения столь опасного зла. Но тем не менее мы на-

ходим людей, которые говорят то же самое другими словами. Что иное имеют в виду те, кто учит: «Не следует сохранять верность еретикам»? Смысл этого, конечно, тот, что им принадлежит привилегия нарушать верность, ибо они объявляют, что те, кто не являются членами их сообщества, — еретики, или по меньшей мере они могут объявить их таковыми, когда сочтут это удобным. Каков может быть смысл их утверждения, что «отлученные короли теряют свои короны и королевства»²⁵? Очевидно, что они присваивают себе право свергать королей, ссылаясь на право отлучения как специфическое право своей церковной власти. Что «владение основано на милости (божьей)» также есть утверждение, посредством которого те, кто его утверждают, ясно высказывают претензию на владение всем на свете²⁶. Они ничего так не хотят, как верить или по меньшей мере считать себя поистине благочестивыми и верующими людьми. Поэтому те, кто приписывают верующим, религиозным и правоверным, т. е., попросту говоря, самим себе, какие-либо специальные привилегии или власть над другими смертными в делах гражданского правления, или тот, кто под предлогом религии претендует на власть над теми, кто не объединился с ним в одном церковном сообществе, не могут быть терпимы правителем, равно как и те, кто не усвоит обязанности терпимости в чисто религиозных делах и не будет учить ей. Ибо все эти и подобные им доктрины не означают ничего иного, кроме того, что те, кто их придерживаются, могут и готовы по любому поводу захватить власть и овладеть поместьями и богатством своих сограждан и просят власти о терпимости лишь до тех пор, пока не окажутся достаточно сильными.

Далее, не может быть терпима правителем церковь, которая создана на такой основе, что все, кто в нее вступают, тем самым отдают себя под покровительство другого государя и поступают ему на службу²⁷. Ибо это означало бы, что правитель открыл путь для учреждения чуждой юрисдикции в своей собственной стране и терпит, что его собственный народ как бы вербуются в солдаты для войны против его собственного правительства. Пустое и ошибочное различие между двором и церковью не дает лекарства от этого затруднения, особен-

но когда и тот и другая равно подчинены абсолютной власти одной и той же личности, которая не только имеет власть убеждать членов своей церкви, в чем только пожелает — как в чисто религиозных вопросах, так и в им подобных, — но может также приказывать, угрожая вечными муками. Смешно, когда кто-либо утверждает, что он магометанин только в религии, а во всем остальном верный подданный христианского государя, тогда как в то же время он признает, что обязан слепо повиноваться муфтию Константинополя, который в свою очередь полностью повинуетя оттоманскому императору²⁸ и сочиняет, согласно его желанию, изречения этой религии. Но этот магометанин, живя среди христиан, еще более явно отвергал бы их правительство, если бы признавал главой своей церкви то же лицо, которое является одновременно высшим должностным лицом другого государства.

Наконец, совсем не могут быть терпимы те, кто отрицает бытие божие. Обещания, договоры и клятвы, которые составляют узы человеческого общества, не могут сдержать атеиста. Отказ от бога, хотя бы даже в мысли, все разлагает. Кроме того, те, кто своим атеизмом подрывают и разрушают всякую религию, не могут иметь религиозного предлога для того, чтобы претендовать на привилегию веротерпимости²⁹.

Что же касается других практических мнений, хотя бы и не абсолютно свободных от ошибок, то если они не направлены на установление господства над другими или гражданской безнаказанности церкви, в которой они сложились, то не может быть основания, почему бы они не должны быть терпимы.

Остается кое-что сказать о тех собраниях, которые обычно называют (и иногда, возможно, справедливо) тайными сходками и рассадниками заговоров и мятежей; считается, что они представляют сильнейшее возращение против доктрины терпимости. Но это происходит не от характера самих этих собраний, а от несчастных обстоятельств, идущих от подавленной или дурно установленной свободы. Эти обвинения скоро прекратятся, если будет установлен закон о терпимости, так что все церкви будут обязаны положить терпимость в основу своей собственной свободы и учить, что свобода

совести есть естественное право каждого человека, принадлежащее как инакомыслящим, так и им самим, и что никого не должно принуждать в вопросах религии законом или силою. Установление одного этого лишило бы почвы всякое недовольство и волнение в вопросах совести. А если будут устранены эти причины недовольства и вражды, то в этих собраниях не останется ничего такого, что было бы менее мирным и более способным произвести смуту в государстве, чем в любом другом собрании. Но исследуем по частям эти обвинения.

Вы скажете, что собрания ставят под угрозу общественный мир и угрожают государству. Я отвечаю: если бы это было так, то почему ежедневно возникают столь многолюдные собрания на рынках и в судах? Почему терпят толпы на бирже и скопления людей в городах? Вы скажете: это гражданские собрания, мы же возражаем против церковных. Я отвечаю: возможно ли, что собрания, всецело удаленные от гражданских дел, более всего способны вмешаться в них? Но, скажете Вы, гражданские собрания составлены из людей, отличающихся друг от друга в религиозных делах, церковные же собрания — из единомышленников. Как будто согласие в вопросах религии есть на деле заговор против государства, или, чем единодушнее люди в религии, тем меньшей свободой собраний они обладают. И все же будут настаивать, что гражданские собрания открыты и всякий свободно может на них присутствовать, тогда как религиозные сходки носят более частный характер и этим создают возможность для тайных махинаций. Я отвечаю, что это, строго говоря, неверно, ибо многие гражданские собрания открыты не для каждого. И если некоторые религиозные собрания действительно являются частными, то кого следует за это осуждать, спрашиваю я Вас: тех, кто желает, чтобы они были публичными, или тех, кто это запрещает? Далее, Вы скажете, что религиозное общение чрезмерно объединяет души и чувства людей и поэтому более опасно. Но если это так, то почему правитель не боится своей собственной церкви и не запрещает ее собраний, как опасных для его правительства? Вы скажете: потому что он сам — часть и даже глава их. Как будто он также не часть государства и не глава всего народа!

Поэтому скажем прямо: правитель боится других церквей, но не своей собственной, потому что к одной он добр и благосклонен, а к другим суров и жесток. С членами своей церкви он обращается как с детьми и снисходителен даже к их беспутствам. Других он использует как рабов и, сколь ни безупречно они поступают, награждает их не иначе как каторгой, тюрьмами, конфискациями и смертью. Этих он любит и защищает, тех постоянно наказывает и угнетает. Пусть он помещается ролями или пусть эти инакомыслящие получают те же самые привилегии в гражданских и иных делах, и правитель быстро обнаружит, что эти религиозные собрания перестанут быть опасными. Ибо если люди вступают в мятежные заговоры, то не религия вдохновляет их к этому на их собраниях, но страдания и угнетение, которые заставляют их желать освобождения. Справедливые и умеренные правительства везде спокойны и безопасны. Но угнетение вызывает волнения и заставляет людей бороться, чтобы сбросить стеснительное и тираническое ярмо.

Я знаю, что мятежи часто возникают под предлогом религии. Но так же верно, что из-за религии с подданными дурно обращаются и они бедствуют. Поверьте мне, восстания происходят не из-за какого-то особого характера той или иной церкви или религиозного общества, но из общей склонности всего человечества, которое, когда оно стонет под тяжким бременем, естественно, стремится стряхнуть ярмо, натирающее ему шею. Предположим, что религиозный вопрос оставлен в стороне и между людьми проведены некоторые иные различия в зависимости от их различного телосложения, осанки и черт, так что, например, те, кто имеют черные волосы или серые глаза, не должны пользоваться теми же привилегиями, что и все другие граждане; что им не разрешается покупать или продавать, или жить согласно своему призванию; что родители не должны иметь власти над своими детьми и воспитывать их; что они должны быть исключены из сферы благотворного влияния законов или должны быть судимы пристрастными судьями. Можно ли сомневаться, что эти лица, отличающиеся от других цветом волос и глаз и объединенные общим преследованием, будут столь же опасны для правителя,

как любые другие лица, объединившиеся по религиозному признаку? Одни вступают в компанию для торговли и [получения] прибыли; другие по причине недостатка дела создают клубы для потребления спиртных напитков. Соседство объединяет одних, а религия — других. Но только одно подстрекает людей к мятежам — угнетение.

Вы скажете: что же, Вам хотелось бы, чтобы люди собирались на богослужение вопреки воле правителя? Я отвечаю: почему против воли? Разве не законно и не необходимо, чтобы они собирались? Против его воли, говорите Вы? Как раз об этом я сожалею. В этом корень всего зла. Почему собрания в церкви менее терпимы, чем в театре или на рынке? Те, кто встречается в одном месте, не более порочны или непокорны, чем встречающиеся где-либо еще. Дело в том, что с ними плохо обращаются и потому они не должны это сносить. Устраните пристрастность по отношению к ним в делах общего права, измените законы, устраните наказания, которым они подвергаются, и всё немедленно станет безопасным и мирным. Более того, те, кто питают отвращение к религии правителя, будут чувствовать себя тем более обязанными поддерживать мир в государстве, чем лучше будет их положение в этой стране по сравнению со всеми иными странами. И все отдельные конгрегации, подобно стражам общественного порядка, будут следить друг за другом, чтобы ничто не было обновлено или изменено в форме правления, потому что они не могут надеяться на что-либо лучшее, чем то, что уже есть и чем они пользуются, — равные условия со своими соподданными при справедливом и умеренном правительстве. И если церковь, которая в религии согласуется с государем, оценивается как главная опора всякого гражданского правительства, то это, как уже было показано, ни по какой иной причине, как только потому, что государь добр к ней, а законы ей благоприятствуют. Насколько больше будет безопасность правительства там, где все добрые подданные, кто бы они ни были, без всякого различия с точки зрения религии, пользуясь одинаковым благоволением государя и одинаковыми милостями законов, будут ему общей поддержкой и охраной, где никто не будет иметь причины бояться строго-

сти законов, кроме тех, кто вредит своим соседям и нарушает гражданский мир!

Переходим к заключению. Всё, к чему мы пришли,— это то, что каждый человек должен пользоваться теми же правами, которые дарованы другим. Разрешено богослужение на римский манер? Пусть будет разрешено оно также и в женевской форме³⁰. Разрешено говорить по-латыни на рынке? Пусть тем, кто желает, разрешат это делать также и в церкви. Разрешает закон любому человеку в его жилище стоять на коленях, во весь рост, сидеть или принимать любую иную позу, одеваться в белое или черное, в короткое или длинное платье? Так пусть не запрещает ему закон есть хлеб, пить вино или омыться водой в церкви. Одним словом, если закон не касается повседневного использования вещей, то пусть они свободно используются любой церковью в богослужении. Пусть от предрассудков, с этим связанных, не пострадают жизнь, тело, дом или имущество какого-либо человека. Можете Вы позволить пресвитерские правила³¹? Но тогда почему сторонники епископальной церкви³² также не должны иметь такие, какие им нравятся? Церковная власть, находишься она в руках одного или многих, везде одна и та же, и она не имеет юрисдикции над гражданскими делами, ни принудительной власти, ни чего-либо общего с богатствами и доходами.

Церковные собрания и проповеди оправданы каждодневным опытом и общим дозволением. Они дозволены людям определенных убеждений, почему же тогда не всем? Если на религиозном собрании происходит что-либо мятежное и противное общественному миру, оно должно наказываться таким же образом и не иначе как если бы это случилось на ярмарке или рынке. Эти собрания не должны быть убежищами мятежных и жестоких людей, и для людей не должно быть менее законным встречаться в церквях, чем в залах. Точно так же одна часть подданных не должна считаться более достойной порицания за свои собрания, чем другая. Каждый должен быть в состоянии отвечать за свои действия, и никто не может находиться под подозрением или быть ненавидим за вину другого. Мятежники, убийцы, воры, грабители, прелюбоден, клеветники и т. д. должны на-

казываться независимо от того, к какой церкви, национальной или нет, они принадлежат. Но те, чьи доктрины миролюбивы, а поведение чисто и невинно, должны быть в равных условиях со своими соподданными. Так, если торжественные собрания, соблюдение праздников, публичное богослужение разрешены лицам какого-либо одного вероисповедания, они с той же свободой должны быть разрешены пресвитерианам, индепендентам, анабаптистам, арминианам, квакерам³³ и др.

Более того, если мы вправе говорить истину, как подобает людям, то следует признать, что ни язычник, ни магометанин, ни еврей не могут быть лишены гражданских прав государства из-за религии. Евангелие ничего подобного не предписывает. Церковь, «которая не судит тех, кто вне ее» (1 Кор. 11)³⁴, не желает этого. И государство, которое включает без различия всех, кто честен, миролюбив и трудолюбив, не требует этого. Мы будем терпеть, когда язычник торгует и общается с нами, и не будем терпеть, когда он молится и служит своему богу? Если мы позволяем евреям иметь частные дома и жилища среди нас, то почему мы не должны позволить им иметь синагоги? Или их учение более ложно, их богослужение более отвратительно, а гражданский мир подвергается большей угрозе, если они собираются в общественных, а не в частных домах? Но если эти права могут быть дарованы евреям и язычникам, то, несомненно, положение христиан в христианском государстве не может быть хуже, чем их положение.

Вы, возможно, скажете: должно быть хуже, потому что они более склонны к заговорам, мятежам и гражданским войнам. Я отвечаю: а виновата ли в этом христианская религия? Если бы так было, то христианская религия поистине была бы наихудшей из всех религий и ее не следовало бы избирать частному лицу и терпеть государству. Ибо если бы христианская религия по своему характеру и природе порождала беспокойство и нарушала гражданский мир, то та самая церковь, которой покровительствует правитель, не всегда была бы невинна³⁵. Но мы далеки от того, чтобы сказать это о религии, которая заключает в себе величайшую противоположность алчности, честолюбию, раздорам, спорам и всякого рода беспорядочным желаниям и явля-

ется самой скромной и миролюбивой религией из всех до сих пор существовавших.

Мы должны поэтому искать иных причин тех зол, вина за которые возложена на религию. И если мы рассудим правильно, то мы найдем, что такая причина целиком заключается в предмете, о котором я трактую. Не различие во мнениях, которого нельзя избежать, но отказ от терпимости по отношению к тем, кто держится иного мнения, породил все свары и войны, которые происходили в христианском мире и имели поводом религию. Главы и вожди церкви, движимые корыстолюбием и ненасытным желанием власти, используя неумеренное честолюбие правителей и легковерие и религиозные предрассудки непостоянной толпы, возбудили и разожгли их ярость против тех, кто расходится с ними во взглядах, утверждая вопреки законам Евангелия и заповедям милосердия, что раскольники и еретики должны быть лишены их владений и уничтожены. Таким образом, они смешали и спутали две совершенно различные вещи: церковь и государство. И поскольку людям очень трудно терпеливо сносить лишение благ, которые они приобрели честными трудами, и предание их вопреки всем законам справедливости, божественным и человеческим, на поток и разграбление другим людям, особенно когда они ни в чем не повинны и когда причина, по которой с ними так обходятся, вовсе не принадлежит юрисдикции правителя, но касается лишь совести каждого отдельного человека, за которую человек ответствен лишь перед богом, то чего же еще можно ждать, как не того, что эти люди, устав от тяжких условий, в которых они трудятся, в конце концов сочтут для себя законным силою сопротивляться силе и с оружием в руках защищать свои естественные права, которые не могут быть отняты под предлогом религии.

История ясно показывает, что таким до сих пор был обычный ход вещей, и разум подтверждает, что так будет продолжаться и дальше. Иначе и быть не может, пока будет господствовать принцип преследования за религию со стороны властей и населения, как это было до сих пор, и пока те, кто должны быть проповедниками мира и согласия, будут продолжать со всей их силой и искусством призывать людей к оружию и рубить

в трубы войны. Можно было бы справедливо удивляться тому, что правители терпят таких поджигателей и нарушителей общественного мира, если только дело не обстоит таким образом, что они были приглашены правителями для участия в грабеже и поэтому считаются полезными для их своекорыстия и гордости в качестве средств для усиления их власти. Ибо кто же не видит, что эти добрые люди скорее министры правительства, чем исполнители Евангелия³⁶, и что, льстя честолюбию и поддерживая господство князей и власть имущих, они всеми силами стремятся поощрить ту тиранию в государстве, которую они иначе не смогли бы установить в церкви? Таково несчастное согласие, которое мы видим между церковью и государством. Если бы каждое из этих установлений оставалось в своих границах: одно — занимаясь мирским благосостоянием общества, а другое — спасением душ, то несогласие между ними никогда не могло бы возникнуть. *Sed pudet haec orrobrgia*³⁷ и т. д. Дай, боже, молю я его, чтобы наконец могло исповедоваться Евангелие мира и чтобы гражданские власти более тщательно согласовывали свою совесть с законами божьими и поменьше заботились о том, чтобы связать совесть других людей человеческими законами, и могли бы направлять свои советы и старания, подобно отцам отечества, на всеобщее обеспечение гражданского благосостояния всех своих детей, за исключением таких, которые надменны, необузданны и вредны для своих братьев; чтобы все церковники, хвастающие тем, что они — преемники апостолов, мирно и скромно шли по стопам апостолов, не вмешиваясь в дела государства, и могли бы целиком посвятить себя спасению душ.

Прощайте.

Возможно, не будет лишним добавить несколько слов относительно ереси и раскола [schism]. Турок не является и не может быть для христианина ни еретиком, ни раскольников; и если кто-либо переходит из христианской веры в магометанство, то он становится от этого не еретиком или раскольников, но отступником и неверным. В этом никто не сомневается. И отсюда явствует, что люди разных религий не могут быть еретиками или раскольниками по отношению друг к другу.

Поэтому мы должны исследовать, какие люди принадлежат к одной и той же религии. Относительно этого ясно, что те, кто имеют один и тот же закон веры и богослужения, принадлежат к одной и той же религии, а те, у кого законы веры и богослужения различны, принадлежат к различным религиям. Ибо поскольку всё, что относится к данной религии, содержится в ее законе, постольку отсюда необходимо следует, что те, кто придерживаются одного и того же закона, принадлежат к одной религии, и наоборот. Таким образом, турки и христиане принадлежат к разным религиям, потому что эти принимают Священное писание в качестве закона своей религии, а те — Коран. И по той же причине могут быть разные религии также среди христиан. Паписты и лютеране, хотя те и другие исповедуют веру в Христа и потому называются христианами, все же не принадлежат к одной и той же религии, потому что одни не признают в качестве закона и основания своей веры ничего, кроме Священного писания, другие же принимают также предания и декреты пап, и все это вместе составляет закон их религии. Таким же образом христиане св. Иоанна³⁸, как они называются, и женевские христиане принадлежат к разным религиям, потому что одни принимают только Писание, а другие принимают не знаю какие предания в качестве закона своей религии.

Если это установлено, то отсюда следует, во-первых, что ересь есть разделение, осуществленное в церковной общине между людьми одной и той же религии из-за мнений, никоим образом не содержащихся в самом законе. И во-вторых, что среди тех, кто не признает в качестве закона своей веры ничего, кроме Священного писания, ересь есть разделение, осуществленное в их христианской общине из-за мнений, не содержащихся в ясных словах Писания.

Это разделение может быть осуществлено двояким образом.

Во-первых, когда большая часть или (благодаря покровительству правителя) сильнейшая часть церкви отделяется от остальных, исключая последних из своей общины за то, что они не хотят исповедовать их веру в некоторые положения, которых нельзя найти в ясных

словах Писания. Ибо ни малочисленность отделенных, ни власть правителя не могут сделать человека виновным в ереси; но только тот является еретиком, кто разделяет церковь на части, вводит названия и знаки разделения и добровольно осуществляет разделение из-за упомянутых мнений.

Во-вторых, когда кто-либо отделяется от церковной общины в силу того, что эта церковь публично не исповедует определенные мнения, которым Священное писание явно не учит.

В том и в другом случае это еретики, потому что они ошибаются в основоположениях и упорно грешат против знания. Ибо, решив, что Священное писание является единственным основанием веры, они тем не менее приняли в качестве основополагающих такие положения, которых нет в Писании, и на том основании, что другие не признали этих дополнительных мнений и не основываются на них как на необходимых и фундаментальных, они осуществляют разделение церкви или отделяясь от других, или изгоняя их. Их заявления о том, будто их исповедания и символы согласуются с Писанием и верой, ничего не значат, ибо, если бы они содержались в ясных словах Писания, их не ставили бы под вопрос, потому что слова Писания признаются всеми христианами за боговдохновенные и потому основополагающие. Когда они говорят, что члены веры, на исповедании которых они настаивают, суть следствия, выведенные из Писания, то они, несомненно, хорошо делают, что верят в то, что кажется им столь согласующимся с законом веры, и исповедуют это. Но было бы очень плохо, если бы они стали это навязывать другим — тем, кому это отнюдь не кажется несомненным учением Писания. И осуществлять разделение из-за таких вещей, которые не являются и не могут быть основополагающими, — значит стать еретиком. Ибо я не думаю, чтобы нашелся человек, дошедший до такой степени безумия, чтобы осмелиться выдавать свои выводы и толкования Писания за божественное вдохновение, а члены символа веры, которые он сочинил согласно своей фантазии, сравнивать с авторитетом Писания. Я знаю, что есть положения, столь очевидно согласующиеся с Писанием, что никто не может отри-

цать, что они оттуда выведены; но это не меняет дела. Я говорю только одно: как ни ясно для нас, что та или иная вещь выведена из Писания, мы не должны навязывать ее остальным как необходимый член символа веры на том основании, что мы считаем ее согласующейся с законом веры. Иначе мы должны были бы согласиться также, чтобы нам навязывали таким же образом другие доктрины и чтобы нас заставляли принимать и исповедовать все различные и противоречивые мнения лютеран, кальвинистов, ремонстрантов, анабаптистов и других сект, которые изобретатели символов, систем и исповеданий привыкли выдавать своим последователям за подлинные выводы из Священного писания. Я не могу не удивляться экстравагантному высокомерию тех людей, которые думают, будто они сами могут объяснить вещи, необходимые для спасения, более ясно, чем святой дух, чем вечная и бесконечная мудрость бога.

Вот что касается ереси. Само же это слово в обычном употреблении применяется только к доктринальной части религии.

Рассмотрим теперь раскол, который представляет собою преступление, сходное с ересью, ибо оба этих слова, по-моему, означают необоснованное разделение в церковной общине по поводу не необходимых вещей. Но поскольку словоупотребление, которое есть высший закон в делах языка, определило, что ересь относится к ошибкам в вере, тогда как раскол — к ошибкам в богослужении и правилах, мы должны рассмотреть их с этой точки зрения.

Тогда раскол по тем же основаниям, какие уже указывались, есть не что иное, как разделение, осуществленное в церковной общине по поводу чего-либо в богослужении или церковных правилах, что не является необходимой их частью. А для христианской общины ничто не может быть необходимым в богослужении или правилах, за исключением того, что Христос, наш законодатель, или апостолы, вдохновленные святым духом, предписали в ясных словах.

Одним словом, тот, кто не отрицает ничего из того, чему в ясных словах учит Священное писание, и не осуществляет разделения по поводу чего-либо, что не

содержится явно в священных текстах, на деле и поистине не может быть еретиком или раскольников, хотя бы любая христианская секта давала ему это прозвище, а некоторые или даже все объявляли его совершенно лишенным духа истинного христианства.

Все это можно было бы объяснить более подробно и лучшим образом, но человеку Ваших способностей достаточно и кратко намекнуть на это.

Джон Толанд

ХРИСТИАНСТВО
БЕЗ ТАЙН,
или ТРАКТАТ,

в котором показывается,
что в ЕВАНГЕЛИИ
не содержится ничего
противоречащего РАЗУМУ
или непостижимого им
и что ни один
догмат христианства
не может быть назван
НЕПОСТИЖИМОЙ ТАЙНОЙ
в прямом смысле слова

Если кто-либо выступает против разума, то нам не нужно желать более очевидного доказательства того, что этот человек не прав, ибо тем самым он признает, что разум против него.

*Архиепископ Тиллотсон*¹

Предисловие

Я полагаю, все охотно согласится с тем, что с наибольшей свободой и уверенностью должен высказываться тот, кто защищает или доказывает Истину. Но если верить истории прежних времен или должным образом принять во внимание нынешнее положение вещей, то обнаружится, что как раз те, на чьей стороне Истина, наиболее робко и неохотно высказывают свое мнение на публике. Правда, можно было бы подумать, что справедливость их дела и благость намерения должны укрепить их против всех нападков врагов; нет недостатка и в частых примерах того, как люди с непоколебимой стойкостью переносили самые позорные и тяжкие мучения из любви к Истине. Однако если произвести правильный подсчет и учесть первых мучеников вместе с пророками и самими апостолами, то обнаружится, что открытых защитников Истины, выступавших только во имя самой Истины, будет небольшая горстка в противоположность многочисленным приверженцам Заблуждения.

И в наш век положение весьма плачевно, и никто не осмеливается открыто и прямо признать, что он думает о божественных делах, если его мысли, даже самые истинные и полезные, хоть слегка отличаются от догматов, признанных какой-либо церковью или установленных законом; он вынужден либо вечно хранить молчание, либо представить свои мнения миру в виде парадокса под заимствованным или вымышленным именем. Было бы слишком печальным упоминать хотя бы незначительную часть тех неудобств, которым подвергают себя те, у кого хватает мужества действовать более честно и открыто, ибо это и так достаточно заметно, и такое положение должны оплакивать все истинно великодушные и добродетельные люди.

Порочность наклонностей большинства людей и честолюбие отдельных лиц приводят к тому, что подобные ситуации, кажется, более часто возникают в политике и мирских делах; и тем не менее человек не только может без вреда для себя делать новые открытия в юриспруденции или медицине, так же как и в других гуманитарных или естественных науках, но и благодаря

этому заслуженно получать поощрения и вознаграждения. Но разве не поразительно, что священным словом «религия», которое означает «святость», «мир» и «честность» и ничто другое, так часто злоупотребляют, прикрывая им честолюбие, нечестивость и раздоры! И то, что в наших наивысших интересах понимать в совершенстве, объявляется (по причинам, которые ниже будут изложены) непонятым, и как старательно поддерживается это мнение! Дело даже дошло до того, что Истина ни от кого не встречает более сильного противодействия, чем от многих из тех, кто громче всех кричит о ней и кого можно было бы принять за единственных распорядителей милостями и волею небес, никак не меньше. Если у кого-либо хватит силы духа затронуть мельчайшую вещицу, приносящую им прибыль или влияние, его немедленно преследуют, поднимая крик о ереси. И если он придает значение их порицаниям, то вынужден благородно возместить убытки, а если окажется непокорным, то становится жертвой их неумолимой ненависти — по меньшей мере пострадает его репутация.

Можно быть также уверенным в том, что он вряд ли может ожидать более справедливого отношения к себе со стороны известных противников религии, поскольку их принципы, попирающие всякую справедливость и истину, обязывают их ненавидеть усердных защитников упомянутых и всех остальных добродетелей и всячески досаждают им². Но довольно таких гнетущих мыслей! Несмотря на них, я осмелился опубликовать свой трактат, имея намерение при помощи его исправить, насколько смогу, узкие фанатические догматы первых и самые нечестивые суждения последних.

Ни один безбожник или неверующий любого рода не может по справедливости гневаться на меня за то, что я скрещу с ним шпаги и буду нападать на него только тем оружием, которое он мне предпишет. Истинный христианин также не может почувствовать себя оскорбленным, когда обнаружит, что я использую разум не для того, чтобы подорвать его нравственность или поставить его в тупик, а для того, чтобы подтвердить и объяснить божественное откровение, — если только он не опасается того, что я сделаю откровение слишком

ясным для самого себя или слишком близким для других, но это такие нелепости, в которых никто не признается. Я надеюсь ясно показать, что применение разума в религии не так опасно, как это обычно представляют в добавок ко всему именно те, кто всячески превозносит его, когда им кажется, что это им на пользу, но кто даже не удостоивает его своим вниманием, когда он выступает против них, а выставляет его собственный авторитет против него самого. Это действительно огромное преимущество и, вероятно, самый надежный способ из всех, какие только можно изобрести, всегда одерживать верх в любом споре.

С тем чтобы заблудший неверующий не мог сказать, что в защиту своей веры я предлагаю лишь гипотезу, подобно некоторым людям, которые сначала придумывают или воспринимают какое-либо мнение, а затем изучают доказательства, чтобы его утвердить, я торжественно заявляю, что в моем случае дело обстоит совсем наоборот; и я считаю догматом своей религии только то, что заставили меня признать самые убедительные и возвышенные доказательства. Поскольку я с колыбели воспитывался в самом грубом суеверии и идолопоклонничестве, богу было угодно сделать мой собственный разум, а также разум других людей, которые сами пользовались им, счастливыми орудиями моего обращения³. Таким образом, я уже с ранних лет привык к тому, чтобы все изучать и исследовать, и был научен тому, чтобы не позволять своему уму, так же как и чувствам, подчиняться какому бы то ни было одному человеку или обществу. И я думаю, что наилучший способ передать Истину другим — это тот, при помощи которого человек сам ее познал.

С тем чтобы у благонамеренного христианина не могло зародиться подозрение, как это обычно почти всегда случается, что я замахиваюсь на большее, чем сам открыто заявляю, и хитроумно прикрываю какие-то вредные принципы благовидным предлогом защиты истинной религии, я заверяю его, что пишу со всей возможной искренностью и простодушнем, какие только можно представить, будучи настолько же твердо убежденным в том, что я отстаиваю, насколько это вообще для меня возможно. Если какой-нибудь добрый чело-

вск, несмотря на это мое торжественное заявление, будет по-прежнему плохо думать обо мне, то это, очевидно, должно объясняться глубоко укоренившимися предвзятыми мнениями; ибо можно найти лишь очень немного людей, еще не совсем твердо усвоивших определенные суждения того или иного рода, и это необходимо должным образом принимать во внимание. Как все мы склонны любить то, что узнали в молодости, как необычайно воздействует на нас и вид тех мест, где мы так приятно проводили время, и воспоминание о них! Мать более очарована неразборчивым лепетом своего шепелявящего дитяти, едва научившегося произносить слова, чем самой утонченной речью и самыми торжественными декларациями. Некоторым очень трудно усвоить, что какой-то выскочка, лишь вчера появившийся на свет, вдруг захотел опровергнуть то, что установили древние, затратив сколько времени и усилий, и что они сами выучили, положив столько сил и средств. А когда других всего лишь смиренно просят объяснить их выражения (*terms*), которые обычно ничего не означают или же означают то, в чем, должно быть, стыдно признаться тем, кто, как считают, вообще не может заблуждаться, они испытывают беспокойство, подобно расточительному купцу, который боится проверить свои счета; и хорошо, если они в состоянии сдерживать свои страсти. Когда не только группы людей, но часто целые общества очень поверхностно смотрят на вещи, то столь высоко ценят определенные выражения, как будто они составляют истинную сущность всей религии. Ставить под сомнение или отвергать хотя бы некоторые из них, даже самые ложные и неприличествующие,— значит проявлять опасную ересь. И тем не менее, как я только что говорил, они либо ничего не означают, либо были изобретены некоторыми видными людьми, чтобы затемнить простые вещи или — не так уж редко — чтобы прикрыть свое собственное невежество. Совершенно непростительно одно — что Святое писание подвергается попытке ради оказания моральной поддержки этому схоластическому жаргону и всем метафизическим химерам его авторов. Но слабость большей части этих предрассудков настолько хорошо известна, что для их опровержения достаточно просто их упомянуть. И все вещи

подобного рода не окажут на меня большего влияния, чем высказывания тех, кто прибегает к брани, когда им отказывает разум, влияют на благоразумного человека.

Что касается тех господ, которые утверждают, будто легковерие папизма⁴ отпугнуло меня от него на слишком большое расстояние, то, чтобы их удовлетворить, могу сказать одно: я не завидую той дешевой и удобной *середине*, которой они похваляются, так как я считаю истину и заблуждение двумя крайностями. Религию нельзя подвергать изменениям в зависимости от наших склонностей, нельзя и судить о ней на основании того, как она соотносится с нашими личными намерениями, ибо в таком случае было бы столько же верований, сколько существует на свете людей. Но как бы ни были различны наши понятия и каковы бы ни были наши мирские потребности, религия всегда одна и та же⁵, как и бог, ее создатель, *который неизменен и никогда ни на йоту не изменится*.

Если кто-либо спросит меня, неужели я столь высокого мнения о своих способностях, что воображаю, будто смогу доказать, что можно дать рациональное объяснение всем этим противоречащим друг другу учениям, двусмысленным выражениям и ставящим в тупик различиям, которые в течение многих столетий достаточно беспокоили ученых людей всякого рода, я отвечаю: не претендую (как может подтвердить титульный лист книги) на то, что мы в состоянии объяснить выражения или учения того или иного века, церковного собора или народа (большая часть которых представляет собой глухую, непостижимую тайну и для современников), но могу объяснить выражения и догматы Евангелия. Я интересуюсь не догматами Востока или Запада⁶, ортодоксальными или арианскими⁷, протестантскими или католическими, взятыми как таковые, сами по себе, а учением Иисуса Христа и его апостолов⁸. И, ведя этот спор, так же как и во всяком другом добром деле, я полагаюсь не только на свои собственные жалкие познания, но также и на милость бога, который, я надеюсь, позволит мне защитить его данную в откровении волю от совершенно несправедливых обвинений в противоречивости и неясности.

Вероятно, я во многом отличаюсь от людей, заслуженно прославившихся своей ученостью и набожностью; но, если истина явно за меня, это обстоятельство не может служить преимуществом передо мною. Поскольку религия рассчитана на разумных существ, у них должно иметь вес убеждение, а не авторитет. Мудрый и добрый человек будет судить по существу дела, взятого только само по себе, не обращая внимания на время, место и личности.

Никакие примеры, никакие соображения интереса, никакие представления о числе сторонников или противников вообще не могут повлиять на его основательное суждение или подкупить его честность. Он не знает различия между папской непогрешимостью⁹ и обязанностью слепо и покорно соглашаться с решениями грешных протестантов. Что касается меня самого, то поскольку я не позволю, чтобы кто-либо заставил меня при помощи ложных или неправильных последствий сказать то, чего я вообще не думал, то прошу мне особо не указывать, что я противоречу чему-либо, за исключением тех случаев, когда речь идет о противоречии с Писанием или разумом, которые, я уверен, очень хорошо согласуются друг с другом¹⁰. Не может казаться странным и то, что я настаиваю на этих условиях, поскольку я сам очень охотно подчиняюсь им и предоставляю всем людям такое же право в отношении меня самого. Поэтому меня не смутят почтенные имена и напыщенные ссылки на авторитеты, которые имеют такую же ценность, какую отвратительная ржавчина придает древним монетам, утратившим свой первоначальный цвет. Один только бог и те, кого он вдохновил, могут отдавать повеления, относящиеся к грядущему миру, тогда как дела сего мира направляет власть людей.

Далее, если говорить более конкретно относительно моего следующего ниже труда, я не ожидаю, что люди, которые не щадят никого, отнесутся ко мне с каким-либо уважением; еще менее я стремлюсь занять последователей, привлеченных необычайностью моих взглядов; но, если причины, которые я привожу, покажутся неубедительными, я скорее доброжелательно восприму скромное порицание, высказанное по существу дела. И если мне не удастся сделать совершенно понятным для

других то, что представляется таким ясным мне самому, я все же добросовестно стремился к этому и беспристрастно высказывал то, что я считаю истиной; поэтому мои благие намерения не нуждаются в какой-либо иной защите.

Некоторые места в первом разделе, или предварительном рассуждении о разуме, как я подозревал, в первом издании изложены так, что оказались несколько неясными для обыкновенных читателей; теперь они сделаны более легкими для понимания. И хотя тогда я заявил, что понимание этих мест не имеет значения для тех, кто правильно рассуждает, поскольку они были вставлены только с целью предотвратить предвиденные мною крикливые возражения некоторых людей, стремящихся не прекратить дискуссию, а скорее продлить и запутать ее, тем не менее на этот раз я не могу не удовлетворить желания тех, кто хотел, чтобы эти места были выражены более ясно, хотя это и будет мне стоить еще нескольких слов, так что я всегда буду, насколько можно, более краток. В равной мере я всюду стремился говорить очень ясно и понятно и льщу себя надеждой, что мои утверждения действительно ясны и понятны сами по себе. Во многих местах я с целью объяснения повторял трудные слова, приводил синонимичные выражения, имеющие более широкое и потому более известное употребление. Пожалуй, эти мои труды окажутся бесполезными для тех, кто знаком с философией, но они принесут значительную пользу людям необразованным, которых я в отличие от тех, кто в каждом предисловии заявляет нам, что он не ищет их расположения и они ему безразличны, вовсе не собираюсь игнорировать. Я удивляюсь, как вообще можно выражаться подобным образом в данных обстоятельствах, особенно как могут так говорить те, прямым делом которых как раз и является служить людям необразованным и избавлять их от труда, необходимого для долгого и тщательного изучения какого-либо предмета, произвести которое им не позволяют их обычные занятия. Именно с этой самой целью миряне платят за книги и выплачивают содержание церковникам; но боюсь, что некоторые из последних поверят этому не больше, чем тому, что и правители поставлены для народа.

Никто из представителей этого духовного сословия не может также полагать, что люди необразованные должны безоговорочно принимать их деспотические предписания, ведь и я не должен переделывать свой разум, подчиняя его тому, кого я нанял читать, переписывать и собирать материал для меня. Люди ученые не поверят на слово пивовару или булочнику, что их пиво или хлеб хороши, не посоветовавшись со своим собственным опытом и вкусом, хотя они ничего не понимают в их ремесле. А почему люди необразованные не могут в равной мере судить об истинном смысле вещей, хотя они ничего не понимают в тех языках, с которых эти вещи переведены для их пользы?

Истина всегда и всюду одна, а невразумительное или нелепое суждение никогда нельзя уважать больше только за то, что оно древнее или необычное, за то, что в оригинале оно написано на латинском, греческом или древнееврейском языке¹¹. Кроме того, богословие, понятное только тем, кто живет за его счет, на языке людей означает уже ремесло; и мне не понятно, почему люди, столь страстно влюбленные в него, сердятся на это название. Но об этом ниже, в соответствующем месте.

Бедняки, о которых говорят, будто они не воспринимают философских систем, вскоре поняли разницу между простыми убедительными поучениями Христа и замысловатыми пустыми призывами книжников. Ибо иудейские раввины, расколовшиеся в то время на секты стоиков, платоников, пифагорейцев¹² и т. п., допустив безрассудную вольность, при помощи аллегории действительно приспособили Писание к диким рассуждениям своих разных учителей. Они заставили людей, ничего не понимавших в их каббалистических заклинаниях, считать их все глубокими, непостижимыми тайнами и тем самым учили людей подчиняться языческому обрядам, ни во что не ставя закон бога в своих традициях. Поэтому не удивительно, что равнодушное простонародье и некоторые болсе искренние правители действительно отвергли эти нелепые предрассудки, хотя и бесстыдно приписанные Моисею¹³, ради религии, более соответствующей способностям всех людей, установленной и предсказанной их собственными пророками.

Я хотел бы, чтобы в следующем ниже трактате ничего этого нельзя было сказать в отношении всех христиан, особенно наиболее праведных и честных. Если принять во внимание, с каким рвением и строгостью некоторые люди заставляют подчиняться своим установлениям и дисциплине (одновременно смотря сквозь пальцы на всякое несоответствие божественному закону), как строго они предписывают соблюдение неразумных, противоречащих Писанию обрядов и веру в эти необъяснимые толкования того, что они сами непреклонно считают непостижимым,—повторяю, если принять все это во внимание, то испытываешь сильное искушение подозревать, что они преследуют более корыстные цели, чем просвещение непосвященных или обращение грешников. То, что кого-то надо ненавидеть, презирать, преследовать, более того, иногда из милосердия сжигать и проклинать за отказ следовать этим нелепостям, добавленным к Писанию и во многих случаях поставленным вместо самой благословенной, чистой и полезной религии, какую только люди могут пожелать или приветствовать, вызывает удивление и печаль у тех, кто предпочитает заповеди бога измышлениям людей, прямые пути разума — непроходимым лабиринтам отцов церкви¹⁴ и истинную христианскую свободу — тирании дьявола и антихриста.

Но еще более нетерпим тот способ, который обычно применяют для проповедования и поддержания этого непостижимого беззакония. Сколько объемистых томов, содержащих системы, бесконечно более трудные для понимания, чем Писание, должен с огромным вниманием прочесть тот, кто хочет стать магистром современной теологии! Какое невероятное количество варварских слов (без сомнения, непостижимых), какие утомительные и бессистемные указания, какие нелепые и противоречивые толкования нужно терпеливо заучить и правильно применять, прежде чем сможешь начать понимать профессора того же факультета! Последней и самой легкой частью вашего труда будет отыскать его мнения в *Библии*, хотя святые писцы никогда о них не думали, а вы вообще не читали эту священную книгу со школьных времен. Однако недоверие к своему собственному разуму, слепое почитание тех, кто жил до вас, и

твердая решимость придерживаться всех позиций своей церковной партии сделают все что угодно. Верьте только, как твердой основе всех своих аллегорий, что слова Писания, которые и вне контекста никогда не могут быть до такой степени двусмысленными и неопределенными, могут всюду обозначать то, что они только в состоянии обозначать. А если этого недостаточно, верьте тому, что каждая истина является истинным смыслом каждого стиха Писания, т. е. что из всего всегда можно что-то сделать. И вы не только найдете весь Новый завет в Ветхом, а весь Ветхий — в Новом, но, я вам обещаю, нет такого толкования, будь оно самым невероятным, будь оно самым противоречивым и запутанным, которое вы не могли бы обнаружить с такой же легкостью, с какой допускаете его существование.

Но я не буду повторять то, что так ясно написал по этому вопросу в рукописной диссертации, озаглавленной «Разоблачение богословских систем»¹⁵, лежащей у меня под рукой. В следующем ниже трактате, являющемся первым из трех, в котором я излагаю свою тему в целом, божественность Нового завета принимается как само собой разумеющееся, так что он касается непосредственно только христиан, а других верующих — лишь в некоторой степени, и я прошу их взвешивать мои аргументы на основе принятого мною выше положения. Во втором трактате, в равной мере касающемся христиан и других верующих, я пытаюсь дать конкретное и рациональное объяснение того, что считается *непостижимыми тайнами* Евангелия. А в третьем трактате я доказываю истинность божественного откровения, опровергая *атеистов* и всех врагов богооткровенной религии¹⁶.

Мне кажется, что это самый лучший способ, ибо в ваших богословских системах нормальный порядок природы совершенно извращен. В них авторитет и совершенство Писания доказываются раньше, чем изучается его содержание, в то время как первые в значительной мере познаются через последнее. Как может кто-либо, не прочтя сначала Писания, быть уверен в том, что в нем содержится все необходимое для спасения души? Более того, как он может, не изучив тщательно Священного писания, или слова божьего, прийти к выводу, что теперь он не должен искать никаких иных средств

спасения? Я со всей тщательностью избежал этой путаницы, ибо сначала доказываю, что истинная религия должна по необходимости быть разумной и понятной. Затем я показываю, что христианство отвечает этим требуемым условиям. Понимая, однако, что человек, обладающий большими способностями и познаниями, легко может создать ясную и цельную систему, я доказываю, в-третьих, что христианская религия не была создана подобным образом, а была ниспослана в божественном откровении с неба. Эти три темы я освещаю в трех книгах; как я уже сказал, следующий ниже трактат является первой из них.

Прежде чем закончить, я должен обратить свое внимание на тех господ, которые любят приклеивать ярлыки в религии; ибо, по их мнению, все различия между религиозными течениями представляют собой только лишь соответствующее число разновидностей ересей, или схизм, или чего-нибудь еще похуже. Но я заверяю их, что я не за *Павла*, не за *Цефаса* (Serphas), не за *Аполлона*¹⁷, а за одного господина Иисуса Христа, который является *творцом, первым и последним, моей веры*. У меня такое же право добиваться, чтобы моим последователям дали какое-либо название, в котором было бы использовано мое имя, какое у них — дать какое-либо название мне, т. е. такого права вообще не существует. Я говорю это не для того, чтобы предотвратить злонамеренное искажение моих взглядов с помощью весьма обычной уловки — причисления меня к какой-либо секте, имеющейся в мире, справедливо или несправедливо ненавимой другими. Это было бы действительно недостойное соображение! Но я твердо убежден, что все это само по себе незаконно в отношении доброго христианина. Предоставив другим свободу в этом вопросе, тем не менее необходимо по крайней мере признать, что приклеивание ярлыков причиняет неудобства, ибо если, например, вы известны как *лютеранин*¹⁸, то, хотя вы согласны с другими людьми того же вероисповедания только в главных догматах, их противники при случае не преминут поставить вам в вину и другие вопросы, с которыми вы не согласны. А если вы затем изложите свое мнение, то остальные *лютеране* не только будут глубоко оскорблены, но и будут склонны поставить под сомнение вашу

искренность и во всех остальных вопросах; как известно, именно таков нрав большинства сект. Поэтому со своей стороны я всегда признаю только одно религиозное название, и это самое славное, — быть христианином.

Я должен добавить одно-два слова в ответ на злобное или ошибочное суждение тех, кто сочтет необходимым утверждать, что я являюсь открытым врагом всех служителей церкви и, следовательно (заявляют они), всей религии, поскольку я изображаю церковников единственными изобретателями тех непонятных или непостижимых догматов, которые, как я тоже утверждаю, настолько же выгодны для них, насколько пагубны для мирян. Есть даже и такие, которые, с легкостью закрывая глаза на всякое презрительное отношение к истинной религии, всегда охотно готовы считать вредными еретиками или нетерпимыми атеистами тех, кто проявляет малейшее недовольство тем, что является — и это всеми признано — дополнениями к христианству, под каким бы предлогом — удобства или необходимости — они ни вводились. Если подобные люди понимают под религией ее непостижимую часть, тогда действительно не представит никакой трудности доказать, что я настолько же мало расположен к такой религии, насколько далек от того, чтобы приносить за себя какие-либо извинения тем, кто ее исповедует.

Что касается выдвигаемого мною в адрес церковников обвинения в том, что они создают и распространяют в христианстве непостижимые тайны, то те, кто этим недоволен, должно быть, мои враги, потому что я сказал правду. Ибо это реальная действительность, которая самым убедительным образом подтверждается каждой страницей как гражданской, так и церковной истории. Миряне также никогда не принимали никакого участия в этом деле, лишь подтверждая юридическими санкциями то, в чем их предварительно убеждали проповеди священников; так и теперь они иногда по их ходатайству заключают в тюрьму лиц, отлученных от церкви, и преследуют заблуждающихся, после того как сначала провозглашается их отлучение и духовенство устанавливает или объявляет ересь. Поскольку не все церковники высказывают свое мнение в защиту подобной практики, я не вижу, чтобы у них была более основа-

тельная причина гневаться на тех, кто выступает против священников, защищающих подобную практику, чем у хорошего правителя, который наказывает историка, написавшего о пороках тирана, только под тем предлогом, что тиран тоже был правителем.

Поэтому для всех бесчестных клириков, которые превращают религию в простое ремесло и несправедливо создают себе ложный авторитет в сознании введенных в заблуждение мирян, я открытый противник, каким, надеюсь, уже является или будет являться каждый честный и мудрый человек. Но поскольку я всегда останусь сердечным другом чистой и истинной религии, то сохраняю самое высокое уважение к ее искренним проповедникам; более полезного класса людей нет, без них не было бы ни одного счастливого общества, ни одного прочного государства в этом мире, не говоря уже об их отношении к миру грядущему и о том двойном уважении, которого они заслуживают за то, что не поддаются той общей болезни, которой подвержены люди их профессии. Но я совершенно не опасаясь искренних людей; а если какая-нибудь замышляющая зло партия разоблачит свою озабоченность, выразив неудовольствие, то это может даже послужить ее отличительным признаком, по которому ее можно узнавать, но я не буду считать, что ее выступление наносит мне вред.

Состояние вопроса

1. Люди, особенно в наше время, больше всего шумят о том, что они, по их собственному откровенному признанию, менее всего понимают. Можно легко сделать вывод, что я имею в виду *непостижимые тайны христианской религии. Богословы*, чья главная забота и состоит в том, чтобы объяснять их другим, почти единодушно признают свое невежество относительно их. Они сурово говорят нам, что *мы должны поклоняться тому, чего не можем понять*. И тем не менее некоторые из них навязывают свои сомнительные комментарии всем остальным людям с такой самонадеянностью и рвением, которые

не могут быть в достаточной мере оправданы, даже если мы будем считать их абсолютно непогрешимыми. Хуже всего то, что они все не имеют единого мнения. Если для одних вы будете *ортодоксом*, то для других — *еретиком*. Тот, кто принимает сторону какой-либо партии, осуждается остальными на муки ада, а если он не поддерживает публично ни одной партии, тогда все выносят ему не менее суровый приговор.

2. Некоторые из них говорят, что *тайны Евангелия* надо понимать только в том смысле, как толковали их *древние отцы церкви*. Но эти толкования настолько разнообразны, настолько сами по себе непоследовательны, что верить одновременно такому множеству противоречий просто невозможно. Сами отцы даже предостерегали читателей от того, чтобы полагаться на их авторитет без свидетельства *разума*, и думали о том, чтобы стать законодателями веры для своих потомков, так же мало, как думаем мы в отношении своих. Более того, поскольку все *отцы церкви* сами не были писателями, мы не можем по справедливости сказать, что нам известно их подлинное толкование тайн Евангелия. Труды тех, кто что-либо написал, до удивления искажены и подделаны или же не полностью сохранились. А если и сохранились, их смысл гораздо более темен и полон противоречий, чем слова *Писания*.

3. Другие говорят нам, что мы должны придерживаться мнений некоторых *определенных докторов*, авторитетом *церкви* объявленных ортодоксами¹⁹. Но мы, ни в коей мере не удовлетворенные ни одним авторитетом такого рода, видим, что эти самые *определенные доктора* так же не могут согласиться между собой, как и весь синклит *отцов церкви*, и трагически протестуют против происков и заблуждений друг друга; что они так же неблагоприятны, вспыльчивы и нетерпимы друг к другу, как остальные люди; что они по большей части чрезвычайно легковерны и суеверны в религии, а также до сострадания невежественны и поверхностны в простейших правилах литературы. Короче говоря, что у них такой же характер и такая же природа, как и у нас самих, и что им по сравнению с нами небо не предоставило никаких привилегий, возвышающих их над нами, за исключением того, что они родились раньше, если, ко-

нечно, считать это за привилегию, с чем, вероятно, согласятся очень немногие.

4. Некоторые отдают право решающего голоса в раскрытии *тайн* и толковании *Писания вселенскому собору*²⁰, а другие — *одному человеку*, которого они считают главой всей *церкви* на земле и непогрешимым судьей во всех спорах²¹. Но мы полагаем, что такие *соборы* существовать не могут, а если бы и могли, то их влияние было бы не больше, чем у *отцов церкви*, ибо такие соборы состоят из подобных *отцам* и других лиц, в общем и целом также подверженных ошибкам и страстям. И кроме того, для решения своих трудностей мы не можем прибегать как к постоянному правилу к чуду, совершаемому милосердием бога, которое ныне наблюдается реже, чем мирские развлечения древних²². Что же касается *единого судьи всех споров*, то, по нашему мнению, никто, за исключением людей, сильно предрасположенных к этому благодаря своим интересам или воспитанию, не может по-настоящему серьезно переварить эти химерические высшие руководства монстров непогрешимости. В Библии мы нигде не читаем о таких полномочных судьях, назначенных Христом, чтобы они его замещали. А *разум* открыто объявляет их бесстыдными узурпаторами. В конечном итоге до сего дня между их властью и властью *соборов* не проводится различия жалкими почитателями обоих.

5. Ближе к истине подходят те, кто утверждает, что мы должны придерживаться установлений *Писания* в отношении этих вопросов; и если правильно понимать данное утверждение, то истиннее его ничего нет. Но обычно в нем скрывается двусмысленность, и многие из тех, кто его применяет, вкладывают в него смысл, ничего общего не имеющий с его истинным значением. Ибо они либо делают так, что *Писание* начинает высказываться в соответствии с той или иной ложной *философией*, либо всеми правдами и неправдами подчиняют его громоздким системам и требникам своих различных сект.

6. Некоторые хотят заставить нас всегда верить *буквальному смыслу* слов *Писания*, почти или вообще не обращаясь к *разуму*, который они отвергают как непригодный для применения в отношении богооткровен-

ной части религии. Другие утверждают, что мы можем использовать *разум* как орудие, но не как начало нашей веры. Первые заявляют, что некоторые *тайны* могут быть — или по крайней мере кажутся — *противоречащими разуму*, но тем не менее их надо признавать благодаря вере. Вторые — что ни одна *тайна* не противоречит *разуму*, но что все они *недоступны* ему. Обе эти группы, исходя из разных принципов, согласны в том, что *разум* может исследовать некоторые догматы *Нового завета* только для того, чтобы доказать их богооткровенную природу, и что они все же являются *тайнами* в прямом и истинном смысле слова.

7. Мы, напротив, утверждаем, что *разум* является единственным основанием всей несомненности; и всё, что дано в божественном откровении, будь то *способ совершения, образ действия* или само *существование* чего-либо, так же не исключается из его изысканий, как и обычные явления природы. Вследствие чего мы тоже считаем, как указано в заголовке данного трактата, что *в Евангелии нет ничего противоречащего разуму и ничего недоступного ему и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом и истинном смысле слова.*

Раздел I

О разуме²³

1. Беспристрастно изложив, таким образом, состояние вопроса, мы должны приступить непосредственно к доказательству своего мнения. Но поскольку при обсуждении любых спорных вопросов четкое и краткое объяснение используемых выражений и круга охватываемых проблем приносит неоценимую пользу, стать на этот легкий и естественный путь настолько же приятно, насколько и полезно. Получается очень удачно, что проблемы, на которые распадается данный вопрос, располагаются в соответствии с тем порядком, который я намереваюсь

соблюдать и который заключается в следующем: сначала показать, что понимается под *разумом* и каковы его свойства; затем доказать, что ни один догмат Евангелия не противоречит *разуму*; после этого выявить, что ни один из них к тому же не является недоступным *разуму* и, следовательно, ни один не является *непостижимой тайной*.

Глава 1. Чем разум не является

2. Начнем с первого, а именно с *разума*. Мне представляется очень странным, что люди вообще могут нуждаться в определениях и объяснениях того, при помощи чего они определяют и объясняют все остальное, или что они не в состоянии достичь согласия в отношении того, чем все они — как они сами утверждают — по крайней мере в некоторой степени обладают и что составляет их единственную привилегию по сравнению с животными и неодушевленными существами, на которую они претендуют. Но мы на опыте обнаруживаем, что слово «*разум*» стало таким же двусмысленным и расплывчатым, как и любое другое; хотя все, кого не щекочет тщеславное стремление к оригинальности и не подуживает желание поспорить, в глубине души придерживаются в отношении его одного мнения. Я рассмотрю здесь данный вопрос со всей краткостью, на которую способен.

3. Ошибаются те, кто принимает за *разум* *душу*, рассматриваемую абстрактно. Ибо подобно тому как общей идеей золота является не гиней, а любая монета, имеющая определенную стоимость и соответствующее ей внешнее оформление, так и разум не сама душа, а душа, действующая определенным и особым образом. В равной мере заблуждаются те, кто считает *разумом* тот порядок, связь или отношение, которые естественно существуют между всеми явлениями. Ибо не они, а мысли, которые душа образует относительно явлений в соответствии с существующей между ними связью, отношением и т. д., могут по справедливости претендовать на такое название. Не больше преуспевают и те, кто назы-

вает этим словом *свои собственные наклонности или авторитет других*. Но более ясное представление о том, что такое разум, будет получено из следующих ниже сообщений.

4. Каждый знает на опыте, что обладает определенным свойством, или способностью, образовывать различные идеи или восприятия вещей, выражать утверждение или отрицание в зависимости от того, согласуются ли они, по его суждению, между собой или не согласуются, и тем самым любить и желать того, что кажется для него хорошим, и ненавидеть и избегать того, что ему представляется злым. Правильное использование всех этих способностей мы и называем здравым смыслом или, вообще говоря, *разумом*. Однако один акт восприятия идей умом, происходит ли это *путем проникновения в него чувств*, например цветов, фигур, звуков, запахов etc., или же эти идеи будут *простыми действиями души* в отношении того, что она как простое *сознание* таким образом получает извне, например *знание, утверждение, отрицание*, без какого-либо дальнейшего их рассмотрения,— повторяю, этот один акт восприятия таких идей умом сам по себе, строго говоря, не является *разумом*, потому что душа при этом остается совершенно пассивной. Когда соответствующий объект подобающим образом представлен глазу, уху или какому-либо другому органу чувств, обладающему необходимым для данного случая восприятием, он необходимо производит такие впечатления, воспринять которые ум в то же самое время не может отказаться. И мы обнаруживаем, что он не может также и воздержаться от осознания своих собственных мыслей или действий относительно данного объекта. Так, когда глаза у меня не болят и я держу их открытыми, как сейчас, у меня не только возникает идея картины, которая находится передо мною, но я также знаю, воспринимаю и утверждаю, что вижу ее, изучаю ее, она мне нравится, я хотел бы ее иметь. И тем самым я образую или скорее подобным образом я впервые образовал идеи *знания, восприятия, утверждения, отрицания, изучения, хотения, желания* и идеи всех остальных действий ума, которые таким образом вызываются предшествующими им впечатлениями чувственных объектов.

5. Под словом «идея», которое я столь широко ис-

пользую сейчас и буду применять еще более часто в следующем ниже трактате, я понимаю *непосредственный объект ума, когда он размышляет*, или *любую мысль, которую применяет ум в отношении чего бы то ни было*, будь эта мысль образом какого-либо тела или его изображением, как, например, идея *дерева*, или же будь она каким-либо *ощущением*, вызванным каким-либо телом, как, например, идеи *холода и тепла, запахов и вкусов*, или же, наконец, будь она *просто интеллектуальной* (intellectual) или *отвлеченной мыслью*, как, например, идеи *бога и сотворенных духов, спора, напряженного ожидания, мышления* вообще и тому подобное²⁴.

Глава 2. В чем состоит разум

6. Но хотя эти простые и отчетливые идеи, заложенные таким образом в великом хранилище ума, не являются, как было отмечено, тем, что мы называем *разумом* в строгом смысле слова, тем не менее только они составляют материал и единственную основу всего нашего мышления — *рассуждения* (reasoning), ибо ум в подходящий момент сравнивает их друг с другом, соединяет в сложные идеи и увеличивает, сокращает или отделяет их, когда обнаруживает, позволяют ли это условия их образования или нет. Так что все наше познание в сущности сводится лишь к *восприятию согласия или несогласия большего или меньшего числа наших идей, в чем бы ни заключалось это согласие или несогласие*. А поскольку это восприятие может быть непосредственным или опосредованным, наше познание может быть двоякого рода.

7. Во-первых, *когда ум без помощи какой-либо другой идеи непосредственно воспринимает согласие или несогласие двух или более идей, например что два и два — четыре, что красное не есть синее, это нельзя назвать разумом, хотя здесь наблюдается высшая степень очевидности* (evidence). Ибо в данном случае нет необходимости в рассуждении или проверке, *самоочевидность* исключает всякого рода сомнения и неясность. Такие положения, настолько ясные сами по себе, что не

нуждаются в доказательствах, поскольку их смысл сразу же понятен, обычно известны как *аксиомы* или *максимы*. И можно легко увидеть, что число их неопределенно и не ограничивается только двумя-тремя отвлеченными положениями, сформулированными (как все *аксиомы*) на основе наблюдений конкретных явлений: например, что *целое больше любой своей части*, что *небытие* (ничто) (nothing) *не может обладать какими-либо свойствами*.

8. Но, во-вторых, *когда ум не может непосредственно воспринять согласие или несогласие каких-либо идей, потому что их нельзя подвести друг к другу достаточно близко для сравнения, он использует одну или несколько промежуточных идей для обнаружения их соотношения*, подобно тому как я, последовательно измеряя метром два далеко отстоящих друг от друга дома, обнаруживаю, в какой мере они согласуются или не согласуются по длине, чего я не мог бы определить с помощью зрения. Так, на основании силы движения воздуха и пространства, которое он занимает, я знаю, что он обладает плотностью и протяженностью и что вследствие этого он представляет собою такое же тело (хотя я не могу его видеть), как дерево или камень, с которыми он согласуется в упомянутых свойствах. В данном случае *плотность* и *протяженность* являются тем мерилom, с помощью которого я нахожу, что *воздух* и *тело* равны между собою или что воздух есть тело, так как плотность и протяженность согласуются с обоими. Мы доказываем делимость наимельчайшей, какую только можно себе представить, частицы материи, показывая, что все тела делимы, потому что каждая частица материи в равной мере является телом. И подобным же образом на основании *делимости* всех живых тел делается вывод об их *смертности*. Этот метод познания и называется собственно *разумом* (reason) или *доказательством* (demonstration), а предыдущий — *самоочевидностью* или *интуицией*; его можно определить следующим образом: *та способность души, которая обнаруживает несомненность чего-либо сомнительного или неясного, сравнивая его с чем-нибудь достоверно известным*.

9. Из этого определения со всей очевидностью следует, что *промежуточная идея не может служить дока-*

зательством, если ее согласие с обеими идеями затронутого вопроса не является очевидным, и что, если для выявления согласия первоначальных идей потребуются более одной идеи, та же очевидность необходима для каждой из них. Ибо, если соединение всех частей доказательства не будет безупречным, мы вообще не сможем быть уверенными в выводе или заключении, при помощи которого мы соединяем две крайности; так что, хотя самоочевидность исключает разум, тем не менее все доказательство становится в итоге самоочевидным. Еще более очевидно, что, когда у нас нет понятий или идей относительно какой-либо вещи, мы вообще не в состоянии о ней рассуждать; а когда мы не находим идей, даже промежуточных, которые должны показать свое постоянное и необходимое согласие или несогласие, тогда мы вообще не можем идти дальше вероятности. Хотя у нас есть идея обитаемого и идея Луны, однако у нас нет промежуточной идеи, которая показала бы такую необходимую связь между ними, чтобы мы были несомненно вынуждены прийти к выводу, что упомянутая планета обитаема, каким бы правдоподобным это ни могло казаться. И теперь, поскольку вероятность не является знанием, я изгоняю все гипотезы из своей философии²⁵, потому что, сколько бы я их ни признал, мои познания не увеличились бы ни на йоту, а, поскольку между моими идеями не выявилось бы никакой очевидной связи, я, возможно, принял бы неверную сторону вопроса за правильную, что равнозначно полному отсутствию знаний по затронутому вопросу. Когда я приобретаю знания, я получаю все удовлетворение, которым они сопровождаются; когда у меня достигнута всего лишь вероятность, тогда я воздерживаюсь от высказывания своего суждения или же, если стоит затратить усилия, ищу несомненность.

Глава 3. О способах получения знаний

10. Но кроме тех свойств разума, которые мы уже объяснили, нам еще предстоит весьма тщательно отличить в нем *способы получения знаний от основы убеж-*

дения, ибо пренебрежение проведением этого легкого заметного различия привело людей к бесконечным ошибкам, что я докажу прежде, чем закончу свой труд. Я называю *способами получения знаний те пути, при помощи которых что-либо просто становится нам известным, не требуя обязательно нашего согласия с ним*. Под *основой убеждения* я понимаю *то начало, при помощи которого мы судим обо всей истине и которое неопровержимо убеждает ум*. *Способами получения знаний* являются *опыт и авторитет*. *Опыт* (как можно увидеть в параграфе 4) бывает либо внешним, поставляющим нам идеи чувственных объектов, либо внутренним, который ставит нам идеи действий нашего собственного ума. Это обычный источник и опора всех наших познаний, и мы не можем получать идеи каким-либо иным путем, пока у нас нет новых органов или новых способностей²⁶.

11. *Авторитет*, неправильно так называемый, как будто все сведения, им сообщаемые, должны приниматься безоговорочно и не подвергаться рассмотрению, бывает либо *человеческий*, либо *божественный*; *человеческий авторитет* называется также *нравственной несомненностью*, например когда я верю разумному сообщению своего друга, потому что у меня нет основания сомневаться в его правдивости, а у него нет никакого интереса меня обманывать. Так, *все возможные факты реальной действительности, должным образом удостоверенные современниками как известные им, а в дальнейшем рассказанные другими людьми, принадлежащими к различным эпохам, народам и имеющими разные интересы, которые ни сами не дадут себя обмануть, ни вступят в сговор, чтобы обмануть других (во всяком случае по справедливости их нельзя в этом заподозрить), нам следует воспринимать как определенные и несомненные, как будто мы видели их своими собственными глазами или слышали своими собственными ушами*. Благодаря этому способу я верю тому, что был такой город — *Карфаген*, что жил такой реформатор — *Лютер* и что есть такое королевство — *Польша*. Когда все эти правила соединяются в каком-либо факте действительности, тогда я принимаю это за *доказательство*, что есть не что иное, как *неопровержимое свидетельство соответствующих подлинных фактов*. Но если какие-либо из этих условий от-

сутствуют, тогда эта вещь *неопределенна* или в лучшем случае лишь *вероятна*, что для меня не составляет большой разницы.

12. *Авторитет бога, или божественное откровение*, есть проявление истины самой истиной, которая не может лгать. Об этом подробно будет сказано ниже, в главе 2 следующего раздела. Ничто существующее в природе не может стать нам известным каким-либо иным способом, кроме этих четырех, а именно: *опыта чувств, опыта ума, человеческого или божественного откровения*.

Глава 4. Об основе убеждения

13. Далее, поскольку мы чрезвычайно легко поддаемся обману, то, если у нас нет какого-либо безошибочного принципа, мы можем принять сомнительное предположение за *аксиому*, рассказ старых баб за *нравственную несомненность*, а человеческий обман за *божественное откровение*. Таким безошибочным принципом, или основой всякого правильного *убеждения*, является *очевидность*, которая заключается в *точном соответствии наших идей или мыслей их объектам, или вещам, о которых мы думаем*. Ибо поскольку мы имеем в себе только идеи, а не сами предметы, именно на основании первых мы должны составить для себя суждение о вторых.

14. Следовательно, поскольку идеи представляют объекты, их очевидность, естественно, заключается в том их свойстве, что они должны правдиво представлять свои объекты. Я не думаю, чтобы у каждой идеи был совершенный образец, который бы она представляла, что, например, идеи *длины и движения* в моем уме похожи на идеи *длины и движения* пера, которое я держу в руке, ибо *некоторые идеи являются лишь результатом действия определенных сил, имеющиххся в частицах тел и вызывающих у нас особые ощущения*; так, *сладость сахара и холод льда* присущи им не в большей мере, чем боль — ножу, порезавшему меня, или *тошнота* — плоду, которым я объелся²⁷. Но хотя такие *возникающие в оп-*

ределенных случаях (occasional) *идеи* вне нашего воображения не существуют, тем не менее удовольствие, неудовольствие и другие качества, которые они возбуждают, показывают нам то добро или зло, которое могут причинить нам их предметы, что делает знание их таким же полезным, как и знание тех свойств, которые *действительно* существуют в самих вещах. Без *тепла* и *света* огня, чему бы послужили его *форма* и *величина*? А что определяет цену серой амбры, как не *аромат*? Тогда причиной того, что я считаю идею розы очевидной, является правдивое представление об этом цветке, которое она мне дает. Я знаю, что оно правильное, потому что роза должна содержать все те свойства, которые проявляет ее идея, либо *вещественно-реально*, как *стебель* и *форму*, либо *в соответствующем случае* (occasionally) как *цвет*, *вкус* и *запах*. И я не могу в этом сомневаться, потому что эти свойства должны принадлежать либо причине, вызвавшей идею, либо «небытию» (nothing), либо быть плодами моего собственного мозга. Но «*небытие*» не может обладать никакими свойствами, а я не могу создать ни единой идеи по своему усмотрению и не могу уклониться от восприятия идей, когда объекты *воздействуют на мои чувства*. Вследствие чего я делаю вывод, что свойства розы не являются плодами моего воображения, а принадлежат причине, вызвавшей идею, т. е. объекту²⁸.

15. Очевидность *идей действий ума* неопровержима так же, как очевидность нашего собственного *бытия*; и если в результате какой-либо совершенно невозможной ситуации мы поставили последнее под сомнение, то это послужит лишь обретению еще большей уверенности в бытии. Ибо помимо неизбежного предположения о нашем существовании в самом этом утверждении — я *сомневаюсь, существую ли я*, — ясно также, что явление, выражающее сомнение, должно по необходимости быть в такой же мере чем-то, как и явление, выражающее утверждение, и это нечто я называю — я *сам*. Теперь давайте только требовать этой *очевидности*: неукоснительно — во всех случаях согласия или несогласия наших идей относительно явлений чисто умозрительных и в той мере, в какой возможно, — в делах обычных, житейских (ибо в них иногда в силу необходимости приходится до-

пускать *вероятность*, чтобы возмещать недостаток *доказательства*); и мы можем, не полагаясь на *авторитет* (прикрывающий нашу лень) или вызывающее скептицизм *движение к бесконечности*, успешно искать истину и выводить ее на свет из тех подземных пещер, где, как полагают, она запрятана. Пока нашим проводником служит *очевидность*, мы не можем ошибаться и допустим ошибку только тогда, когда отойдем от нее, злоупотребив своей *свободой*, *отрицая что-либо из того, что ей принадлежит*, или *приписывая ей то, чего мы не видим в ее идее*. Это составляет главный и всеобщий источник всех наших заблуждений.

16. Однако мудрый создатель всего — бог, чье имя следует произносить и о ком размышлять всегда нужно с благоговением, кто дал нам способность воспринимать явления и выносить свое суждение о них, наделил нас также способностью *воздерживаться от вынесения суждений относительно всего, что не является определенным, и соглашаться только с тем, что ясно воспринято нами, и ни с чем больше*. Он не только не ставит нас перед необходимостью ошибаться, но, напротив, поставил нас в привилегированное положение, дав нам, с одной стороны, способность защитить себя от предубежденности или опрометчивости, *предоставив нам свободу выбора только в том, что является безразличным или же сомнительным и неясным*; с другой стороны, он позаботился о том, чтобы мы могли различать и постигать истину, *сделав так, что мы не можем не соглашаться с очевидным положением*. Мы по необходимости должны верить тому, что *одна и та же вещь не может одновременно быть и не быть, что такое невозможно*. И весь мир не может нас убедить в том, что в этом следует сомневаться. Но также, пока мы не получим соответствующего *доказательства*, нам не нужно признавать, что природа не терпит пустоты²⁹ или что Земля ежегодно совершает оборот вокруг Солнца³⁰.

17. Если люди *опрометчиво высказывают свое согласие либо потому, что, по их мнению, поиски истины сопровождаются большими трудностями, чем они готовы преодолеть, либо потому, что, как им кажется, они всё знают*, то это их вина. Поэтому давайте отнесем все наши ложные понятия на счет своей собственной по-

спешности и невнимательности. Давайте признаемся, что *мы навлечем сами на себя скорую гибель* (2 Пет. 2. 1), и радостно возблагодарим нашего доброго распорядителя, который связал нас законом, обязывающим нас склоняться перед светом и величием *очевидности*. И действительно, если бы мы могли подвергать сомнению то, что ясно, или если бы нас вводили в заблуждение отчетливо определяемые понятия, тогда не могло бы быть ничего определенного; ни совесть, ни сам бог не принимались бы во внимание; ни одно общество или государство не могло бы существовать. Но в равной мере справедливо и то, что, если бы мы не могли воздержаться от выражения согласия с сомнительными или неясными утверждениями, тогда *Всемогущая доброта была бы истинной причиной всех наших заблуждений* (что невозможно).

18. Могут спросить, почему иногда не выражают согласие с правильными утверждениями, раз *очевидность* необходимо требует его? Отвечу: *потому что правильные утверждения не сделаны очевидными*. Ибо ясность и неясность — относительные понятия, и, что для меня одно, для другого может быть прямо противоположным. Если предмет беседы излагается словами, непонятными для слушателя, если не показано, что он согласуется с другими истинами, уже абсолютно ясными, или это не сделано тут же, в ходе разговора, то слушатель не может их понять. Равным образом, если не соблюдаются естественный порядок вещей и должная простота, он не может понять, являются ли они очевидно истинными или ложными; и поэтому он воздерживается от высказывания своего суждения (если на него не оказывает влияние какое-либо чувство) там, где другой, быть может, получает совершенное удовлетворение. Отсюда получается, что мы часто с негодованием и удивлением приписываем глупости и упрямству других то, что является плодом нашего собственного путаного рассуждения, ибо мы сами недостаточно тщательно переварили свои собственные мысли или намеренно употребили двусмысленные выражения или такие, о которых другой либо вообще не имеет представления, либо его представления отличаются от наших.

Раздел II

О том,

что догматы Евангелия
не противоречат
разуму

1. Когда так много было сказано о *разуме*, я думаю, нет необходимости подробно показывать, что значит противоречить ему; ибо, по моему мнению, из предыдущего раздела совершенно понятно, что *всё очевидное противоречащее ясным и четким идеям или нашим общим понятиям противоречит и разуму*. Поэтому далее я стремлюсь доказать, что *догматы Евангелия*, если оно действительно является словом божьим, *не могут противоречить разуму*. Но если возразят, что противоположного мнения придерживаются очень немногие, я отвечу: в наше время (ибо мы не будем тревожить прах умерших) ни один *христианин*, насколько мне известно, не говорит прямо, что *разум и Евангелие* противоречат друг другу. Но очень многие утверждают (а это возвращает нас фактически к тому же самому), что хотя догматы последнего не могут сами по себе противоречить принципам первого, так как оба они исходят от бога, тем не менее в соответствии с нашим пониманием их *может показаться, что они непосредственно сталкиваются друг с другом*. И хотя мы не можем примирить их с помощью нашего тленного и ограниченного ума, тем не менее на основании авторитета *божественного откровения* мы должны верить им и покорно соглашаться с ними, или же, как учили говорить *отцы церкви*, *поклоняться тому, чего мы не в состоянии понять*³¹.

*Глава 1. Нелепость допущения
каких-либо подлинных
или кажущихся
противоречий в религии
и его последствия*

2. Этот знаменитый и восхитительный догмат³², несомненно, источник всех *нелепостей*, когда-либо имевших серьезное хождение среди *христиан*. Если бы он не использовался как предлог, мы никогда бы не услышали ни о *пресуществлении*³³ и других нелепых сказках *римской* церкви, ни о тех *восточных нечистотах*, которые почти все приняты в эту *западную клоаку*; мы бы вообще не были одурачены *лютеранской импанацией*³⁴ или тем *вездесущием*, которое она произвела на свет, поскольку обычно одно чудовище порождает другое. И хотя *социниане*³⁵ отрешиваются от этих взглядов, я не ошибусь, сказав, что ни они, ни *ариане*³⁶ не могут представить свои понятия о *величественном и достойном божественного поклонения человеке* — боге таким образом, чтобы они выглядели более разумными, чем сумасбродства других сект, посягающих на догмат *троицы*³⁷.

3. Короче говоря, названный догмат служит постоянным прибежищем для некоторых людей, когда они не могут объяснить какое-либо место в Евангелии. Чтобы не казаться в глазах других менее сведущими, чем им самим хотелось бы, они не стесняются приписать тайным замыслам Всемогущего или природе явления то, что, может быть, является следствием неправильного рассуждения, неумелости выражения или невежества в истории. Но чаще всего они так поступают, следуя *первым впечатлениям*, которые редко осмеливаются подправить позднее с помощью более свободных и зрелых мыслей. Итак, *желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают* (1 Тим. 1. 7), они навязывают нам *под видом учений заповеди человеческие* (Мат. 15. 9). И поистине хорошо они могут это делать, ибо я не знаю, можем ли мы, однажды признав этот принцип, отвергать то, что нам говорится именем господа. Я должен заметить также, что этот догмат непосредственно касается нас, мирян, ибо *независимо от*

того, как его вначале установили, *духовенство* (всегда исключая тех его представителей, которые того заслуживают) с тех пор себя не подводило и усвершенствовало его до такой степени, что сделало *непостижимыми* не только самые очевидные, но и самые пустяковые в мире вещи, с тем чтобы мы постоянно зависели от него в отношении их объяснения. И тем не менее духовные лица не должны (даже если могли бы) объяснять их нам, ибо тогда они погубят этим весь свой замысел, как бы правдиво они ни притворялись. Однако давайте опустим все замечания, какие были бы уместны в данном случае, и приступим к непосредственному рассмотрению самого мнения.

4. Первое, на чем я буду настаивать, заключается в следующем: если какой-либо догмат *Нового завета* противоречит разуму, у нас об этом нет ни малейшего представления. Например, сказать, что *шар одновременно и белый и черный*, — значит просто вообще ничего не сказать, ибо эти цвета настолько несовместимы в одном и том же предмете, что исключают всякую возможность действительной положительной идеи или понимания. Таким же образом сказать, подобно *папистам*, что *дети, умершие до крещения, осуждены, но не испытывают страданий*, — значит вообще ничего не сказать. Ибо, если в потустороннем мире они будут разумными существами, для них быть вечно отлученными от созерцания бога и от общества блаженных праведников должно казаться невыразимой мукой. Но если *паписты* полагают, что у этих детей нет разума, тогда их нельзя осудить на вечные муки ада в том смысле, как это понимают паписты. И поэтому они не должны говорить, что эти дети заключены в подземную тюрьму в *преддверии ада*, а должны сказать, что либо у них не было души, либо они были уничтожены, что было бы достаточно разумным и что было бы легко понять (если бы это было правдой, чего они никогда не смогут доказать). Далее, если у нас нет идей какой-либо вещи, то, безусловно, для нас беспокойство о ней означает только напрасный труд. Ибо то, чего я не понимаю, может дать мне правильное понятие о боге или повлиять на мои действия не в большей степени, чем молитва, произнесенная на неизвестном мне языке, может возбудить мое благочестие. И ес-

ли труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? (1 Кор. 14. 8, 9). Слоги, хотя и наилучшим образом соединенные друг с другом, будут всего лишь словами, брошенными на ветер (1 Кор. 14. 9), если к ним не присоединить определенные идеи; и они не могут служить основой для *разумного служения* (Рим. 12. 1) или поклонения богу.

5. Если кто-либо задумает избежать этой трудности, заявив, что идеи определенных догматов действительно могут противоречить общепринятым понятиям, но согласуются друг с другом и еще не знаю с какими сверхразумными (*supra-intellectual*) истинами, он тоже не двинется с места. Но предположим на мгновение, что это так; все равно из этого следует, что никто не может понять эти догматы, разве что способ их восприятия будет сообщен людям каким-либо необычным образом, например при помощи новых способностей или новых органов. И даже тогда нельзя будет наставлять с помощью рассказа об этих догматах других людей, если и им не будет предоставлено то же самое благо. Так что, если я пойду проповедовать слово божие *дикарям-индейцам*, я должен ожидать, что идеи моих слов должны быть, я не знаю как, вселены в их души, чтобы они меня поняли; и в соответствии с этой гипотезой, они, если не совершится чудо, могут понимать мою речь не больше, чем чириканье птиц; а *если они не разумеют значения моих слов, то я даже для них чужестранец* (1 Кор. 14. 11), хотя я и *говорю тайны духом* (1 Кор. 14. 2). Но что они имеют в виду, говоря, что догматы согласуются друг с другом, хотя и не согласуются с нашими общепринятыми понятиями? На небесах *четыре* могут называть *пятью*; но ведь изменится только название, само-то явление не меняется, остается тем же. И поскольку в этом мире мы можем познать что-либо только при помощи наших общепринятых понятий, и никак иначе, как же мы можем быть уверенными в этом предполагаемом соответствии между нашими нынешними кажущимися противоречиями и теологией будущего мира? Ибо при помощи *разума* мы убеждаемся в несомненности существования самого бога и поэтому можем узнать его *откровения*

только благодаря их соответствию отмеченным нами естественным проявлениям бога, т. е., иными словами, если эти откровения согласуются с нашими общепринятыми понятиями.

6. Далее я замечу: те, кто не колеблясь заявляют, что могли бы верить в прямое противоречие разуму, если бы нашли такое место в *Писании*, оправдывают тем самым все какие бы то ни было нелепости и, противопоставляя один свет другому, неизбежно превращают бога в виновника всякой неуверенности и неопределенности. Само предположение о том, что разум может разрешить одно, а дух божий — другое, неизбежно толкает нас к *скептицизму*, ибо мы будем вечно пребывать в состоянии неуверенности относительно того, чему же подчиняться; более того, мы вообще не можем быть уверенными в том, что же есть что. Доказательство божественности *Писания* зависит от разума, и, если ясный свет одного может быть каким-либо образом опровергнут, как же мы можем быть убежденными в безошибочности другого?

Разум может заблуждаться в этом вопросе так же, как и в любом другом; и нам никто не давал твердого обещания, что в будущем он не будет заблуждаться, подобно тому как и *папистам* никто не обещал, что их чувства не могут обманывать их как в отношении *пресуществления*, так и в отношении всего остального. Сказать, что Писание само свидетельствует за себя, — значит поставить *Коран* ³⁸ в равное с ним положение. И уж совсем выдающимся доводом было бы сказать *язычнику*, что так постановила *церковь*, когда все общества скажут то же самое о самих себе, если полагаться только на их слово. Кроме того, он может спросить: откуда церковь взяла право решать этот вопрос? И если ему ответить: из *Писания*, то ставлю тысячу против одного, что он позабавит себя этим порочным кругом. Вы должны верить божественности *Писания*, потому что так постановила *церковь*, а *церковь* получила право решать этот вопрос от *Писания*. Сомнительно, чтобы это полномочие церкви можно было доказать на основе тех мест *Писания*, которые цитируются для этой цели, но сама *церковь* (заинтересованная сторона!) утверждает это. Ба! А не является ли этот замкнутый круг чрезвычайно

остроумным изобретением, чтобы кружить головы людям недумаящим и слабым и опутывать их?

7. Но если мы верим в богоданность *Писания* не на основе только содержащихся в нем его собственных утверждений, а на основе реального свидетельства, заключающегося в очевидности вещей, в нем содержащихся, на основе несомненных последствий, а не на основе слов и букв, то что это такое, если не доказательство его при помощи разума? Да, в нем самом действительно содержатся самые яркие характерные черты *божественности*. Но именно *разум* обнаруживает их, изучает их, на основе своих принципов одобряет их и объявляет подлинно божественными, что надлежащим образом порождает в нас принятие *веры* или убеждение. Теперь, если таким образом тщательно перебрать все подробности, если изучить не только учение *Христа* и его *апостолов*, но и их жизни, предсказания, чудеса и смерти, безусловно, весь этот труд будет напрасным, если мы каким-либо образом не сможем избавиться от противоречий. О, благословенная и удобная система, одним ударом разделяющаяся со всеми этими причиняющими беспокойство замечаниями об истории, языке, прямых и переносных смыслах, возможностях писателя, обстоятельствах и других моментах, помогающих толковать Писание! Мы судим о мудрости и учености человека по его поступкам и высказываниям; но при таких условиях бог, который, как нас заверяют, *не переставал свидетельствовать о себе* (Деян. 14. 17), не должен иметь преимуществ перед самым безумным фанатиком или самим *дьяволом*!

8. Но будут притворно выражать благоговение даже перед словами божьими: это нам нравится, ибо мы знаем, что *бог не человек, чтобы ему лгать* (Числ. 23. 19). Но речь идет не о словах, а об их смысле, который всегда должен быть достоин своего творца, и, следовательно, в соответствии с установлениями духа, вдохновляющего всю речь, слова должны толковаться в переносном смысле, когда того требуют обстоятельства. В противном случае, прикрываясь *верой в слово божие*, из буквы *Писания* можно вывести величайшие глупости и богохульства, например что бог подвержен страстям, что он сотворил грех, что *Христос* — скала, что он был

действительно виновен в наших прегрешениях и осквернен ими, что мы не люди, а черви или овцы. И если в этих отрывках мы допускаем фигуру речи, то скажите мне, почему этого нельзя сделать во всех выражениях подобного же рода, когда в этом появляется такая же необходимость?

9. Могут спросить, почему я так упорно и долго останавливаюсь на этом вопросе, если раньше признал, что никто открыто и прямо не утверждает, что *Писание* и *разум* противоречат друг другу? Но ведь там же я упоминаю тех людей, по мнению которых Писание и разум *могут казаться прямо противоречащими друг другу*, и, хотя мы не в состоянии их примирить, мы должны покорно соглашаться с решениями первого. Для нас *кажущееся* противоречие имеет такое же значение, как и *действительное*; а наше уважение к *Писанию* скорее требует от нас не допускать наличия в нем даже кажущихся противоречий, а в случае возникновения какой-либо трудности делать вывод, что нам не известен правильный смысл данного стиха; и поэтому, *пока мы не раскрыли истину с помощью подходящих средств и должного усердия, мы должны воздерживаться от высказывания своего суждения относительно его*. Что касается покорного согласия с тем, чего человек не понимает или не может примирить со своим разумом, то результаты такого подхода лучше всего известны тем, кто его проявляет. Что касается меня, то мне он чужд, и я не могу примириться с таким принципом. Напротив, я совершенно уверен, что *тот, кто не объясняет природы явления, тщетно притворяется, будто убедил свой рассудок*. Человек из страха, суеверия, безразличия, корысти и тому подобных жалких и неблагоприятных побуждений может согласиться на словах с чем угодно; но поскольку он не понимает того, чему верит, то не может искренне соглашаться с этим и остается лишенным всякого истинного удовлетворения. Его постоянно терзают сомнения, которых не устраняет его *слепая вера*, и поэтому он расположен к колебаниям и его может *увлечь всякий ветер учения* (Еф. 4. 14). Вершина его оправдания — я поверю, потому что я поверю, т. е. *потому что я хочу так поступить*. Таковы неразумные люди, которые *поступают по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме*,

отчуждены от жизни божией по причине их невежества и ожесточения сердца их (Еф. 4. 17, 18). Но тот, кто понимает какую-либо вещь, так же уверен в ней, как будто он сам ее создал. Его никогда нельзя заставить сомневаться в своей вере, и если он честен, то всегда даст соответствующее необходимое объяснение ее другим.

10. Естественный итог всего сказанного заключается в следующем: верить в божественность *Писания* или значение какого-либо стиха из него без разумных доказательств и очевидной логичности — достойное осуждения легкое верие, безрассудство, обычно основанное на невежественном и своевольном нраве, но более часто отстаиваемое из соображений выгоды. Ибо мы часто принимаем определенные учения не на основе имеющейся в них какой-либо убедительной очевидности, а потому, что они отвечают нашим целям лучше, чем истина, и потому, что с их помощью легче защищать другие противоречия, от которых мы не желаем отказаться.

Глава 2. Об авторитете откровения в том, что касается данного спора

11. Против всего того, что мы установили в этом разделе, с большим шумом будет выдвигаться *авторитет откровения*, как будто без права заглушать или уничтожать *разум* оно было бы совершенно бесполезным и неуместным. Но если в достаточной мере принять во внимание то различие, которое я установил в предыдущем разделе, § 10, то очень быстро обнаружится слабость данного возражения и этот спор дальше станет более понятным. Там я заявил, что *откровение* является не мотивом, обуславливающим согласие, а *способом получения знаний*. Нам не следует путать способ, при помощи которого мы приобретаем знания о какой-либо вещи, с причинами, на основании которых мы должны ей верить. Кто-нибудь может сообщить мне сведения о тысяче дел, о которых я раньше вообще не слышал и о которых я бы даже и не подумал, если бы мне о них не сказали; тем не менее я не верю просто ему на слово: в

самых этих вещах должна быть *очевидность*. *Основой моего убеждения* является не голый авторитет того, кто говорит, а ясное понимание мною того, о чем он рассказывает.

12. Если самый честный человек на Земле вдруг станет меня уверять, что видел палку, у которой нет двух концов, я не должен и не могу верить ему, потому что такое сообщение явно противоречит идее палки. Но если бы он сказал мне, что видел посох, который, случайно оказавшись зарытым в землю, спустя некоторое время пустил побеги и дал отростки, я легко мог бы положить на его правдивость, потому что сказанное ни в коей мере не противоречит идее посоха и не преступает границы возможного.

13. Я говорю: *возможного*; ибо даже само *всемогушество* не может сделать больше. Те, кто требует согласия с вещами противоречивыми, потому что, как они заявляют, *бог может сделать всё и утверждать противоположное — значит ограничивать его силу*, обманывают себя и других. Очень хорошо! Мы искренне верим, что бог может сделать все; но, чтобы объектом его силы явилось простое *ничто*, этого не позволит нам постичь само *всемогушество*, ему приписываемое. А то, что каждое *противоречие*, которое является синонимом *невозможности*, есть *просто ничто*, мы уже в достаточной мере доказали. Например, сказать, что *какая-то вещь протяженна и непротяженна, круглая и квадратная одновременно*, — значит *ничего* не сказать, ибо эти идеи взаимно уничтожают друг друга и не могут совместно существовать в одном и том же предмете. Но когда мы ясно воспринимаем совершенное согласие и связь между частями какого-либо положения, тогда мы делаем вывод, что оно возможно, потому что понятно. Таким образом, я понимаю, что бог может немедленно сделать твердым то, что было до того момента жидким; может заставить живые существа отдать жизнь или изменить их формы и *называть несуществующее как существующее* (Рим. 4. 17). Следовательно, когда мы говорим, что *для бога нет ничего невозможного* или что он может сделать все, мы имеем в виду все, что возможно само по себе, хотя осуществить это и не под силу простым смертным.

14. Далее, природа фактов действительности такова, что хотя можно понять, что такой-то факт вполне возможен, тем не менее с уверенностью утверждать его существование может только тот, кто сам его сотворил или благодаря какому-либо *способу получения знаний* первым получает достоверные данные о нем. Ни один *европеец* никогда не мог на разумном основании отрицать существование такого острова, как *Ямайка*³⁹; однако до открытия *Америки* ни один *англичанин* не мог положительно подтвердить, что этот остров расположен точно на такой-то широте, что его орошают такие-то реки, покрывают такие-то леса, что на нем произрастают такие-то злаки и дают такой-то урожай.

15. Так, богу угодно было открыть нам в *Писании* различные чудесные факты действительности, такие, как *сотворение мира, страшный суд* и многие другие важные истины, которые ни один человек, предоставленный самому себе, не мог бы вообще вообразить, подобно тому как ни один из моих ближних не может быть уверен в моих тайных мыслях. *Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и божьего никто не знает, кроме духа божия* (1 Кор. 2, 11). Но, подобно этому, *сокрытое принадлежит господу богу нашему, а открытое — нам и сынам нашим* (Втор. 29. 29). Однако, как мы рассуждали выше, мы принимаем эти истины не только потому, что они богооткровенны: ибо *кроме неопровержимого свидетельства откровения, вытекающего из всех требуемых обстоятельств, мы должны видеть в его предмете бесспорные черты божественной мудрости и здравого разума* — единственные знаки, которыми мы располагаем для того, чтобы отличить веления и волю бога от обманов и традиций людей.

16. *Кто бы ни раскрывал нам что-нибудь*, т. е. кто бы ни сообщал нам нечто, чего мы раньше не знали, *его слова должны быть понятны, а дело — возможно*. Это правило имеет силу независимо от того, кто сообщает, *бог или человек*. Если мы считаем дураком того, кто требует от нас соглашаться с тем, что заведомо невероятно, то как же мы осмеливаемся богохульно приписывать *самому совершенному существу* то, что признается недостатком у одного из нас? Что касается не-

понятных сообщений, то мы в одинаковой степени не верим им, даны ли они в откровении бога или человека, ибо понятные идеи явлений есть единственные объекты веры, отрицания, одобрения и любого другого действия ума. Поэтому *все явления, сообщаемые в откровении богом или человеком, должны быть в равной мере понятны и возможны*; и в этом откровения бога и человека сходны. Но они различаются в том, что, хотя сообщение человека тоже может быть названо откровением, тем не менее *он может обмануть меня в отношении истинности своего сообщения*; в то время как то, что богу угодно мне раскрыть, не только ясно и понятно моему разуму (без чего его откровение несколько не могло сделать меня мудрее), но и в равной мере *всегда истинно*. Например, человек сообщает мне, что он нашел сокровище. Это очевидно и возможно, но он легко может обмануть меня. Бог заверяет меня, что сделал человека из праха земного; это не только возможно для бога и вполне понятно для меня, но и также безусловно правильно, потому что *бог в отличие от человека не способен меня обмануть*. Следовательно, мы можем ожидать одинаковой ясности как от бога, так и от человека, хотя от первого ожидаем больше *несомненности*, чем от второго.

17 В этом убеждает разум, а Писание совершенно ясно говорит о том же. Нужно побить камнями до смерти тех *пророков* или *сновидцев*, которые захотели бы совратить людей и заставить их перейти от служения одному богу к *политеизму**, хотя бы они и подтвердили свое учение знаменами и чудесами (Втор. 13. 1, 2, 3). И *если пророк скажет именем господа, но слово то не сбудется и не исполнится*, то это верный признак того, что *не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей* (Втор. 18. 22). Пророку Иеремии, находившемуся в тюрьме, было открыто, что сын его дяди продаст ему свое поле, но *он не считал это откровение словом господним до тех пор, пока его родственник действительно не пришел к нему заключать эту сделку* (Иер. 32. 7, 8). Дева Мария, хотя и принадлежит к тому полу, который менее всего защищен от воздействия

* * *

* Поклонение многим богам.

лести и суеверия, не поверила слепо, что *родит сына, который наречется сыном Всевышнего и царству которого не будет конца* (Лук. 1. 34, 35), пока ангел не дал ей удовлетворительного ответа на самое серьезное выражение, которое можно было сделать. Она не сделала тогда же вывод (настолько она отличалась от своих нынешних почитателей), что это неизбежно должно свершиться; но, смиренно признавая возможность этого и свою собственную недостойность, спокойно желала и ожидала самого события (Лук. 1. 38).

18. Сколько раз нас призывают *беречься лжепророков* (Мат. 7. 15) и *лжеучителей, совратителей и обманщиков* (2 Тим. 3. 13; Тит. 1. 10)? Мы должны не только *пробовать или испытывать всё и хорошего держаться* (1 Фес. 5. 21), но также *испытывать и духов, от бога ли они* (1 Иоан. 4. 1). Но как мы будем испытывать? Как мы будем различать? Не так, как конь, как лошак *несмысленный* (Пс. 31. 9), а как *мудрые и рассудительные люди, взвешивая то, что сказано* (Еф. 5. 15; 1 Кор. 10. 15). Короче говоря, именно на основании ясных и весомых причин, касавшихся как самого факта, так и его существа, а не через слепое повиновение восприняли в старое время божьи люди откровения бога, и мы на тех же основаниях готовы воспринять эти откровения из их рук. Мне известно, как некоторые хвастают, что их убеждения сложились под *сильным просвещающим и животворным воздействием святого духа* и что у них нет других оснований их веры, да они их и не одобряют. Мы, однако, в соответствующем месте попытаемся разоблачить их, ибо настоящий друг людей и истины не должен высокомерно пренебрегать любым противником, каким бы нелепым или мелким он ни был. Пока довольно об *откровении*; только, объявляя его *способом получения знаний*, я следую самому апостолу Павлу, который говорил *коринфянам, что не может приносить им пользу, когда не изъяснится им откровением, или познанием, или пророчеством, или учением* (1 Кор. 14. 6).

*Глава 3. О том,
что христианство
было задумано как разумная
и понятная религия;
доказывается на основе чудес,
способа и стиля изложения
Нового завета*

19. Если должным образом взвесить всё, что мы говорили вначале о *разуме* и в предыдущей главе — об *откровении*, то вследствие сказанного все учения и заповеди Нового завета (если он действительно богоданный) должны согласовываться с *естественным разумом* и нашими собственными обычными идеями. Каждый внимательный и благожелательный человек, тщательно изучив Евангелие, обнаружит это. И тот, кто возьмется за эту задачу, признаёт, что слово божие *не недоступно для нас и не далеко, но весьма близко к нам, в устах наших и в сердце нашем* (Втор. 30. 11, 14). Оно содержит самые блестящие примеры самого точного и ясного рассуждения, какое только можно себе представить; доказать это, объяснив его *тайны*, — мой долг. И хотя очевидность учения *Христа* может быть подтверждена одобрением *язычников*, а его соответствие символам и пророчествам Ветхого завета — причем в лице Христа соединились все признаки *мессии*⁴⁰ — может по справедливости претендовать на согласие его соотечественников, тем не менее, чтобы не осталось места для сомнений, он доказывает свое предназначение и религиозные убеждения такими деяниями и чудесами, что даже самые упрямые *иудеи* не могли не признать их божественными. *Никодим* говорит ему: «*Таких чудес, какие ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним бог*» (Иоан. 3. 2). Некоторые фарисеи⁴¹ признали, что *человек грешный не может творить такие чудеса* (Иоан. 9. 16). А другие — что *дьявол бессилен их творить* (Иоан. 10. 21).

20. Сам *Иисус* обращается прямо к своим врагам, готовым побить его камнями за мнимое богохульство, говоря: «*Если я не творю дел отца моего, не верьте мне; а если творю, то, когда не верите мне, верьте делам мо-*

им, чтобы узнать и поверить, что отец во мне и я в нем» (Иоан. 10. 37, 38). То есть не будьте опрометчивы, обращаясь к вере в меня и этим свидетельствуя мои деяния, но изучайте *Писание*, которое говорит о *мессии*; посмотрите на мои деяния, таковы ли они, которые приличествуют богу и приписываются ему; если они таковы, тогда делайте вывод и верьте, что я — это он и т. д. Действительно, некоторые люди сказали: *когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько сей сотворил* (Иоан. 7. 31)? А *многие иудеи, видя чудеса, которые он творил, уверовали в него* (Иоан. 2. 23).

21. «*То как мы избежим,*— говорит апостол,— *вознерадевши о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано господом, в нас утвердилось слышавшими от него, при засвидетельствовании от бога знаменами и чудесами, и различными силами, и раздаванием духа святого по его воле* (Евр. 2. 3, 4)? Те, кто сами слышали речь *Христа*, создателя нашей религии, и видели чудеса, которые он творил, отвергнули скрытые постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова божия; а открывая истину, представляют себя совести всякого человека, т. е. обращаются к разуму всякого человека *пред богом* (2 Кор. 4. 2). Апостол *Петр* призывает христиан *быть всегда готовыми всякому, требующему у них отчета в их уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет. 3. 15). И какой же цели служили все эти чудеса, все эти обращения, если не нужно было обращать никакого внимания на разум людей? Если учения *Христа* были бы непонятными, противоречивыми? Или же мы были бы обязаны верить богооткровенной чепухе? И если эти чудеса подлинны, тогда, следовательно, *христианство* должно быть понятным; а если ложны (чего наши противники не допускают), то они не могут служить доводами против нас.

22. Но чтобы больше не распространяться относительно таких мест в *Писании*, добавлю, что все люди признают защищаемую мною истину, если прочтут священные книги с такой же беспристрастностью и вниманием, какие следует проявлять в отношении обычных трудов человека. И в толковании *Писания* нужно следовать правилам, ничем не отличающимся от тех, которых придерживаются обычно при рассмотрении всех

других книг. Любой непредубежденный человек, применивший упомянутые средства, обнаружит, что те, кто утверждает, будто *Новый завет* написан без какого-либо порядка или определенного плана, а просто так, по мере того как *апостолам* приходили в голову разные мысли, либо когда на них находили приступы вдохновения (как утверждают одни), либо, как говорят другие, из-за отсутствия здравого смысла и широкого образования, такие люди — заведомые обманщики или же сами крепко обмануты. Думаю, по справедливости могу сказать, что те, кто жалуется на эту путаницу и беспорядок, незнакомы с истинным способом изложения. Однако доказательство каждого конкретного случая не зависит от общих положений, хотя, когда доказательства представлены, я не могу обещать, что каждый найдет оправдание того *конкретного способа изложения*, следовать которому его научили или который он сам избрал. *Мое дело — не защищать какую-либо сторону, а раскрыть истину.*

23. Достоинства *Евангелия* не исчерпываются только способом изложения, ибо стиль его тоже очень легкий, очень естественный и написано оно на обычном диалекте тех, для кого оно непосредственно предназначалось. Если бы кто решился проповедовать современным *грекам* на языке *Ксенофонта*⁴² или сельским жителям *Шотландии* — на правильном *английском* языке, то им бы стоило гораздо больше времени и усилий усвоить одни слова, чем знания о предметах, которые эти слова обозначают. Как в старое, так и в наше время *иудеи* понимали *древнееврейский* язык хуже, чем языки тех мест, где они обитали. Следовательно, неясность языка не может быть использована как предлог для оправдания *гипотезы о необъяснимости* Писания, ибо предполагается, что все люди понимают повседневное употребление их родного языка, тогда как слог ученых непонятен необразованным людям. И всегда все истинные ценители считали самыми лучшими тех писателей, которые пишут, как говорят, ясно и просто, не прикрываясь напыщенной изысканностью. Благодаря явному вмешательству провидения в наших руках находятся памятники *Ветхого завета*, существование которых постоянно подразумевается в *Новом завете*, которые цитируются и упоми-

наются в нем. И это еще не все, так как *иудейская* религия и обычаи сохранились до сего дня. Если бы такое положение существовало в отношении *греков* и *римлян*, у нас были бы такие средства для правильного понимания многих неизвестных особенностей их религии, которые в *Израиле* делают нас правителями и учителями. Кроме того, у нас есть *Талмуд*⁴³ и другие труды *раввинов*, которые, будучи абсолютно бесполезными в других отношениях, проливают для нас немалый свет на древние обряды и язык. И если, несмотря ни на что, в конечном итоге мы оказываемся в затруднении относительно значения какого-либо выражения, мы должны скорее отнести такое положение за счет давности времен и отсутствия большего числа книг на том же самом языке, чем приписывать его природе самого явления или невежеству автора, которого, может быть, легко понимали его соотечественники и современники. Но на основе таких мест в Писании нельзя установить ни одной истины, нельзя опровергнуть ни одной лжи, подобно тому как никто не может определенно предугадать свою судьбу по звону колоколов церкви Боу⁴⁴.

24. Если кто-либо возразит, что в *Евангелии* очень мало или совсем нет словесных красот, что в нем нет ни особо подобранных слов, ни обдуманых выражений, то такое возражение справедливо, и сами апостолы его признают; но это же является и самым убедительным доказательством их намерения быть понятыми всеми. Апостол Павел говорит: «И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство божие не в превосходстве слова или мудрости» (1 Кор. 2. 1). «И слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2. 4), т. е. в убеждении ума и в действительности. Это он высказывается в отношении философов и ораторов тех времен, чье ораторское искусство, надо признать, было изысканным, риторика — тщательно отработанной, способной вызвать восхищение слушателей, но не удовлетворить их разум, даже заворачивая их чувства в *театре* или *храме*, но не делая их ни лучше дома, ни мудрее вне его.

25. Эти люди, так же как и многие их *современные последователи*, чрезвычайно любили свои собствен-

ные нелепые системы и даже *почитали то, что от духа божия, безумием* (1 Кор. 2. 14), потому что оно не согласовывалось с их необоснованными и чувственными понятиями, потому что каждое предложение не было окутано *тайной* и украшено фигурой речи; они не обращали внимания на то, что только ложные или незначительные дела нуждаются в помощи завлекательных разглагольствований, чтобы ставить в тупик или развлекать. Но они были врагами простоты истины, которая им была чужда. Как мы заметили, *все их старания сводились к тому, чтобы по своему желанию пощекотать чувства людей при помощи напыщенного красноречия и обезьяньей жестикуляции*. Они хвастались своим умением убеждать «за» или «против» чего угодно. И так же как лучшим оратором считался тот, кто мог самое худшее дело представить перед судьями самым справедливым, так и лучшим философом был тот, кто умел выдать самый невероятный парадокс за доказательство. Они заботились только о своей славе и выгоде, которые они иным способом и не могли бы сохранить, как только (прибегая к уловке, которая никогда не подводит и поэтому всегда применяется) *обманывая людей с помощью софистики и злоупотребления своим авторитетом и под видом просвещения ловко удерживая их в состоянии дремучего невежества*.

26. Но цель *апостолов* была совершенно иной: благочестие перед богом и спокойствие людей было их выгодой, а *Христос* и его *Евангелие* — их славой. Они пришли не для того, чтобы восхвалять или превозносить себя; не навязывать, а объяснять свое учение; они не запутывали и не вводили в заблуждение ум, но убеждали его; они занимались тем, что изгоняли невежество, искореняли суеверие, распространяли истину, исправляли нравы, *проповедовали пленным освобождение* (Лук. 4. 18), т. е. *наслаждение христианской свободой* рабам священников-левитов⁴⁵ и жрецов языческой религии, и возвещали спасение кающимся грешникам.

27. Я добавлю здесь некоторые черты закона и слова божьего, которые излагает *Давид*⁴⁶, с тем чтобы мы признавали как волю неба только то, что согласуется с ними. Он говорит: *«Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых. По-*

веления Господа праведны, веселят сердце; заповедь Господа светла, просвещает очи. Страх Господень чист, пребывает вовек. Суды Господни — истина, все праведны» (Пс. 18. 8—10). *«Я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих. Я сведу более старцев, ибо повеления Твои храню. Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей»* (Пс. 118. 99, 100, 105). В Новом завете так много подобных высказываний, и содержание его во всем настолько соответствует им, что я отсылаю читателя к особому обсуждению всего вопроса во *втором трактате*. Но сейчас я должен заметить, что, если допустить наличие в Писании каких-либо *кажущихся* или *действительных* противоречий, тогда ни один слог в этих выражениях не является правдивым. То же самое можно сказать относительно *непостижимых тайн*; но об этом мы будем вскоре говорить.

Глава 4. Ответ на возражения, основанные на порочности человеческого разума

28. Однако остается еще одно возражение, которое усиленно выдвигается некоторыми людьми, хотя оно вряд ли во многом поможет им. Допустим, говорят они, что *Евангелие* понятно, как вы утверждаете, однако *развращенный и порочный разум не может ни различать, ни воспринимать божественные истины*. Да, но это не доказывает, что божественные истины противоречат *здравому разуму*. Но они считают, что *разум человека вообще не может быть здоровым*. В силу этого я надеюсь так изложить данный вопрос, чтобы у здравомыслящих и миролюбивых людей не было ни малейшего основания для сомнений. *Разум* считается у нас основанием логического рассуждения или, если быть более точным, *имеющейся у каждого человека способности судить о своих идеях в зависимости от их согласия или несогласия и тем самым любить то, что кажется ему добрым, и ненавидеть то, что он считает злом*. Я утверждаю, что в этом смысле *разумом* целиком и полностью обладает каждый, чьи органы не были случайно повреждены. Именно на основании этого мы считаемся людьми, и без этого мы,

подобно животным, не могли бы ни общаться с другими, ни сами воспринимать усовершенствования.

29. Но если под *разумом* понимать постоянное правильное применение этих способностей, т. е. *если человек выносит суждение только на основании четких восприятий, желает только того, что действительно хорошо для него, избегает только того, что безусловно наносит ему вред*, тогда, признаю, наш разум до крайности испорчен. Мы слишком склонны к неправильному пониманию вещей и к столь же ошибочному суждению о них. Обычно мы помогаем себе того, что льстит нашим чувствам, не отличая пагубных наслаждений от невинных; и наша ненависть в равной мере пристрастна. Мы настолько услаждаем свое тело, что мало размышляем, и очень тупы в отношении духовных, или отвлеченных, вещей. Мы расположены потакать своим наклонностям, называя это *следовать природе* (1 Кор. 11. 14); так что *естественный* * человек, т. е. тот, кто дает волю своим желаниям, считает божественное просто безумием, называет *религию* бредовым сновидением суеверных умов или политической уловкой, придуманной государственными деятелями, чтобы внушать благоговейный страх доверчивому простонародью. Ибо *живущие по плоти о плотском помышляют*, так что их *плотские помышления суть вражда против бога* (Рим. 8. 5, 7). *Грех запинаят нас* (Евр. 12. 1). *В членах наших, или теле, есть закон, противоборствующий закону ума нашего*, т. е. разума (Рим. 7. 23). *А когда мы хотим делать доброе, прилежит нам злое* (Рим. 7. 21). Если мы от этого глупеем и не способны думать о земном, *как поверим, если будут говорить нам о небесном* (Иоан. 3. 12)?

30. Но эти расстройства ума никак не могут быть названы *разумом*, они настолько далеки от него, что прямо противоположны ему, и вряд ли есть что-либо иное, так резко от него отличающееся. Над нами не довлеет никакой рок, который по необходимости вынуждал

* * *

* Слово *Ψυχικός* постоянно означает «животное» и никогда — «естественное» состояние человека. В этом месте оно должно быть переведено как «чувственный», что действительно очень правильно: см. Иак. 3.15 и Иуд. 1.19 (В русском тексте Нового завета это слово переведено как «душевный». — *Прим. пер.*).

бы нас грешить. В наших умах нет изъянов, за исключением таких, которые мы сами создали, т. е. *порочных привычек, легко приобретаемых, но трудно изживаемых*. С нами обстоит дело так же, как с пьяницей, чье заявление «я не могу бросить пить» на самом деле означает намеренное «я не хочу». Ибо если он побьется об заклад или рассчитывает получить вознаграждение, то может воздерживаться от своей чарки день, месяц, год в зависимости от того, как влияют на него соображения ценности или определенности получения ожидаемой выгоды. *В искушении никто не говорит: «Бог меня искушает»; потому что бог не искушается злом и сам не искушает никого. Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак. 1. 13, 14).

31. Если, предположим, человек от природы не способен правильно рассуждать, тогда мы не можем быть прокляты за то, что не соблюдаем заповеди господа, так же как и те, кому вообще не было открыто *Евангелие*, так как они не верили в Христа. Ибо как призывать того, в кого не уверовали? Как веровать в того, о ком не слышали (Рим. 10. 14)? Если бы наши мыслительные способности были несовершенны или же мы были бы не в состоянии правильно их применять, нам не было бы никакой возможности понимать друг друга в миллионах случаев, когда запас наших идей неизбежно оказался бы неодинаковым, а наши способности отличными друг от друга. Но именно благодаря совершенству нашего *разума* и полноте *свободы* мы и заслуживаем либо вознаграждений, либо наказаний. Мы убеждены, что *все наши мысли совершенно свободны, мы можем использовать силу слов, сравнивать идеи, отличать ясные понятия от неясных, воздерживаться от высказывания своих суждений в отношении вещей неопределенных и соглашаться только с очевидностью*. Короче говоря, рассуждения, которые мы применяем при определении своих замыслов, и выбор, на который в конечном итоге мы сами решаемся, действительно доказывают, что мы сами свободно распоряжаемся всеми нашими поступками. Ну а что такое *здравый разум*, как не это? И тому, кто применяет его подобным образом, никакая *свангелическая* или другая познаваемая истина не может показаться непреодолимой. Но когда мы не-

правильно используем его против него самого и подчиняем его своему развращенному воображению, он отвращается от всего доброго. Я признаюсь, мы настолько приучены к необоснованным и поспешным заключениям, что без огромной настойчивости и постоянного упражнения не можем вернуть нашу внутреннюю свободу, *не можем и делать добро, настолько привыкли делать злое* (Иер. 13. 23). Но хотя в *Писании* сказано, что *мы не будем ни знать, ни понимать*, там говорится также, что мы можем *исправиться, отвернуться от нашей порочности и избрать жизнь*. Тем, кто так поступает, обещано вознаграждение. По зрелом размышлении мы можем увидеть свои недостатки; тогда обнаружится: то, что мы считали самым неразумным, только казалось таковым из-за *поверхностных изысканий или отсутствия необходимой помощи; из-за уважения к авторитету и принципов, принятых на веру; из-за порочных наклонностей и корысти* или же из-за *ненависти к другой партии*.

32. Но, несмотря на все это, некоторые прилагают отчаянные усилия, чтобы лишить себя (если можно) *свободы или свободной воли* — самой благородной и самой полезной из всех наших способностей, единственного, что мы можем назвать подлинно своим, единственного, чего ни сила, ни судьба не могут у нас отнять. Чем бы ни пытались эти люди прикрыть безрассудство, они предаются ему из-за чрезмерной *гордости и себялюбия*. Ибо, *не желая признавать свое невежество и неудачи (которые являются результатом страстей, лени и опрометчивости)*, они снимают всякую вину со своей воли и переносят ее на природную слабость, устранить которую не в их власти. Тем самым они искусно обманывают самих себя и предпочитают скорее, чтобы их считали в одном ряду с животными или машинами, чем против своей воли признаться в своих человеческих слабостях и исправиться.

33. Следовательно, поскольку совершенство и здравость нашего разума столь очевидны для нас самих и об этом столь же ясно говорится в *Писании*, как бы ни искажали его отдельные невежественные люди, мы должны трудиться, чтобы приобрести знания, с большей уверенностью надеясь на успех. Почему мы должны питать такие недостойные и неподобающие мысли, как

будто истина, подобно всемогущему, обитает в недоступном свете и сыны человеческие не могут ее обнаружить? Вещи всегда остаются теми же самыми, как бы ни были различны понятия о них у людей, и то, чего другой не мог, я могу легко обнаружить. Что от глаз людей старого времени ничто не укрылось — сказка, которую можно рассказывать только тогда, когда говорит лишь один человек, и никто из присутствующих не должен ему противоречить. Ошибки и промахи, ежедневно отмечаемые в этом мире, служат только тому, чтобы навести нас на мысль о том, что многие способные люди не изучали истину с той последовательностью и прилежанием, с какими должны бы или могли бы. В нашей власти узнать тысячи вещей, в отношении которых из-за предрассудков или пренебрежения мы можем быть и часто остаемся невежественными всю свою жизнь; и можно создать бесчисленные трудности, воображая *непостижимые тайны* там, где их вообще нет, или же возымев слишком обескураживающее и несправедливое мнение о своих собственных способностях, в то время как благодаря равноценности разума мы можем надеяться превзойти всех, кто превзошел других раньше нас, так же как потомки могут превзойти всех нас. Поэтому *с нашей стороны не будет самонадеянностью стремиться пролить больше света на вещи*; так же как *гордость* есть не знание того, что мы в состоянии совершить, а глупое предположение, что с нами никто другой не может сравниться, тогда как все мы находимся на одном уровне. *Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил* (1 Кор. 4. 7)? Разве не все мы получили те же самые твердые и определенные обещания света и помощи свыше, а также общее для всех преимущество — разум? *Если у кого из вас недостает мудрости, да просит у бога, дающего всем просто и без упреков,— и дастся ему* (Иак. 1. 5).

34. В заключение скажу: пусть никто не думает, что будет прощен из-за этой воображаемой испорченности, но пусть узнает из *Писания*, нашего непогрешимого оракула, что *Евангелие*, если оно действительно слово божье, противоречит только мнениям и желаниям порочных людей, *поступающих по собственным своим по-*

хотя (2 Пет. 3. 3); *тех, которые злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя* (Иуд. 1. 10). Оно закрыто для *тех, у которых бог века сего ослепил умы* (2 Кор. 4. 3, 4), и от тех, кто живет невежеством и простодушной доверчивостью своих братьев. Короче говоря, оно противоречит ложному мышлению всех тех, кто не знает, что такое размышление или обдумывание; но оно не превысит возможности их *разума*, когда они значительно улучшат свои способности. Сотворение мира противоречило системе *Аристотеля*⁴⁷, бессмертие души — гипотезе *Эпикура*⁴⁸, а свободу воли* оспаривали многие древние философы⁴⁹. Но разве это *противоречит разуму*? Разве эти люди не были совершенно сбиты с толку, так же как и сами язычники? И разве другие их ошибки не были с того времени обнаружены и разоблачены учеными? Кроме того, они не знали главного *способа получения знаний, т. е. откровения*.

Раздел III

О том,
что в Евангелии нет
ничего непостижимого
или недоступного
разуму

1. Наконец мы пришли к рассмотрению того, *является ли какое-нибудь евангельское учение недоступным разуму, хотя и не противоречащим ему*. Это выра-

* * *

* Каким образом абсолютная свобода, которой мы пользуемся в отношении самих себя, совмещается со всемогуществом бога и нашей зависимостью от него, будет рассмотрено в соответствующем месте.

жение берется в двояком значении. Во-первых, оно означает вещь, понятную саму по себе, но настолько скрытую словами, употребленными в переносном смысле, символами и церемониями, что *разум* не в состоянии проникнуть за эту завесу и понять, что за ней скрывается, пока она не снята. Во-вторых, оно означает вещь, по самой своей природе непонятную, о которой нельзя судить с помощью наших обычных способностей и идей, хотя сама она воспринимается очень четко. В обоих этих смыслах *быть недоступным разуму* — значит то же, что *быть тайной*, и фактически они употребляются как взаимозаменяемые выражения в *богословии*.

Глава 1. История и значение слова *тайна* в писаниях язычников

2. Мы уже подробно разобрали, что означает слово *разум*; но, чтобы правильно понять, что означает слово *тайна* (*mystery*), мы должны проследить его происхождение еще со времен теологии древних язычников, важной частью которой оно было. *Те народы, которые* (как изящно характеризует их апостол Павел), *называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари так же, как творцу, а иногда даже больше* (Рим. 1. 22, 23, 25); эти народы, повторяю, устыдившись или боясь выставить свою религию в обнаженном виде на всеобщее, без различия, обозрение, прикрыли ее разными церемониями, жертвами, играми и т. п., заставляя суеверных людей верить, что за этой внешностью скрываются чудесные вещи. *Жрецы* проповедовали на людях лишь очень редко, да и то туманно, притворяясь, что веления их *богов* не разрешают им поступать по-другому, несомненно, чтобы их секреты, будучи раскрыты, не подверглись богохульству со стороны невежд или осквернению со стороны нечестивых. Они совершали самые важные акты своего богослужения, состоявшего из нелепых, непристойных или бесчеловечных обрядов, в самых потаенных

уголках *храмов* или *рощ*, освященных для этой цели. И считалось неискупимым святотатством * входить туда кому бы то ни было, кроме тех, кто имел особое отличие или привилегию, и даже задавать вопросы относительно того, что там происходит. На этом основании все, кто не имел туда доступа, были названы *непосвященными*, подобно тому как у нас тех, кто не состоит в белом или черном орденах духовенства, называют *мирянами*.

3. Но хитрые *жрецы*, знавшие, как обратить все себе на пользу, сочли нужным *посвятить* или наставить определенных лиц в отношении значения их обрядов. Они объявили, что те, кто умирают *непосвященными* **, грязнут в пучине ада, тогда как очистившиеся и *посвященные* обитают вместе с богами. Это усилило как благоговение людей перед таким огромным счастьем, так и жажду наслаждаться им. После нескольких лет подготовки, дабы они ценили то, что стоило им столько времени и терпения, *посвященные* благоговейно давали клятву *** никогда под страхом смерти **** не открывать того, что видели и слышали, хотя им разрешалось говорить об этом между собой, чтобы слишком большое напряжение не ввело их в искушение выболтать секрет. И так строго они соблюдали свою клятву, что некоторых из них даже после обращения в *христианство* вряд ли можно было принудить рассказать об обряде *посвящения* их в *язычество*. *Афиняне* считали, что самых изощренных пыток было мало для наказания философа *Диалого*, разгласившего их *тайны* *****; и, не довольствуясь тем, что его заклеили как *атеиста* за то, что он сме-

* * *

* Procul, o procul este Profanil Conclamant vates, totoq; absistite luco. *Virg.*, 1. 6, *Aeneid*, v. 259⁶⁰. *Callimach.* Hymn. in Apol., v. 2. Греческий текст⁵¹.

** Греческий текст *. Plat. in Phaedon., pag. 69. Edit Paris. 1578⁵². Греческий текст. Isocrat in Panegyri. Initiaq⁵³; ut appellantur, ita re vera principia vitae cognovimus: neq; solum cum laetitia vivendi rationem accepimus, sed etiam cum spe meliore moriendi. *Cic.*, 1. 2, de Leg., s. 14⁵⁴.

*** Quis Cereris ritus audet vulgare Profanis? Magnaque Threicio sacra reperta Samo? *Ovid.*, 1, 2, de Arte Amand., v. 601⁵⁵. Греческий текст. Aristid⁵⁶.

**** Греческий текст. Sopater in Divis. Quaest⁵⁷.

***** Греческий текст. Aristophanes in Avibus; etiam Suidas in voce⁵⁸.

ялся над их слабостью, они обещали один талант в качестве вознаграждения за его убийство. Сказать, что *Адонис*⁵⁹ — человек, означало смерть; некоторые пострадали за это. А многие были разорваны на куски за свое непрошеное любопытство во время *тайных обрядов*, посвященных *Церере**, и *вакханалий***.

4. По сообщению достойных доверия писателей, жрецы признавались *посвященным*, что эти мистические представления сначала были установлены в память определенных знаменательных событий или в честь великих людей, которым за их добродетели и полезные изобретения мир должен был выразить свою признательность. Но как бы то ни было, слово *Mysteri* в их системах означало *посвящать*; *Μυησις* — *посвящение*; *Μυστήρ* — название, данное впоследствии *жрецам*, обозначало лицо, которое *подлежало посвящению*, после чего его называли *Ερπρ****; а слово *Μυστήριον* (мистерия, тайна) означало *культ, в который его посвятили*. Поскольку существовало несколько степеней****; то были и *мистерии* разного рода. Самыми известными были *самофракийские, элевсинские* (Eleusinian), *египетские*, а также *вакхические*, обычно известные под названием *оргии******, хотя иногда это слово употребляется для обозначения любой из упомянутых раньше *мистерий*.

5. Из того, что было сказано, ясно, что в те времена под *мистерией*, т. е. *тайной, понимали вещь, саму по себе понятную, но настолько скрытую другими людьми, что ее нельзя было познать без особого откровения*. Мне можно не добавлять, что все *греческие и римские* авторы постоянно употребляют это слово как весьма обычное выражение для обозначения чего-либо священ-

* * *

* Acarnanes duo Juvenes per Initiorum dies non Initiati Templum Cereris, imprudentes Religionis, cum caetera turba ingressi sunt. Facile eos Sermo prodidit, absurdè quaedam percunctantes: Deductiq; ad Antistites Templi, quum palam esset per errorem ingressos, tanquam ob infandum scelus interfecti sunt. *Livius*, lib. 31 cap. 14⁶⁰.

** См. историю Пентея (Pentheus), подкасающую Еврипиду сюжет трагедии⁶¹.

*** Scholiast. in Aristophanis Ranas⁶².

**** Греческий текст. Schol. in Plut. Aristophan⁶³.

***** Pars obscura cavis celebrabant Orgia cistis, Orgia quae frustra cupiunt audire Profani. *Cat. Epigram.* 64, v. 260⁶⁴.

ного или мирского, которое намеренно держится в секрете или случайно, само по себе неясно. И таково его принятое значение до сих пор: ибо, когда мы не можем ясно рассмотреть какое-либо дело, мы говорим, что для нас оно — *тайна* и что неясное или ставящее в тупик рассуждение весьма *таинственно*. *Тайны* государства, наук, профессий — все относятся к тому же самому ряду понятий.

6. Однако многие, не отрицая того, что столь очевидно, и тем не менее будучи в силу невежества или пристрастия сильно расположенными сохранить то, что вначале было введено из-за хитрости или суеверия их праотцев, по-прежнему считают, что некоторые *христианские догматы* все же являются *непостижимыми* во втором смысле слова, т. е. *непознаваемыми сами по себе, как бы ясно они ни были изложены*. Они полагают, что длинное наставление убедит любого в том, что выступать против этих тайн — безумие, и действительно, по обычаю, это дело считается опасным. Но отбросим в сторону столь низкие соображения; если я смогу доказать, что в Новом завете слово «тайна» (*mystery*) всегда употребляется только в первом значении, или в том, какое использовали *язычники*, а именно для обозначения *вещей, по своей природе совершенно понятных, но настолько скрытых образными выражениями или обрядами, что разум не мог их постичь без особого откровения*, и что эта завеса фактически снята, — тогда совершенно очевидно последует, что догматы, данные таким образом в откровении, не могут ныне называться *непостижимыми тайнами* в прямом смысле слова.

7. Я надеюсь осуществить свое намерение в следующей главе, к полному удовлетворению всех искренних христиан, более заботящихся об истине, чем о старых или приносящих выгоду взглядах. Однако прежде всего я должен устранить со своего пути определенные *весьма распространенные придирки*, с помощью которых не только неопытные новички, слепо повинующиеся постановлениям церкви, поднимают по всякому поводу большой шум, хотя *они не способны ни о чем говорить по существу, если их столкнуть с протоптанной дорожки*, но даже их почтенные наставники иногда не гнушаются вести эту мелочную игру, которая, как они знают,

скорее забавляет их собственных предубежденных сторонников, чем поучает каких-либо противников. Как жаль, что в таком их поведении проявляется больше хитрости и ловкости, чем добросовестного, хотя и невежественного, рвения!

Глава 2. Ничто не следует
называть
непостижимой тайной
и только потому,
что мы не имеем
достаточно полного
представления обо всех его
свойствах и вообще никакого
представления о его *сущности*

8. Я буду обсуждать этот вопрос со всей ясностью, на которую только способен. И прежде всего я утверждаю, что *ни одно явление не может быть названо непостижимой тайной только потому, что у нас нет достаточно полного представления о нем или четкого восприятия всех его свойств сразу; ибо тогда всё было бы непостижимой тайной.* Познания смертных существ развиваются постепенно, по мере того как разуму представляются новые предметы. Когда Адаму было двадцать лет, он не знал того, что узнал, когда ему стало сто лет; и в отношении Иисуса Христа сказано совершенно определенно, что он *преуспевал в премудрости и в возрасте* (Лук. 2. 52). Говорят, что мы знаем тысячу разных вещей, и в этом мы можем не сомневаться; тем не менее мы никогда полностью не понимаем того, что же к ним относится. Я очень хорошо понимаю, что такое этот стол, на котором я сейчас пишу; я представляю себе, что его можно разделить на части, число которых не угадает никакое воображение; но разве я скажу, что он *недоступен моему разуму*, потому что я не могу считать эти части или четко воспринять их количество и форму? Я убежден в том, что *растения* обладают правильным строением, имеют множество сосудов, многие из которых *равнозначны или аналогичны сосудам жи-*

вотных, при их помощи они получают соки из земли и перерабатывают, превращая некоторые из них в свою собственную ткань и очищаясь от ненужных частей. Но у меня нет ясного понимания того, как осуществляются все эти действия, хотя я очень хорошо знаю, что означает слово *дерево*.

9. Причина этого заключается в *мудром установлении бога, определившего, что, ничего не зная о телах, кроме их свойств, мы должны понимать только те из них, которые полезны и необходимы для нас, но не больше*; а это всё, в чем мы нуждаемся в нашем данном состоянии. Так, глаза даны нам не для того, чтобы мы видели все качества, и, может быть, не для того, чтобы видеть всё таким, какое оно есть, а в той мере, в какой оно имеет какое-либо отношение к нам. Что слишком малó и, следовательно, ускользает от нашего зрения, не может принести нам ни вреда, ни пользы; и мы тем лучше видим тела, чем ближе мы к ним подходим, потому что тогда они становятся более удобными или неудобными; но, когда мы отходим дальше от них, мы теряем их из виду одновременно с уменьшением их влияния на нас. Я убежден, что нет такого движения, которое не возбудило бы какой-либо звук в ушах, устроенных таким образом, что на них оказывает влияние движение воздуха, пропорциональное силе движения тела; и, может быть, мелкие животные, которых это касается, могут слышать шаги *паука* так же, как мы слышим шаги людей или скота. Из этих и миллионов других примеров очевидно, что мы более или менее уверенно знаем лишь о том, что вредно или полезно для нас.

10. Тогда, если быть точным, считается, что мы *понимаем* какую-либо вещь, когда нам известны ее главные свойства и различные способы их использования: ибо у всех признанных авторов *понимать* * означает не что иное, как *знать*; и так как у нас не может быть никакой идеи того, что не поддается познанию, оно для нас есть ничто. Поэтому, если о каком-либо явлении мы знаем лишь то, что нас касается, неправильно утверждать, что оно выше нашего понимания, и нелепо

* * *

* Греческий текст ⁶⁵.

на этом основании отказываться его изучать. Что бы мы подумали о человеке, который бы упрямо утверждал, будто *вода* недоступна его разуму и что он вообще не будет ни исследовать ее природу, ни использовать ее в своем доме или поместье, потому что не знает, сколько частиц составляет одну ее каплю, проходит ли воздух сквозь нее, соединяется ли с ней, или ни то, ни другое не происходит? В глазах всех остальных людей это равносильно тому, что я не хочу ходить, так как не умею летать. Теперь, понимая, что *названия вещей заимствуются из их известных свойств* и что *познаются только те свойства, которые нас касаются или служат открытию этих последних*, мы не можем отвечать за то, что не понимаем никаких других свойств, и ни разумные люди, ни еще менее того всезнающее божество по справедливости не могут требовать от нас большего.

11. Следовательно, наиболее короткий путь приобретения твердых и полезных знаний заключается в том, чтобы *не затруднять ни себя, ни других тем, что бесполезно, даже если его можно познать, или тем, что вообще познать невозможно*. Поскольку я легко воспринимаю и хорошие и плохие последствия выпадения дождя на землю, что бы я приобрел, если бы понял, как он зарождается в тучах? Ибо в конце концов я по своему усмотрению не могу ни вызвать дождь, ни предотвратить его выпадение в любой момент. В таких случаях не принесет удовлетворения и правдоподобная гипотеза. Например, стрелки двух циферблатов могут внешне двигаться совершенно одинаково, хотя расположение скрытых пружин, вызывающих их движение, может быть совершенно различным. А просто утверждать, что они расположены так-то или так-то, недостаточно, если нельзя доказать, что другого возможного способа расположения быть не может. Более того, даже если случайно наткнуться на правильный ответ, и тогда вообще нельзя быть в нем уверенным, потому что очевидность фактов действительности зависит только от доказательств. А из того, что *такая-то вещь возможна*, вовсе не следует, что *она действительно есть*.

12. Применение данного рассуждения к моему предмету не представляет ни малейшей трудности, и состоит оно в следующем: во-первых, *ни один догмат*

христианства (так же как и ни одно обыкновенное явление природы) не может быть назван тайной только потому, что у нас нет достаточно полного представления о том, что к нему относится. Во-вторых, поскольку то, что открыто нам в религии при помощи откровения, является весьма полезным и необходимым, оно должно и может быть так же легко понято, как и наши знания о дереве или камне, воздухе, воде и тому подобном; должно и можно также легко обнаружить, что оно согласуется с нашими обычными понятиями. И в-третьих, когда мы объясняем такие догматы так же привычно, как и известные нам данные о явлениях природы (а я утверждаю, что мы можем это делать), тогда о нас можно сказать, что мы понимаем как одно, так и другое.

13. Тогда те, кто защищает свои *непостижимые тайны* с помощью этой жалкой уловки, перенося выводы, сделанные из того, что неизвестно, на то, что известно, или настаивая на том, что у нас нет достаточно полного представления о них, занимаются совершеннейшими пустяками и обнаруживают полное отсутствие более веских аргументов, если только они не согласятся, подобно некоторым, называть глубокой, *непостижимой тайной* каждую былинку травы, все, что сидит или стоит, и рыбу, и мясо. А если из упрямства или какой-либо иной, более вредной склонности они по-прежнему будут дурачиться и называть эти вещи *непостижимыми тайнами*, я готов допустить столько *тайн* в религии, сколько им заблагорассудится, если они разрешат мне сделать мои *тайны* настолько же понятными для других, насколько их *тайны* понятны мне.

14. Но чтобы закончить обсуждение данного вопроса, в заключение я заявляю, что ни сам бог, ни какие-либо его атрибуты не являются для нас *непостижимыми тайнами* из-за того, что у нас нет достаточно полного представления о них; и это справедливо даже в отношении *вечности*. *Непостижимые умы* разоблачают себя больше всего именно тогда, когда особо рассуждают о *вечности*. Тогда они считают, что находятся в своей неприступной крепости и ведут себя до удивления нагло по отношению к тем тупым созданиям, которые не в состоянии найти вещь там, где ее нет. Ибо если можно было бы предписать *вечности* какие-либо грани-

цы (например, начало или конец), тогда она немедленно перестала бы быть тем, чем она должна быть, и вы получаете только конечную или скорее *отрицательную идею*, что составляет природу всякого ограничения. Нельзя также сказать, что в силу изложенного *вечность* в этом отношении *недоступна разуму* или что невозможность исчерпать идею ее является нашим недостатком; ибо какое более высокое совершенство можно приписать *разуму*, если не способность точно познавать природу вещей? А разве все его ошибки не заключаются в приписывании какой-либо вещи тех свойств, которых у нее нет, или в лишении ее тех, которые она содержит в себе? Следовательно, *из-за того, что вечность нельзя себе представить*, она отнюдь не в большей мере недоступна разуму, чем круг, *который представить себе можно*; ибо в обоих случаях *разум* играет свою роль в соответствии с разной природой объектов, из которых один по существу является умозрительным, а другой нет.

15. Теперь представляется, что воображаемая *непостижимость вечности* заключается не в отсутствии необходимого понятия о ней, а это все, что мы принимаем во внимание относительно нее в данный момент. Я не теряю надежды очень легко разрешить те трудности, которые выдвигаются из-за ее непрерывного течения, например такие, что *смена поколений делает ее внешне конечной* или что, *если бы она была мгновенной, все вещи должны существовать вместе*; я надеюсь также показать, что в *бесконечности* (которая неотделима от *вечности* или скорее представляет собою то же самое явление, только рассматриваемое по-иному) столь же мало *непостижимого*, как и в примере: *два прибавить три будет пять*. Но это, естественно, относится к моему *второму трактату*, где я даю конкретное толкование догматам *христианства* в соответствии с общими принципами, устанавливаемыми мною здесь.

16. Поскольку мы не знаем всех свойств вещей, мы вообще не в состоянии постичь *сущность* (essence) ни одной субстанции в мире. Чтобы избежать неопределенности, я, следуя одному превосходному современному философу, отличаю *номинальную сущность* вещи от *реальной*⁶⁶. *Номинальная сущность — это совокупность*

тех свойств или внешних форм и состояний (Modes), которые мы главным образом наблюдаем в каком-либо явлении и которым даем одно общее обозначение или название. Так, номинальная сущность солнца заключается в том, что это яркое, горячее, круглое тело, находящееся на определенном расстоянии от нас и совершающее постоянное регулярное движение. У всякого, кто слышит слово *солнце*, возникает именно такое представление о нем. Он может постичь еще какие-нибудь другие его свойства или не знать всех упомянутых мною, но все равно именно совокупность внешних форм и состояний или свойств и составляет его представление о предмете. Так, *номинальная сущность меда* заключается в его цвете, вкусе и других известных признаках.

17. Но *реальной сущностью вещи является то истинное ее устройство, которое составляет основу или опору всех ее свойств, из которой они естественно вытекают или же следствием которой они являются.* Далее, хотя мы убеждены, что внешние формы и состояния явлений должны иметь такое основание (subject), в котором они существуют (ибо они самостоятельно существовать не могут), тем не менее нам абсолютно неизвестно, что оно из себя представляет. Мы совершенно отчетливо воспринимаем упомянутые свойства солнца и те свойства растений, плодов, металлов и т. п., благодаря которым они становятся нам известны; но у нас нет абсолютно никакого понятия о различных основаниях этих свойств, хотя мы одновременно совершенно уверены в том, что какая-то подобная вещь необходимо должна существовать. Следовательно, замеченные качества вещей — это все, что мы понимаем из их названий, и по этой причине они и называются *номинальной сущностью*.

18. Отсюда теперь со всей очевидностью следует: *ни одну вещь нельзя назвать тайной на том только основании, что мы не осведомлены относительно ее реальной сущности, поскольку последняя в одной вещи не более познаваема, чем в другой, и никогда не воспринимается ни в наших представлениях о вещах, ни в названиях, которые мы им даем, и не включается в них.* Я бы не высказывался столь определенно и долго по этому вопросу, если бы не столь часто повторяемая софистика не-

которых людей, заслуживающих похвалы скорее как великие *читатели*, чем великие *мыслители*. Когда они заставляют других глотать самые явные нелепости и противоречия или наполнять религией слова, которые ничего не означают или означают то, чего они не в состоянии объяснить, тогда они мудро говорят этим другим людям, что они не осведомлены о многих вещах, особенно о *сущности* своих собственных душ, и в силу этого не всегда должны отрицать то, чего не могут постичь. Но это еще не все; ибо когда они хотят выдать тех, кто утверждает, что только *понятные и возможные вещи составляют основание веры*, за нелепых или наглых притворщиков, они (вместо того чтобы опровергнуть своих противников) усердно представляют их как осмеливающихся определять *сущность* бога с помощью сущности сотворенных духов. А после того как они достаточно отяготили их вину самонадеянностью, ими самими придуманной, они заключают, что если нельзя объяснить строение мельчайшего камешка, то тогда люди должны не настаивать на столь уже строгом определении догматов веры, а иногда удовлетворяться тем, чтобы подчинять свой разум наставникам и установлениям церкви.

19. Кто не заметит слабости и неосновательности этого рассуждения? Мы, безусловно, знаем о *душе* столько же, сколько обо всем остальном, если не больше. Мы образуем самые ясные понятия о мышлении, познании, воображении, хотении, надежде, любви и тому подобных действиях ума. Но нам не известно *основание*, в котором существуют эти действия. Нам не известно также и то *основание*, от которого зависят округлость, мягкость, цвет и вкус винограда. Нет ничего более очевидного, чем внешние формы и состояния или свойства *тела*, такие, как протяженность, плотность, делимость, гладкость, шероховатость, мягкость, твердость и т. д. Но мы знаем так же мало о внутреннем устройстве, являющемся опорой всех этих чувственных качеств, как и о том, в котором помещаются действия *души*. И как замечает тот великий человек, о котором я только что упоминал, *мы можем в такой же мере отрицать существование тела на том основании, что у нас нет представления о его реальной сущности, в какой ставить под сомнение существование души по той же самой причи-*

не⁶⁷. Тогда идея *души* так же ясна и отчетлива, как идея *тела*, а если было бы какое-либо различие (которого на самом деле нет), тогда у *души* должно было бы быть преимущество, потому что ее свойства более непосредственно известны нам и, кроме того, являются тем светом, при помощи которого мы открываем все явления.

20. Что касается *бога*, мы ничто не понимаем лучше его атрибутов. Правда, мы не знаем природу того вечного *основания*, или *сущности*, в котором сосуществуют бесконечная доброта, любовь, знание, сила и мудрость; но мы не лучше знакомы и с *реальной сущностью* любого из его творений. Подобно тому как под идеей и названием *бога* мы понимаем его известные атрибуты и свойства, мы понимаем атрибуты и свойства всех других вещей под их идеями и названиями; и мы понимаем первые так же ясно, как и вторые. В начале этой главы я заметил, что мы ничего не знаем о вещах, за исключением таких их свойств, которые *нужны* и *полезны*. Мы можем то же самое сказать в отношении *бога*, ибо каждое проявление нашей набожности направляется почтительным отношением к определенным его атрибутам, при этом мы даже не думаем о его *сущности*. Наша любовь к нему питается его добротой, а наша благодарность — его милостью; наше повиновение определяется его справедливостью, а наши надежды подтверждаются его мудростью и силой.

21. Теперь, по моему мнению, можно на законном основании сделать вывод, что ни одно явление не является *тайной* потому только, что мы не знаем его *сущности*, поскольку оказывается, что она непознаваема сама по себе и мы вообще о ней не думаем. Так что в этом отношении даже у *божественного творца* не может быть больше оснований считаться *непостижимым*, чем у самого презренного из его творений. Я не очень обеспокоен и тем, что эти *сущности* не поддаются моему познанию, ибо я тверд в своем мнении: *мы в состоянии сами открыть то, что бесконечная доброта не соблаговолила сообщить нам, либо нам вообще не нужно это понимать*. Надеюсь, теперь совершенно очевидно, что *непостижимые тайны в религии* всего лишь неправильно выведены из мнимых *непостижимых тайн природы* и что те, кто

пытается обосновать первые при помощи последних, либо имеют злое намерение обмануть других, либо сами никогда должным образом не рассматривали этого вопроса.

Глава 3. Значение слова *тайна* в Новом завете и писаниях самых первых христиан

22. Разделавшись таким образом с этими *недостаточно полными представлениями* и с так называемыми *реальными сущностями*, мы переходим теперь к основному пункту, от которого главным образом и зависит все решение спора. Ибо вопрос состоит в том: *есть ли в христианстве непостижимые тайны или нет*; и, естественно, решить его следует на основании *Нового завета*, в котором первоначально содержалась *христианская вера*. Я всем сердцем желаю изложить свои доводы по обсуждаемому вопросу; я обращаюсь за решением его к этому высокому суду — Новому завету. Ибо если бы я без малейших колебаний не предпочел истину, познанную мною из этих священных скрижалей, всем другим соображениям, я бы никогда не утверждал, что *в христианстве нет тайн*. Если это заблуждение, то меня в него ввергло *Священное писание*, и я скорее предпочту, чтобы меня сочли еретиком, но чтобы Писание было на моей стороне, тому, чтобы меня вместе со всем миром принимали за ортодокса, но Писание было бы против меня.

23. Изучая *Писание*, я обнаруживаю, что некоторые догматы Евангелия называются *тайнами* в более общем или же в более частном смысле слова. В более общем смысле они так называются тогда, когда касаются всех людей: ибо они представляют собою определенные факты реальной действительности, известные только богу и содержащиеся в его установлениях, или же такие события, которые были затеряны и совершенно забыты в мире, так что никто, будь он самым мудрым и ученым, не мог их раскрыть, ибо *божьего никто не знает, кроме духа божия* (1 Кор. 2. 11), подобно тому как никто не может узнать тайных мыслей человека

до тех пор, пока он сам их не выскажет вслух. Тогда такие откровения бога в *Новом завете* названы *тайнами* не из-за какой-либо их непознаваемости и неясности в наше время, но для обозначения того, чем они были до *откровения*, ибо так называется наша цель, которую мы давно уже достигли.

24. Если кто-либо поставит это под сомнение, пусть послушает, что говорит в Евангелии апостол *Павел* в отношении себя и своих братьев: *«Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал»* и т. д. (1 Кор. 2. 7, 8). И чтобы показать, что эта божественная мудрость была *тайной* из-за отсутствия сведений, ее раскрывающих, он тут же добавляет: *«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его»*. А нам бог открыл это *духом своим* (1 Кор. 2. 9, 10). Самые проникательные философы не смогли предсказать пришествие *Христа*, открыть *воскрешение* плоти или какой-либо другой факт, сообщаемый в Евангелии. А если иногда и случалось, что они говорили нечто похожее на истину, то в лучшем случае это была всего лишь догадка, и они никогда не могли быть уверены в своем мнении. Можно получить огромное удовольствие, представив себе, какие усилия часто прилагали любознательные язычники, пытаясь отыскать причину того, что ни в малейшей мере не зависело от каких-либо принципов их философии, а было историческим фактом, который мог сообщить только бог или те люди, которые хранили о нем достоверные воспоминания. Думаю, что не будет неуместным привести к этому следующий пример.

25. Тот же самый опыт, который научил язычников, что они смертны, познакомил их также с брэнностью их природы и бесчисленными бедствиями, постоянно сопутствующими им. Они не могли убедить себя в том, что род человеческий очутился в таких плачевных обстоятельствах по воле бесконечно доброго и милосердного божества, и поэтому были склонны приписать всё порочности взрослых людей, пока не увидели, что смерть и несчастья шадят невинных детей не больше, чем разбойников и пиратов. Наконец, они придумали

состояние *предсуществования*, находясь в котором душа, действуя самостоятельно, подобно ангелам, могла бы в чем-то необычайно провиниться и за это в виде наказания была бы вставлена в тело, которое они иногда сравнивали с тюрьмой, но более часто — с могилой *. Эти воззрения в равной мере явились основанием для учения о *переселении* душ, хотя с течением времени грехи, совершенные в этом мире, стали в такой же мере приниматься во внимание в упомянутом учении, как и грехи, совершенные в мире потустороннем. Но самое остроумное объяснение такого положения дает нам *Кебет Фиванский* ⁶⁹ в своем превосходном «*Описании человеческой жизни*». Он представляет *Обман* ** в виде прекраснейшей женщины, сидящей на троне у врат жизни и держащей в руке чашу. Она любезно предлагает ее всем, кто находится на пути в наш мир, и они в равной мере любезно принимают ее; но напиток, оказывается, состоит из *невежества* и *заблуждения*, откуда и проистекают все беды и несчастья их жизни.

26. Для этих честных философов, которые руководствовались только своим воображением и не могли претендовать на наставления *ума божьего*, все это было великой *тайной*; но теперь для нас оно не является *тайной*, потому что мы имеем *ум Христов* (1 Кор. 2. 16). Мы знаем, что *Адам*, первый человек, стал также первым грешником и смертным и что из-за этого, естественно, весь род его не мог быть лучше его. *Одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть* (Рим. 5. 12).

27. Но некоторые догматы Евангелия называются *тайнами* в более частном смысле, поскольку они были скрыты от избранного народа божьего стараниями *Моисея*, лишь постепенно открывавшего истину перед людьми; нельзя сказать, что люди совсем ничего не знали относительно их, ибо *закон имел тень будущих благ* (Евр. 10. 1), но они были ясно и полностью изложены только в Новом завете, будучи до времени скрыты различными символическими представлениями, обрядами и иносказательными выражениями. *Христос* говорит своим ученикам: «*Многие пророки и цари желали видеть,*

* * *

* Как будто $\Sigma\omega\mu\alpha$ было искаженным $\Sigma\tilde{\mu}\rho\alpha$ ⁶⁸.

** Греческий текст. *Cebet. Tab* ⁷⁰.

что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лук. 10. 24). Апостол Павел говорит: «Мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лицо свое» (2 Кор. 3. 12, 13), а затем совершенно четко добавляет, что это покрывало снято Христом (2 Кор. 3. 14), чего нельзя было бы по истине утверждать, если бы открытое богом оставалось непостижимым; ибо я не знаю разницы между тем, чтобы вообще чего-либо не слышать и, слыша что-либо, не понимать. В другом месте Павел говорит следующие замечательные слова: «Проповедовать Иисуса Христа согласно откровению тайны, которая держалась в секрете со времени начала мира, но теперь сделана явной и писаниями пророков по повелению вечного бога сообщена всем народам для соблюдения веры»⁷¹.

28. Одних приведенных выше текстов достаточно для доказательства утверждений, содержащихся в параграфах 6 и 7 настоящего раздела, а именно что, во-первых, тайны Евангелия представляли собой определенные вещи, достаточно понятные по самой своей природе, но их называли тайнами из-за того покрывала, под которым они прежде были спрятаны; во-вторых, что с появлением Евангелия это покрывало полностью снято; из этого следует, в-третьих, обещанный вывод, что такие догматы не могут ныне заслуживать названия «непостижимые тайны» в собственном смысле слова.

29. Замечено, что самые горячие и ярые приверженцы отцов церкви действительно только тогда ссылаются на их авторитет, когда думают, что он на их стороне, и пренебрегают им или замалчивают его, когда он не благоприятен их делу. Чтобы никто не мог злонамеренно утверждать, что я служу Священному писанию подобным же образом, я здесь привожу все места из Нового завета, где встречается слово «тайна», с тем чтобы любой человек мог последовательно и с убежденностью прочесть то, что я защищаю. Все случаи можно для удобства разбить на следующие разделы: во-первых, под тайной понимается Евангелие или христианская религия вообще, так как она была произволением на будущее, полностью скрытым от язычников и лишь в весьма незначительной мере известным иудеям; во-

вторых, относительно некоторых отдельных догматов, случайно открытых *апостолами*, говорится, что они представляют собою *тайны*, ставшие *явными*, т. е. раскрытые секреты. И в-третьих, слово «тайна» употребляется для обозначения всего, что скрыто в иносказаниях или загадочных фигурах речи. Рассмотрим их все по порядку.

30. Под «тайной» понимается *Евангелие* или *христианство* в целом в следующих приведенных выше стихах: «*Проповедовать Иисуса Христа согласно откровению тайны, которая держалась в секрете со времени начала мира, но теперь сделана явной и писаниями пророков по повелению вечносущего бога сообщена всем народам для соблюдения веры*». Но в каком же смысле можно сказать об этой тайне, что она раскрыта, об этом секрете, что он стал явным, что его сообщили всем народам в своих проповедях *апостолы*, если она еще оставалась бы непонятной? Ничего себе, великая милость! Благословить мир целой кучей неразборчивых понятий или выражений, когда в нем и без того уж слишком много труднодоступных трактатов *Аристотеля*, понятных лишь посвященным учений *Пифагора* и таинственного жаргона других сект философов; ибо все они серьезно претендовали на то, что владеют какими-то редкими и чудесными секретами, которые можно сообщить далеко не каждому ученому, а людям необразованным вообще их знать не дано. При помощи этого средства послушные ученики объясняли все противоречивое, несвязное, сомнительное или непонятное, обнаруженное в трудах их разных учителей. Тем, кто жаловался на непоследовательность или неясность, они немедленно отвечали: «О, господин, философ сказал так, и, следовательно, вы должны этому верить. Он сам достаточно хорошо знал, что он имел в виду, хотя, возможно, не заботился о том, чтобы и все другие тоже это знали. Так что причины ваших сомнений только кажущиеся, а не действительные». Но *христианская религия* не нуждается в таких жалких уловках и хитростях, ибо в ней нет ничего, что было бы выше самого строгого разума или противоречило бы ему. А те, кто придерживается иного мнения, могут оправдать не только *христианство*, но и пустые мечтания философов, нечестивости и сказки *Корана* или

вообще все, что угодно. Второй текст — 1 Кор. 2. 7. Эти слова были только что приведены, и повторять их здесь снова нет необходимости⁷². Третий текст 1 Кор. 4. 1: *«И так каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн божиих»*, т. е. как проповедников тех учений, которые богу заблагорассудилось дать в откровении. Четвертый текст — Еф. 6. 19: *«Молением — и о мне, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования»*. Параллельно этому пятый текст — Кол. 4. 3, 4: *«Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову... дабы я открыл ее, как должно мне возвещать»*. Ясность этих слов не требует дополнительных толкований. Шестой текст — Кол. 2. 2: *«Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа»*. Здесь, очевидно, имеется в виду откровение благовествования: ибо какие бы правильные понятия о боже-отце ни могли иметь иудеи, они не располагали тем полным знанием о Христе и его учениях, которое составляет нашу неоценимую привилегию. Седьмой текст — 1 Тим. 3. 8, 9: *«Диаконны также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести»*, т. е. должны жить по законам своей веры. Восьмой, и последний, текст, относящийся к данному разделу, — 1 Тим. 3. 16: *«И бесприкословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал себя в Духе, показал себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе»*. Я не буду сейчас ни настаивать на различных толкованиях приведенных мною текстов, ни решительно определять, какое из них ложное, а какое истинное. Все стороны в споре (каковы бы ни были между ними разногласия в отношении смысла данных текстов) согласны с тем, что все разные оттенки в стихах Евангелия представляют собою откровения благовествования; так что *тайна благочестия* не может быть приписана только какому-нибудь одному стиху, но является общей для них всех. Это относится не к характеру какого-либо одного стиха, взятого отдельно, а к откровению их всех вообще. И необходимо бесспорно признать, что милостивое яв-

ление Христа и его благовествования не только для нас являются чудесными, неизмеримо важными и удивительными, но были равным образом самой великой тайной для всех живших до произволения Нового завета. Из приведенных выше текстов ясно, что слово «благовествование» синонимично следующим выражениям: «тайна веры», «тайна бога и Христа», «тайна благочестия» и «тайна благовествования». Тогда ни одно евангельское учение не может уже быть тайной (ибо апостолы не пропустили ничего полезного, о чем нам не проповедывали бы, и возвещали нам всю волю Божию.— Деян. 20. 20, 27), но само Евангелие прежде действительно было тайной, а теперь, после того как оно полностью дано нам в откровении, уже поистине не может заслуживать такого названия.

31. Во-вторых, мы намереваемся показать, что некоторые явления, случайно раскрытые апостолами, были таинственными только до откровения. Иудеи, едва ли считавшие за людей все другие народы, даже представить себе не могли, что когда-нибудь наступит такое время, когда эти народы могут примириться с богом (Рим. 11. 15) и станут наравне с ними сонаследниками и сопричастниками тех же привилегий. Тем не менее именно так было сделано божественным установлением, и для иудеев это было тайной, но она перестала быть таковой после того, как была открыта апостолу Павлу, который в своих посланиях открыто возвестил о ней всему миру. Первый текст, который мы приведем с целью доказательства своего мнения,—Еф. 3. 2—6, 9: «Как вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне для вас, потому что мне через откровение возвещена тайна, о чем я и выше писал кратко, то вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом (святым), чтоб и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования... и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге...» Второй текст — Рим. 11. 25: «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей... что

ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». Третий текст — Кол. 1. 25—27: «...Церковь, которой сделался я служителем по домостроительству Божию, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божие, тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников...» Четвертый текст — Еф. 1. 9, 10: «Открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем, в устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом». Приведенные нами тексты не требуют дополнительного объяснения, так как смысл их всех ясен: секрет обращения язычников состоит в том, что слово божие стало известным, явлено и возведено, и поэтому оно не остается больше тайной. Следующее явление, обозначенное словом «тайна», употребленным в вышеупомянутом смысле, — одно обстоятельство, связанное с воскресением из мертвых. Апостол Павел, столь же ясно и основательно, сколь и подробно обсудив этот предмет (1 Кор. 15), снимает возражения или сомнения, которые могли бы возникнуть в отношении состояния тех, которые окажутся в день страшного суда живыми на земле: «Говорю вам тайну (раскрываю вам секрет.— Д. Т.): не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока... мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15. 51, 52). Таким образом, вы понимаете, что здесь тайной называется не само учение о воскресении из мертвых, а только это одно его частное обстоятельство — что при звуке последней трубы живые не умрут, а сбросят с себя плоть и кровь, или освободятся от смертного состояния, и мгновенно сделаются нетленными и бессмертными, так же как и те, кто будет воскрешен. В пятой главе Послания к ефесянам святого апостола Павла, стихи 31, 32, мы узнаем, что взаимная любовь и соединение мужа и жены — это такой же нерасторжимый союз, который существует между Христом и его церковью. Несомненно, прежде чем нам сказали об этом, это была великая тайна, но теперь нет ничего более понятного, чем основание для такого сходства или фигуры речи. Царство антихриста, противостоящее царству божью, или царству Христа, тоже на-

зывается *тайной*, потому что это был тайный замысел, осуществлявшийся незаметно и постепенно; но в конечном итоге, когда все препятствия устраняются или преодолеваются, оно появляется на белый свет и (как было божественно предсказано) перестает быть *тайной*. Апостол Павел во Втором послании к фессалоникийцам говорит: *«Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели... И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь,— и тогда откроется беззаконник...»* (2 Фес. 2. 3, 6—8). Это все тексты, относящиеся ко второму разделу.

32. В-третьих, слово *тайна* употребляется для обозначения всего, что скрыто в притчах или иносказаниях, как видно из следующих ниже примеров подобного его применения. Первый пример — Мат. 13. 10, 11: *«И приступивши ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны царствия Небесного, а им не дано»*. Второй пример — Марк. 4. 11: *«И сказал им: вам дано знать тайны Царства Божия, а тем внешним все бывает в притчах»*. Те же самые слова повторяются в Лук. 8. 10. И из всего этого становится абсолютно ясно, что те вещи, о которых Христос говорил в притчах, не были сами по себе непонятными, но *таинственными* только для тех, кому они не были раскрыты, чтобы (как там сказано) *они не могли понять то, что слышат*. Сейчас среди людей стало самым обычным делом: если какие-то люди хотят, чтобы их не понимали другие, они договариваются между собой о каком-либо способе общения, понятном только им самим. Равным образом нет ничего легче для понимания, чем те объяснения притчей, которые давал Христос по просьбе своих учеников.

33. Остается всего лишь два текста, и в них слово *тайна* не относится к чему-либо конкретному, но употреблено для обозначения всех секретных вещей в самом широком и общепринятом смысле. Первый текст — 1 Кор. 13. 2: *«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви,— то я ничто»*.

Второй текст, подобный первому, — 1 Кор. 14. 2: *«Ибо, кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом»*, т. е. то, что для него достаточно понятно, составляет секрет для тех, кто не понимает его языка.

34. Приведя столь подробно все тексты из *Нового завета*, где упоминаются *тайны*, я опустил все подобные места из *«Откровения святого Иоанна Богослова»*; если кто-либо меня спросит почему, я отвечу, что *«Откровение»* не может рассматриваться как собственно часть *благовествования*, ибо в нем не излагаются никакие новые учения. Оно не является не только установлением веры или нравов, но даже и толкованием какого-либо догмата нашей религии. Истинным предметом той книги или *видения* является пророческая история внешнего состояния церкви в различные и меняющиеся периоды ее процветания или упадка. Но чтобы меня ни в малейшей степени не заподозрили в нечестности, я приведу еще те немногие тексты из *«Откровения»*, где содержится слово *тайна*. Первый текст — Отк. 1. 20: *«Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников»*; так в чем же заключается *тайна* или секрет этих звезд и светильников? — *«Семь звезд суть Ангелы семи церквей, а семь светильников суть семь церквей»*, находящихся в Азии. Второй текст — Отк. 17. 5, 7: *«И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий... И сказал мне Ангел: ...я скажу тебе тайну жены сей»*, что он и делает в следующих далее стихах, которые вы легко можете сами посмотреть. Заслуживает нашего особого внимания и то, что *тайна* здесь делается отличительной чертой ложной, или *антихристовой*, церкви. *Тайна есть имя, написанное на челе ее*, иными словами, вся ее религия заключается в *тайне*, она открыто признает, она предписывает веру в *тайны*. И нет сомнения в том, что *в той мере, в какой любая церковь допускает существование тайн, она является антихристовой* и может с полным основанием претендовать на родство с *блудницей, одетой в багряницу*, хотя это принесет ей мало чести. Остается последний текст — Отк. 10. 5, 6, 7: *«И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся живущим во веки веков, который сотворил небо и все, что на нем,*

землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет, но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия». Иными словами, все вещи, символически представленные в этом пророчестве относительно *благовествования* (как было показано выше, последнее равнозначно *тайне бога*), получают свое окончательное завершение и тем самым прекратятся вместе с нашей землей и всем, что на ней содержится.

35. Я обращаюсь теперь ко всем беспристрастным людям: разве не очевидно любому умеющему читать, что во всем Новом завете слово «тайна» никогда не употребляется для обозначения чего-либо самого по себе непонятного или такого, что показано ясно, но о чем нельзя судить с помощью наших обычных понятий и способностей. И разве, напротив, не означает оно всегда некоторые вещи, по природе своей достаточно понятные, но либо настолько упрятанные за образными выражениями и обычаями, либо столь глубоко скрытые в едином разумении и единой воле божьей, что они не могут быть обнаружены без особого откровения. Тот, кто сохраняет хоть какое-нибудь истинное уважение к Писанию и искренне считает его словом божьим, должен всегда в конечном итоге руководствоваться его авторитетом и, несмотря на все предрассудки, полагаться на его свидетельство. Тот, кто утверждает, что *Евангелие* является для него единственным установлением веры, и все же верит чему-либо не подтверждаемому им, есть отъявленный лицемер и лишь хитро издевается над всем миром.

36. Нельзя питать и более благоприятное мнение о тех, кто вместо того, чтобы подчиниться велениям Писания и разума, прибегает непосредственно к помощи лиц, которыми особо восхищаются или за которыми следуют, и кто готов принять либо отвергнуть любое мнение в зависимости от того, как упомянутым лицам заблагорассудится их направить. «Прошу вас, святой отец,— говорит один из его прихожан,— скажите, что вы думаете о такой-то книге? Кажется, она делает многое понятным».— «Ах, дорогой мой,— отвечает священник,— это очень плохая книга; тот, кто ее написал,— опасный человек; он требует, чтобы не верили ничему, что не согласуется с его собственным тупым, гордым и низмен-

ным *разумом*». — «Вы так утверждаете? Тогда я решительно не буду больше ее читать, ибо я часто слышал, как вы в своих проповедях *выступали против человеческого разума*; я искренне сожалею, что она, к несчастью, попала мне в руки, но я позабочусь о том, чтобы она не попала на глаза ни одному члену моей семьи». — «И очень хорошо сделаете, сударь; кроме того, эта книга хуже, чем я вам сказал, ибо в ней опровергается очень много положений, которые мы проповедуем; и если вдруг это учение распространится (упаси нас от этого бог!), то большая часть хороших книг, которые вы держите дома и на чтение которых вы потратили столько же усилий, сколько денег на их покупку, ничего не будет стоить и превратится в ненужную бумагу, годную лишь на подстилку для пирогов или на какие-нибудь иные низменные цели». — «Благословите меня, добрый отец, я молю бога простить меня за то, что читал такой отвратительный трактат; тот, кто мог написать его, просто чудовище. Но как же? Вы говорите, что мои книги ничего не стоят? Проповеди д-ра Х., трактаты г-на С. — ненужная бумага? Я этому никогда не поверю, пусть кто угодно говорит обратное. Боже, почему же вы не отлучите от церкви автора и не конфискуете его книги?» — «Увы, это можно было в прежнее время, но теперь, кажется, человек может *верить по своему собственному разумению*, а не так, как *велит церковь*; вы знаете, установилась веротерпимость». — «Эта *веротерпимость*, святой отец, приведет...» — «Пока, сударь, ни слова больше об этом. Я настолько же обеспокоен этим, как и вы; но в наше время находить ошибки и небезопасно, и нецелесообразно».

37. Есть и другие, которые далеко не так просты, но в равной мере полны твердой решимости крепко держаться своих старых систем. Когда они рассказывают нам о *тайнах*, мы должны им верить, и средства от этого нет. Этих людей влечет к *тайнам* не сила убеждения, а какой-нибудь посторонний интерес; и можно быть уверенным в том, что они будут восхвалять и защищать любого автора, который выступает в пользу их дела, независимо от того, поддерживает ли он его с помощью *разума* или без него. Но я вдвое меньше сердит на этих людей по сравнению с теми, кто не приложит ни ма-

лейших усилий для изучения чего бы то ни было из опасения, как бы они не стали от этого более ясно видящими или лучше осведомленными и тем самым не испытали бы искушения вступить на новый путь. Такие лица действительно должны быть по-настоящему равнодушными, или же они делают религию составной частью своей фамильной репутации.

38. Упоминание о репутации естественным путем навело меня на мысль о тех, кого не поколеблют никакие разумные доводы, если они противоречат *суждениям раннехристианской церкви*. Для них *отцы церкви* (как они любят выражаться) — наилучшие толкователи слов *Писания*. «И то, что те честные люди, — говорит один весьма остроумный автор *, — не могли сами доказать из-за недостатка доводов, теперь доказывается только на основе их авторитета». «Если бы отцы церкви это предвидели, — добавляет тот же автор, — то их нельзя было бы винить за то, что они избавляли бы себя от труда более точно, чем обычно, обосновывать свои мнения (мы обнаруживаем, что обычно они делали это очень тщательно)». Мне представляется самым нелепым из всех безрассудств, что истина и ложь должны определяться по большинству голосов или по принадлежности к определенным периодам времени.

39. Но если принадлежность к *древности* действительно серьезно способна увеличить ценность какого-либо мнения, тогда, я думаю, мне не нужно бояться предстать перед ее судом: «Ибо если мы будем рассматривать развитие мира так же, как мы рассматриваем развитие жизни человека, — говорит один знаменитый писатель **, — состоящее из детства, юности, зрелости и старости, тогда, безусловно, те люди, кто жили до нас, — дети или юноши, а мы — истинные древние люди. И если опыт, — продолжает он, — считается самым значительным преимуществом взрослых людей над молодежью, тогда, несомненно, опыт тех, кто позднее пришел в этот мир, должен быть несравненно больше опыта тех, кто родился задолго до них: ибо пришедшие последними

* * *

* M. de Fontenelle dans son *Historie des Oracles* ⁷³.

** M. Perrault dans ses *Paralleles des Anciens et des Modernes* ⁷⁴.

пользуются не только всем накопленным их предшественниками, но и в равной мере добавили к нему свои собственные наблюдения». Эти мысли столь же остроумны, как и справедливы и основательны. Но если понимать *древность* в общепринятом смысле, все равно у меня ни в коей мере нет основания впадать в отчаяние, ибо и мое утверждение станет для потомков древним и тем самым окажется в состоянии поддерживать себя благодаря этой удобной привилегии права давности.

40. Однако я понимаю, что вряд ли сам доживу до того времени, поэтому не будет неуместным показать, что те же самые *отцы церкви*, которым выпало счастье одновременно быть и молодостью и старостью мира, на моей стороне. Сознаюсь, что я предпринимаю эти труды не из уважения к их суждениям. В начале книги я открыто заявил, насколько ценю их авторитет; но моя цель состоит в том, чтобы показать неискренность тех, кто, выражая притворную почтительность к писаниям *отцов церкви*, не колеблется отбросить их мнение, если оно не соответствует их наклонности или интересу.

41. В трудах *Климента Александрийского*⁷⁵ слово *тайна* употребляется всюду в таком же смысле, какой придаю ему я, какой придавали ему *язычники* и в каком, как я доказал, его употребляет *Евангелие*. В пятой книге своих *«Стромат»*⁷⁶, которая заслуживает изучения всеми, кто хочет понять природу *иудейских* и *языческих тайных обрядов*, — повторяю, в этой книге он устраняет все сомнения относительно данного вопроса и приводит некоторые из текстов Писания, уже упоминавшихся мною для этой же цели. Более того, он говорит нам*, что *христианское учение было названо светом потому, что явило миру то, что было скрыто, и только сам учитель (Христос) снял покров с ковчега*, т. е. покрывало, брошенное *Моисеем*. Он добавляет**, что те вещи, которые были таинственными и неясными в Ветхом завете, становятся ясными и понятными в Новом завете, при этом использует именно эти точные слова.

* Греческий текст ⁷⁷.

** Греческий текст ⁷⁸.

42. Все знают, как ранние *христиане*, нелепо подражая иудеям, превратили все Писание в аллегорию, находя соответствие между свойствами животных, упомянутых в *Ветхом завете*, и событиями, происшедшими в *Новом*. Таковую же вольность они проявили главным образом и в отношении людей в тех случаях, когда могли обнаружить малейшее сходство между их именами, поступками или общественным положением; и в конечном итоге эту свою причуду они распространили на числа, буквы, названия мест и на все что угодно. В силу этого все, что в *Ветхом завете* представляло, по их мнению, какую-либо вещь из *Нового*, они называли *прообразом* или *тайной* этой вещи. Так, в писаниях *Юстина Мученика*⁷⁹ слова *прообраз*, *символ*, *притча*, *тень*, *фигура*, *знак* и *тайна* обозначают одно и то же. Этот отец церкви в «Диалоге с *Трифоном-иудеем*» утверждает, что имя *Иешуа* было *тайной*, представляющей имя *Иисуса*, и что поднятие рук *Моисеем* во время битвы с *амаликитянами* в *Рефидиме* (Исх. 17, 11) было *прообразом* или *тайной креста Иисуса*, при помощи которого он одолел смерть так же, как тогда израильтяне одолели своих врагов; и затем он добавляет следующее замечание: «В отношении тех двух святых людей и пророков божьих необходимо принять во внимание, что ни один из них не был в состоянии нести отдельно в самом себе обе тайны, я имею в виду *прообраз его креста* и то, что он был назван именем *Иисуса*». В том же «Диалоге» он называет предсказания пророков *символами*, *притчами* и *тайнами*, объясненными жившими позднее другими пророками*.

43. *Тертуллиан*⁸⁰, защищая христиан в своей «Апологии» от выдвинутых против них врагами совершенно несправедливых обвинений в бесчеловечных обрядах, восклицает: «Нас преследуют, нас разоблачают ежедневно... Но если мы всегда прячемся, как же становится известным то, что мы, говорят, совершаем? Вообще, кто мог бы сделать его известным? Те, кого обвиняют! Конечно же, они не виновны, ибо, разумеется, все *тайные обряды* сохраняются благодаря обету молчания.

* Греческий текст ⁸¹.

Самофракийские и элевсинские мистерии скрыты от глаз людей; в какой же мере должны быть скрыты те, которые, будучи разглашены, вызовут людскую кару, не говоря уже о грядущей каре божьей в загробном мире?» * Как видите, этот отец церкви считал *тайнами* не непостижимые учения, а тайные обряды.

44. *Ориген* считает стоянки *израильтян* во время их пути в землю обетованную *символами* или *тайнами*, указывающими путь тем, кто будет искать дорогу к небу и небесному **. Мне нет необходимости добавлять, что он говорит о писаниях *пророков*, о видении *Езекии* и, в частности, об *Апокалипсисе*, ибо повсеместно признано, что он довел этот мистический или аллегорический метод толкования Писания до совершенства и тем самым обеспечил пищу для ума всех, кто после него идет по той же самой тропе,— по моему мнению, честь, которой не следует завидовать. Но он не только не полагал, что какие-либо догматы нашей религии являются *тайнами* в современном смысле слова, но, напротив, совершенно четко утверждал, что они *согласуются со всеми общепринятыми понятиями* и *легко вызывают согласие с собой у каждого благожелательного слушателя* ***.

45. У других *отцов церкви* первых трех столетий ее существования были точно такие же понятия о *тайне*. А если и случается так, что по этому вопросу они в одном месте противоречат тому, что утверждают в другом (как обычно обстоит у них дело в отношении большей части вопросов), то это только служит тому, чтобы *исключить их из числа тех, кто может быть принят за истинный образец для других, поскольку они сами для себя не были образцами*. Но, понимая, что нам приходится иметь дело с людьми, столь склонными к забыв-

* * *

* Quotidiè obsidemur, quotidiè prodimur; si semper latemus, quando proditum est quod admittimus? Immo à quibus prodi potuit? Ab ipsis reis! Non utique; cum vel ex forma omnibus Mysteriis silentii fides debeatur. Samothracia et Eleusinia reticentur; quantò magis talia quae prodita interim etiam Humanam animadversionem provocabunt, dum Divina servatur?

** Греческий текст ⁸².

*** Греческий текст ⁸³.

чивости, в нашу пользу будет то немаловажное преимущество, что они очень строго сохраняют постоянство в отношении интересующего нас вопроса; так что к данному моменту я могу по справедливости надеяться на то, что от понятия о *непостижимых и непонятных тайнах в религии* охотно откажутся все, кто искренне уважает *отцов церкви, писание и разум*.

Глава 4. Ответ на возражения,
основанные на отдельных
текстах *Писания*
и на самой природе веры

46. Некоторые люди настолько любят *тайны* (и, кажется, находят в этом свою выгоду), что готовы скорее всем рискнуть, чем расстаться с ними. Тем самым, ведая о том или нет, они таким своим поведением ставят под угрозу ни больше ни меньше как свою религию. Ибо когда люди провозглашают, что их вера выше суда разума, и ни в коем случае не допустят, чтобы она была поставлена под сомнение, это плохой признак. Он показывает, что они сами не верят в свое дело; а другие приходят к такому выводу: то, что не осмеливается подчиниться суду разума, должно быть само по себе, в сущности своей неразумно.

47. Эти люди твердо выступают против упомянутых последствий, невзирая на такую их очевидность, и не стыдятся даже приводить *Писание* в поддержку своих утверждений. Чаше всего вы услышите из их уст следующие слова апостола: «Смотрите, (братия), чтобы кто не цвлек вас философиею и пустым обольщением по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2. 8). Нелепость! Как будто разум и истина суть тщеславие и хитрость! Здесь под философией понимается не *здравый разум*, а — с этим согласны все толкователи — системы *Платона, Аристотеля, Эпикура, академиков* и т. д., многие принципы которых прямо противоположны здравому смыслу и истинной нравственности. *Софистика* более всего была в моде во времена апостола Павла; и некоторые из этих сект, принявших христианство, нашли способ смешать его со своими преж-

ними воззрениями, от которых они не хотели отказаться раз и навсегда. Поэтому у апостола были серьезные основания предостеречь своих новообращенных, чтобы они не принимали изобретения людей за учение бога. Тем не менее представляется, что этот добрый совет не достиг своей цели, поскольку вы обнаружите у *отцов церкви* грубейшие ошибки и странности, вызванные различными системами *философии*, которые они читали до своего обращения в *христианство* и которые впоследствии безрассудно пытались примирить с ним, что привело к почти полному краху последнего, как мы покажем в следующей ниже главе.

48. Но так как ни одна какая бы то ни было отдельная *гипотеза* не имеет права выступать в качестве образа мышления для всех людей, то еще менее оснований претендовать на эту привилегию у *пустой философии* или *софистики*; и я не только не стремлюсь к чему-либо подобному, но, наоборот, в своей книге выступаю против таких претензий. Когда некоторые выдвинули метафизическую чепуху впадающих в детство *философов* в качестве догматов веры, они подняли страшный шум вокруг *разума*, перед свидетельством и светом которого должны исчезнуть их пустые тени. Ибо как в *философии*, так и в *религии* у каждой секты есть свои особенности, свои крайности, и *непостижимые тайны* последней действительно совершенно соответствуют *окультурным качествам* первой. И то и другое вначале было рассчитано на достижение той же самой цели, а именно: *закрывать рот тем, кто требует обоснования там, где нельзя его дать, и держать в невежестве столько людей, сколько сочтет удобным корысть*. Но боже сохрани, если я приписываю такие нечистые замыслы всем выступающим за *тайны*, из которых тысячи, я знаю, являются самыми благонамеренными людьми во вселенной. Эта *софистическая*, или *порочная*, *философия* в другом месте *Нового завета* охарактеризована как *мудрость мира сего* (1 Кор. 3. 19), которой *греки* были отвержены в такой же мере, в какой *иудеи* были ослеплены своей выдумкой о том, что истинным может быть только то, чья истинность была доказана чудесным образом: *«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости»* (1 Кор. 1. 22). Но эта хваленая мудрость бы-

ла тем не менее *безумием пред богом* и ныне является таковой в глазах умных людей.

49. В доказательство того, что человеческий *разум* не способен судить религию, данную в божественном откровении, приводится также отрывок из послания *римлянам*. Цитируются слова: «*Плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут*» (Рим. 8. 7). Но если эти слова относятся к *разуму*, то не может быть ничего более неправильного, потому что *разум* подчиняется и должен подчиняться божественному закону; однако это подчинение не означает какое-либо несовершенство *разума*, поскольку нельзя сказать, что наше подчинение справедливым законам уничтожает нашу свободу. Сначала *разум* должен понять закон бога, а затем подчиниться ему, ибо человек не может заслуживать наказания за несоблюдение таких законов, которые ему непонятны, как и за несовершенство тех действий, которые ему никогда не предписывались. Тогда в данном случае *плотские помышления* означают не *разум*, а животные желания развратных и порочных людей, образ жизни которых противоречит данному в откровении закону божьему, так же как и закону здравого *разума*.

50. То, что говорилось в отношении ложной мудрости и чувственных помышлений, может быть легко применено к другому тексту, в котором говорится: «*Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу*» (2 Кор. 10. 4, 5). Из этих слов, так же как из смысла целого, ясно, что эти мысли и замыслы принадлежат безрассудным и нечестивым людям, которых надо увлечь или исправить при помощи как *разума*, так и *Писания*; и в действительности часто так и происходит, ибо такие лица, обычно не принимающие доводов *Писания*, сначала убеждаются при помощи *разума*, а потом принимают *Писание*. Но может ли *разум* повергнуть или уничтожить себя? Нет, но он разоблачает и уничтожает те пустые и нечестивые софизмы, которые заимствуют его имя, чтобы им прикрывать или разрешать расстройств, которые они вызывают.

51. Было бы чрезвычайно утомительно перебирать один за другим все тексты, которые приводят невежественные или порочные люди как доводы против того применения разума в религии, которое я особенно утверждаю. Можно было бы подумать, что один какой-либо текст, отвечающий моей цели, в достаточной мере удовлетворил бы всех *христиан* — любителей истины, ибо слово божье должно повсюду быть единообразным и самоочевидным. Но я привел несколько текстов во второй главе второго раздела, не говоря уже о тех, которые упомянуты в предыдущей главе данного раздела. Однако из-за того, что это рассуждение может быть опровергнуто, и чтобы не оставить благовидных предлогов для придири и обманщиков, я пунктуально ответил на самые серьезные возражения, которые обнаружил в самых известных трудах *богословов*. Я сказал «*которые обнаружил*», ибо я должен был бы прочесть *Евангелие* миллион раз, прежде чем упомянутое выше невежественное понятие о *тайне* вообще могло бы прийти мне в голову или какой-либо текст в той книге мог бы внушить мне, что смысл его недоступен разуму или изучению. Я также еще не считаю себя склонным завидовать тем, кто питает в отношении его другие мысли, хотя они все время открыто признают его божественным откровением. Но, видя, что самое существенное затруднение для меня создал один друг, заявивший, что мое мнение разрушает природу *веры*, я со всей краткостью, на которую только способен, изложу свои соображения относительно данного предмета.

52. Обычно веру делят на историческую, временную, или оправдательную (Justifying), живую или мертвую, слабую или сильную, но я не буду тратить время на эти подразделения, поскольку большая часть их представляет собою не столько саму *веру*, сколько ее различные последствия. Слово само по себе подразумевает *верование* (Belief) или *убеждение* (Perswasion), когда мы доверяем всему, что нам говорит бог или человек; отсюда *веру* по справедливости следует подразделять на *веру в человека* и *веру в бога*. Далее, *вера в бога* возникает тогда, когда бог сам непосредственно обращается к нам или когда мы соглашаемся со словами или писаниями тех, к кому, по нашему мнению, он обращался.

Вся *вера*, существующая ныне в мире, относится к этому последнему роду и, следовательно, полностью построена на *логическом рассуждении*. Ибо мы сначала должны убедиться, что эти писания принадлежат именно тем, чьим именем они подписаны, затем мы изучаем жизнь и поступки этих лиц и, наконец, понимаем, что содержится в их трудах; в противном случае мы не можем определить, достойны они бога или нет, и тем более твердо верить им.

53. Верить в то, чего не понимаешь,— это не истинная *вера* и не убеждение, а опрометчивая самонадеянность и упрямый предрассудок, скорее приличествующие фанатикам и обманщикам, чем ученикам бога, у которого нет интереса вводить в заблуждение свои творения и достаточно способностей, чтобы сообщать им правильные сведения. Я доказал выше (раздел II, глава 2), что различие между *человеческим* и *божественным откровениями* заключается не в степени понятности, а в несомненности. В истории часто совпадает так много обстоятельств, что несомненность [какого-либо события] становится очевидной: например, я могу отрицать убийство Цицерона⁸⁴ или историю *Вильгельма Завоевателя*⁸⁵ не с большим основанием, чем свое собственное существование. Однако такое случается редко. А бог всегда говорит истину, и притом несомненную.

54. Далее, поскольку вместе с *откровением* люди не получают какие-либо новые способности, из этого следует, что бог, обращаясь к ним, не достиг бы своей цели, если бы то, что он говорил, не согласовывалось с их обычными понятиями. Мог ли по справедливости считать себя мудрее своих соседей тот, кто, будучи безошибочно уверенным в том, что определенная вещь, называемая *Blictri*, существует в природе, тем не менее не знал, что такое это *Blictri*? И понимая, что дело обстоит именно таким образом, вся *вера*, или убеждение, должна обязательно состоять из двух частей: *знания* и *согласия*. Именно последнее в действительности составляет формальный акт *веры*, но только при наличии первого. И это истинное объяснение веры, которое мы встречаем во всем *Новом завете*. Там мы читаем, что *без веры угодить богу невозможно, ибо надобно, чтобы приходящий к богу веровал, что он есть и ищущим его воз-*

дает (Евр. 11. 6). Таким образом, твердое убеждение набожного человека, что его просьбы будут удовлетворены, основано на его знании о существовании, доброте и могуществе бога. Не верить в *Христа* до того, как он был явлен миру, не считалось преступлением, *ибо как верить в того, о ком не слышали* (Рим. 10. 14)? Но разве больше оснований осуждать кого-либо за то, что он не верит в сказанное *Христом*, если он не мог понять этого? Ибо, насколько я понимаю, эти случаи параллельны. Говорят также, что *вера от слышания* (Рим. 10. 17); но совершенно очевидно, что без понимания это слышание ничего не означает, поскольку во всех языках словам соответствуют определенные идеи.

55. Автор послания к *евреям* определяет *веру* не как предубеждение, мнение или предположение, а как убеждение или доказательство. «*Вера же,—* говорит он,*— есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр. 11. 1). Эти последние слова — *в невидимом* — означают не непостижимые или непонятные вещи, как хотели бы толковать их некоторые, а прошлые или будущие факты действительности, такие, как сотворение мира или воскресение мертвых или же вера в некоторые вещи, невидимые для нашего телесного зрения, но достаточно понятные для нашего зрения духовного. Представляется, что все примеры подтверждают вышеприведенное определение. Кроме того, строго говоря, не может быть веры в вещи видимые или имеющиеся налицо, ибо тогда это самоочевидность, а не логическое рассуждение. «*Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении*» (Рим. 8. 24, 25). Так, патриархи *не получили обетований, а только издали видели оные и убедились в них* (Евр. 11. 13).

56. Если не понимать *веру* таким образом, то как можно называть *Христа светом мира* (Иоан. 8. 12 и 9. 5), *светом язычников* (Деян. 13. 47)? Как можно сказать о верующих, что они обладают *духом премудрости* и что *просветились очи сердец их* (Еф. 1. 17, 18)? Ибо свет сердца, или понимание, есть знание вещей; и в зависимости от того, больше или меньше это знание, соответственно дух более или менее просвещен. Апостол го-

ворит: «*Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия*» (Еф. 5. 17). А в другом месте он побуждает людей в сомнительных делах *поступать по удостоверению своего ума* (Рим. 14. 5).

57. Но в противовес всему этому будет выдвинут тот замечательный пример веры *Авраама*⁸⁶, когда он готов был принести в жертву своего единственного сына, хотя бог обещал ему, что от сына его пойдет род царей и что семя его будет таким же многочисленным, как звезды на небе и песок на морском берегу. Разве *Авраам* слепо подчинился тогда, не разрешив явного противоречия между последним повелением бога и его прежними обетованиями? Вовсе нет, ибо записано совершенно четко, что *он, имея обетование, принес в жертву Исаака, принес единородного, о котором было сказано: «В Исааке наречется тебе семя», рассудив**, что бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование (Евр. 11. 17—19). Он совершенно справедливо заключил, что бог при помощи чуда сможет оживить Исаака, который и рожден был чудесным образом благодаря другому обетованию, когда его родители уже не могли иметь детей и в этом смысле были *все равно что мертвые* (Евр. 11. 12); поэтому в другом месте об *Аврааме* написано, что, *не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело и утроба Саррина в омертвлении, не поколебался в обетовании Божиим неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное* (Рим. 4. 19—21).

58. Теперь, что же мы находим во всем этом, если не очень строгое рассуждение на основе опыта, на основе возможности всего дела и на основе могущества, справедливости и неизменности того, кто его обещал? Ни один человек не может также показать мне во всем *Новом завете* иное значение слова *вера*, кроме самого твердого убеждения, основанного на самых серьезных доводах. В этом смысле все *христианство* нередко называют *верой*, подобно тому как мы теперь обычно говорим, что придерживаемся тех или иных *убеждений*, имея

* * *

* Именно так следует перевести слово *λογισαμενος*.

в виду исповедование какой-либо религии. Но безусловно, ничто не может лучше обосновать и укрепить наши убеждения, чем тщательное изучение и испытание того, во что мы верим; слабость же и неустойчивость нашей веры проистекают из отсутствия достаточно прочной основы для нее, а за ними всегда следует безверие; затем исчезает повиновение, которое является постоянным признаком и порождением истинной веры; а отсюда возникают все неправильности жизни людей. *«Кто говорит: «Я познал Его», но заповедей его не соблюдает, тот лжец.— Кто говорит, что пребывает в нем, тот должен поступать так, как Он поступал»* (1 Иоан. 2. 4, 6). А тот, кто верит, не понимая, должен колебаться и увлекаться всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения (Еф. 4. 14), и по-другому быть не может.

59. Хотя авторитетное мнение Нового завета по этому вопросу совершенно ясно, я все же еще более подкреплю его следующими замечаниями. Во-первых, *если бы вера не была убеждением, возникающим на основе предшествующего знания и понимания того, во что веришь*, тогда бы в ней не было степеней и различий, ибо последние являются очевидными признаками того, что люди знают о чем-то больше или меньше в зависимости от желания или возможности узнать. А то, что такие степени существуют, выявляется из Писания, где те, кто обладает лишь несовершенным и поверхностным знанием религии, сравниваются с младенцами, которые питаются только молоком, а те, кто достиг более полной и точной определенности, уподобляются взрослым людям, способным переварить более твердую пищу (1 Кор. 3. 2; Евр. 5. 12—14).

60. Мое следующее замечание состоит в том, что предмет веры должен быть понятен всем, поскольку верить в него требуется под угрозой такого страшного наказания, как вечное осуждение (Марк 16. 16). Тот, кто не верует, будет осужден на вечные муки. Но должен ли кто-либо быть осужден за несовершенство невозможного? Следовательно, обязательство верить предполагает возможность понимать. Ранее я показал, что противоречие и ничто — взаимозаменяемые выражения, и ныне я могу сказать то же самое в отношении слова

тайна в теологическом смысле, ибо, если говорить откровенно, *противоречие* и *тайна* есть лишь два выразительных способа ничего не сказать. *Противоречие* ничего не выражает тем, что соединяет две идии, взаимно уничтожающие друг друга, а *тайна* ничего не выражает при помощи слов, не имеющих вообще никаких идей.

61. Третье замечание будет состоять в следующем: *если бы какая-либо часть Писания была непонятной, ее вообще нельзя было бы правильно перевести*, разве только звучание слов, а не их смысл считать божественным откровением. Слова никак нельзя понять, если не понимать также те явления, которые они обозначают. Я могу хорошо понимать явления, не зная их названий, но совершенно не могу понимать названий, не зная соответствующих им предметов. И если говорить серьезно, разве может кто-либо претендовать на хотя бы какую-то долю уверенности в том, что дал правильное толкование того, чего он, по его собственному откровенному признанию, не понимает? Невозможно себе представить, насколько понятие *тайны* способствовало неясности *Писания* в большей части переводов. Когда способный лингвист встречается с трудным текстом, он тут же принимает его за *тайну* и делает вывод, что бессмысленно тратить больше усилий на то, что само по себе необъяснимо. Но неспособный переводчик относит свою собственную неумелую чепуху и все *таинственные* плоды своего невежества на счет всемогущего господа. Именно эти несчастные в изобилии снабжают *атеистов* и *богохульников* всеми материалами для их возражений против *Писания*. Но я надеюсь, что со временем мы сможем найти лекарство от этих расстройств.

62. Четвертое замечание состоит в том, что, *если вера не означает разумного убеждения, мы не можем дать ответ всякому, требующему отчета в нашем уповании*, как наставляет нас апостол *Петр* (1 Пет. 3. 15). Сказать, что мы веруем в слово божие, недостаточно, если только мы не докажем этого при помощи разума; и мне нет необходимости добавлять, что если мы не можем изучать и понимать свою *веру*, то отсюда следует, что каждый человек будет обязан по-прежнему без колебаний исповедовать ту религию, в которой он с само-

го начала был воспитан. Положим, *сиамский талапойн* * скажет *христианскому* проповеднику, что *Соммокодом* ** запрещает испытывать правильность его религии светом разума; как может *христианин* его опровергнуть, если он тоже будет утверждать, что некоторые положения христианства недоступны разуму? Тогда вопрос будет заключаться не в том, допустимы ли *тайны* в истинной религии, а в том, у кого больше прав создавать их — у *Христа* или *Соммокодома*?

63. Мое последнее замечание будет состоять в следующем: *либо апостолы не могли писать более понятно о так называемых тайнах, либо они не хотели*. Если они не *хотели*, тогда это уже не наша вина, что мы не понимаем их и не верим им, ибо *ничто* (nothing) не может быть объектом веры. А если они сами не *могли* писать более ясно (чего наши противники не будут предполагать), то тем менее они должны были ожидать доверия к ним от других.

64. Утверждают, однако, что *бог имеет право требовать согласия своих творений с тем, чего они не в состоянии понять*; несомненно, он может требовать все, что справедливо и разумно, ибо поступать подобно тирану подобает только дьяволу. Но я спрашиваю: с какой целью должен бог требовать от нас веры в то, чего мы не в состоянии понять? Некоторые говорят: *чтобы упражнять наше усердие*. Но это с первого взгляда выглядит нелепым, как будто очевидных обязанностей, налагаемых *Евангелием*, и наших необходимых занятий недостаточно, чтобы занять все наше время. Но как же упражнять наше усердие? В конечном итоге можно нам понять эти *тайны* или нет? Если да, тогда всё, за что я выступаю, достигнуто, ибо я никогда не утверждал, что *Евангелие* можно понять, не приложив необходимых усилий и не проявив усердия, что справедливо и в отношении любой другой книги. Но если в конечном итоге понять их невозможно, то забивать головы людей тем, чего они вообще не могут постичь, побуждать их и требовать от них изучать эти тайны — такой образец безрассудства и наглости, которого не допустит ни один

* * *

* Или священник.

** Сиа́мский бог.

здравомыслящий человек; и все это ради того, чтобы удержать их от безделья, когда они едва могут найти достаточно досуга для того, что всеми считается понятным.

65. Другие говорят, что *бог предписал веру в тайны, чтобы сделать нас более смиренными*. Но каким образом? Дав нам понять, как мало мы знаем. Но этот необычайный способ совершенно излишний, ибо опыт знакомит нас с этим каждый день, а я потратил целую главу второго раздела своей книги, доказывая, что у нас нет полного представления обо всех свойствах и никакого представления о подлинной сущности любой субстанции в мире. Гораздо более подходящим был бы ответ, что бог тем самым ограничил наши размышления (*speculations*) с целью дать нам больше времени для занятий тем, что мы понимаем. Но многие *прикрывают множество грехов* своим шумом и рвением в защиту таких глупых и бесполезных размышлений.

66. Из всех этих замечаний и того, что было высказано ранее, со всей очевидностью следует, что *вера* не только не является безоговорочным согласием со всем стоящим выше разума, а, напротив, такое понятие о ней прямо противоречит целям религии, природе человека и доброте и мудрости бога. Но в таком случае некоторые склонны будут заметить, что *вера* уже больше не *вера*, а *знание*. Я отвечу, что если *знанием* считать распространенный в данное время непосредственный взгляд на вещи, то я нигде не утверждал ничего подобного, но во многих местах утверждал прямо противоположное. Но если под *знанием* подразумевать понимание того, во что веришь, тогда я поддерживаю мнение, что *вера* есть *знание*. Я всюду утверждал это, и сами эти слова часто употребляются одно вместо другого в *Евангелии*. Мы знаем, т. е. мы верим, что Он истинно Спаситель мира, Христос (Иоан. 4. 42). Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого (Рим. 14. 14). Вы знаете, что труд ваш не тщетен перед Господом (1 Кор. 15. 58).

67. Другие скажут, что такое понятие о *вере* делает бесполезным *откровение*. Но, боже, почему же? Ведь вопрос состоит не в том, могли бы мы открыть все объекты нашей *веры* путем логического рассуждения; на-

против, я доказал, что без *откровения* ни один факт действительности не мог стать известным. Но я утверждаю, что мы должны понимать данное нам в откровении так же хорошо, как и любое другое дело, с которым мы сталкиваемся в мире, ибо *откровение* применяется лишь для того, чтобы просветить нас, тогда как убеждает очевидность его предмета. Тогда, отвечая мне, *разум* более важен, чем *откровение*. Я отвечаю: в такой же мере, в какой *греческая грамматика* превосходит *Новый завет*. Ибо мы применяем *грамматику*, чтобы понять язык, и *разум* — чтобы понять смысл этой книги. Но если говорить кратко, я не вижу необходимости проводить сравнение в данном случае, ибо *разум* так же исходит от бога, как и *откровение*; это светоч, путеводная звезда, судья, которого он поместил в каждого человека, приходящего в этот мир.

68. Наконец, могут возразить, что бедные и неграмотные не в состоянии усвоить такую *веру*, которую я отстаиваю. Да, если это утверждение доказуемо, тогда оно могло бы действительно сойти за *тайну* еще более непостижимую, чем те, которые может позволить себе любая *богословская* система в *христианском мире*; ибо ничто не может казаться страшнее и чудеснее того, что простые люди скорее поверят в непонятное, непостижимое и недоступное их разуму, чем в легкое, простое и соответствующее их способностям. Но простые люди более признательны *Христу*, который был о них лучшего мнения, чем эти люди, ибо он проповедовал им *слово божие* особым образом; а они, с другой стороны, *слушали его с услаждением* (Марк 12. 37), потому что, несомненно, понимали его наставления лучше, чем *таинственные* проповеди своих *священников* и *книжников*. Неиспорченные догматы *христианства* не были выше их разума или понимания, но тарабарщину ваших *богословских школ* они не понимают. Для них она — *язык Зверя* и не соответствует их положению в этом мире, когда сами их учителя должны пройти курс ученичества, чтобы овладеть ею и затем начать изучение *Библии*. Как медленно, должно быть, вначале распространялось *слово божие*, если те, кто был призван проповедовать его, сами были обязаны обучаться подобным образом! И не удивительно, что оно имеет так мало влияния на

жизнь людей сейчас, когда его так плачевно изуродовали и почти уничтожили непонятными и нелепыми выражениями, понятиями и обрядами языческого или иудейского происхождения.

69. Таким образом, я ясно ответил на те несколько возражений, которые были выдвинуты передо мною, и я ничего больше не добавлю относительно этого предмета — *веры*, а рассмотрю лишь один текст в Первом послании апостола *Петра*, где говорится, что *ангелы* хотели узнать некоторые вещи. Однако эти вещи не постижимые *тайны*, а пришествие *Христа* и *спасение через благовествование*, которые были божественно предсказаны *иудеям* и которые они тогда тщательно обсуждали, хотя теперь, когда эти вещи сбылись, нам не разрешается такая вольность. Апостол *Петр* говорил: «Достигая наконец верою вашу спасения душ; к сему-то спасению относились изыскания и исследования пророков, которые предсказывали о назначенной вам благодати, исследуя, на которое и на какое время указывал суиций в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую за ними славу; им открыто было, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшим Духом Святым, посланным с небес, во что желают проникнуть Ангелы» (1 Пет. 1. 9—12). Во всем этом нет никакой *тайны*, ибо *ангелы*, которые, будучи конечными созданиями, могут узнать что-либо только при помощи опыта, логического рассуждения или откровения, были так же любопытны, как и *иудеи*, и хотели проникнуть в будущие события такой огромной важности, столь туманно данные в откровении.

Глава 5. Ответ на возражения, основанные на рассмотрении *чудес*

70. Когда все другие уловки оказываются недействительными, сторонники *тайны* поспешно обращаются к *чудесам* как к своему последнему прибежищу; но это укрепление слишком слабое, чтобы на нем можно было долго оказывать сопротивление, и мы не сомневаемся в том,

что быстро разгромим их там с легкостью и без потерь. Но, видя, что по большей части предмет данного спора вообще не определен четко и ясно, я сначала попытаюсь дать четкое понятие природы *чудес*, а затем представлю читателю возможность судить, много ли у меня оснований опасаться данного возражения. Следовательно, *чудо* — это такое действие, совершение которого превосходит все человеческие силы и которое не может быть осуществлено при помощи обычных проявлений законов природы.

71. Но всё противоречащее разуму не может быть чудом, ибо уже в достаточной мере доказано, что *противоречие* есть лишь другое слово для обозначения *невозможного* или *ничего* (nothing). Вследствие этого *чудесное* действие должно само по себе быть понятным и возможным, хотя способ его осуществления — необычайным. Так, можно себе представить, что человек спокойно и безопасно идет в середине бушующего пламени, и это вполне возможно, если он окружен чем-либо отражающим жар и огонь; но когда подобное охранное средство не обеспечивается умением или случаем, а является непосредственным следствием сверхъестественной силы, тогда это и есть *чудо*. Искусный врач иногда восстанавливает зрение слепым; а когда обращение крови и соков в руке или ноге на значительный период времени прекращается, они должны усохнуть, но, если упомянутые члены могут быть мгновенно излечены по велению или желанию какого-либо лица, без обычного лечения и без затраты требуемого обычно на это времени, тогда подобное действие является воистину *чудесным*, так же как и внезапное восстановление здоровья больного человека, на что искусство или природа должны затратить очень много времени и усилий.

72. Тогда ни одно *чудо* не противоречит разуму, ибо само действие должно быть понятным, а совершение его должно казаться очень легким для творца *природы*, который по своему усмотрению может повелевать всеми ее стихиями. Поэтому вымышленными являются все те *чудеса*, в которых наблюдаются какие-либо противоречия, например что при рождении *Христа* в теле *девы Марии* не образовалось никакого отверстия, через которое тело *Христа* могло бы появиться на свет; что

голова разговаривала несколько дней после того, как ее отделили от туловища и вырезали язык; множество чудес такого рода можно встретить у *напистов, иудеев, браминов, магометан* и вообще всюду, где доверчивость людей делает их предметом торговли священников.

73. Далее, необходимо принять во внимание, что бог не настолько щедр на чудеса, чтобы совершать их по всякому случаю. Естественный ход природы не меняется, не останавливается и не убыстряется, если этого не требует какое-либо серьезное намерение, приличествующее божественной мудрости и величию. И действительно, при помощи *Писания* и *разума* мы узнаем, что ни одно *чудо* никогда не совершалось без какой-либо особой и важной цели, либо обозначенной теми, для кого оно совершается, либо задуманной и провозглашенной тем, кто его совершает. Если *апостолы* на глазах у всех исцеляли слепых, глухих, хромым, умерших, это, безусловно, обеспечивало им необычайное уважение, а в некоторых местах также и божественное поклонение, как произошло это с *Павлом* и *Варнавой* в *Листре*, когда они исцелили хромого от рождения без каких-либо предшествующих исцелению обрядов (Деян. 14. 11 и далее); но это было лишь средством привлечь внимание идолопоклонников к тому учению, которое они собирались проповедовать в их городе. И в *Новом завете* упоминаются только такие чудеса, которые служили утверждению авторитета тех, кто их творил, чтобы обратить внимание на учения *Евангелия* или для иных подобных мудрых и разумных целей.

74. В соответствии с данным установлением прославленные подвиги *домовых* и *фей, ведьм* и *чародеев* и все *языческие чудеса* должны считаться вымышленными, пустыми и суеверными баснями, ибо во всех них не выявляется никакой цели, заслуживающей изменения в *природе*. Кроме того, они очевидно противоречат нашей идее бога и совершенно подрывают его божественный промысел. С их помощью дьявольские обманы получили бы одинаковое подтверждение наравне с божественным откровением, так как *чудеса* совершались бы в пользу и того и другого. Более того, *чудеса* дьявола и его прихвостней бесконечно превосходили бы по количеству и качеству чудеса, творимые богом и его слугами; послед-

нее утверждение должно быть правильным, если верить даже только тем историям, которые самым тщательным образом засвидетельствованы в каждом графстве *Англии*, не говоря уже о более легковверных народах; ибо легко заметить, что, чем более невежественными и варварскими остаются люди, тем более, как вы обнаружите, у них в самом широком ходу рассказы такого рода, и они гораздо больше трепещут перед *Сатаной*, чем перед *Иеговой*. Короче говоря, в таком случае *язычники* были бы прикованы к своему *идолопоклонству*, а самая отвратительная ведьма или самый жалкий астролог были бы равны пророкам и апостолам. Но зачем нужно подводить такие серьезные основания под опровержение чистого вымысла? Ибо я бросаю вызов любому — приведите один пример этих лживых чудес, содержащий все подлинные признаки исторической достоверности, и я в то же время осмелюсь заняться доказательством правильности как *Корана*, так и *Евангелия*, если мне будет разрешено верить в любые *чудеса*, за исключением божественных. Но те, кто так прилежно лелеют веру в эти чудеса, должно быть, извлекают какую-то выгоду из суеверного страха людей.

75. После всего отмеченного выше мне нет необходимости добавлять, что все *чудеса*, совершаемые втайне или только среди тех, на пользу и к выгоде которых обращается вера в них, должны быть отвергнуты как подделка и ложь; ибо, раз таковые не могут вынести испытания моральной несомненностью, они противоречат самой цели чудес, которые всегда совершаются для убеждения неверующих. Однако только *писцы* должны быть свидетелями их собственных *чудес* и никогда — *еретики*, которых они обращают в свою веру при их помощи; не менее нелеп их обычай подтверждать одно чудо другим, например *пресуществление* — несколькими другими чудесами.

76. Из всего этого, вместе взятого, следует: ничто противоречащее разуму, имеется ли в виду само действие или его цель, не является *чудесным*. Но есть одна добрая старая отличительная черта, которая годится на все случаи жизни. Некто говорит: хотя *чудеса* не противоречат разуму, они, безусловно, выше его. В каком смысле, боже? Что выше разума — само явление или

способ совершения его? Если ответят — последнее, то, очевидно, по мнению моего оппонента, я имею в виду под *чудом* какой-то философский эксперимент или какой-то *феномен*, который удивляет только своей редкостью. Если бы я мог сказать, *как* совершенно *чудо*, то, полагаю, мог бы и сам сделать то же самое; но если о чем-либо можно сказать, что его сделали таким-то или таким-то образом, то оно вообще не является *чудом*. Следовательно, достаточно будет доказать истинность действия и возможность его совершения любым существом, способным управлять природой путем мгновенного выделения, смягчения, смешения, вливания, уплотнения и т. п.; при этом, может быть, ему придется осуществлять тысячи подобных действий сразу, ибо чудеса совершаются в соответствии с законами природы, хотя они выше ее обычных действий, которым, следовательно, помогают сверхъестественные силы.

77. Но, наконец, скажут, что в начале своей книги, в главе «*Состояние вопроса*», я утверждал, что объяснению поддаются как сама вещь, так и образ действия ее или способ ее совершения. Но о чем шла речь? О *чудесах*? Конечно же, нет; а о тех *догматах*, в подтверждение которых совершаются *чудеса*. Это я по-прежнему продолжаю утверждать и могу добавить, что, надеюсь, я это тоже ясно доказал. Но сказать так о *чудесах* значило бы вообще не считать их *чудесами*, что показывает слабость и неуместность этого возражения.

Глава 6. Когда, почему и кем были введены в христианство тайны

78. *Поскольку конец закона — праведность* (Рим. 10. 4), *Иисус Христос пришел не нарушить, но исполнить его* (Мат. 5. 17); ибо он ясно и полно проповедовал самую чистую нравственность, он учил тому разумному богослужению и тем правильным понятиям о небесах и небесном, которые, хотя и более туманно, были обозначены или намечены законоположениями. Освободив таким образом истину от всех тех внешних символов и обрядов, которые ранее затрудняли ее понимание, он

сделал ее легкой и очевидной для людей самых ограниченных способностей. Его ученики и последователи в течение довольно значительного времени придерживались этой простоты, хотя среди них очень рано начали получать распространение различные заблуждения. Обращенные в христианство *иудеи*, которые по-прежнему продолжали очень любить свои *левитские* обряды и праздники, охотно сохраняли их и в то же время были христианами. Таким образом, то, что вначале лишь снисходительно терпели у более слабых братьев, впоследствии стало частью самого *христианства* под прикрытием *апостольского* предписания или традиции.

79. Но это было ничто по сравнению с тем ущербом, который причинили религии *язычники*. Поскольку среди новообращенных христиан их было гораздо больше, чем *иудеев*, то и заблуждения, которые они приносили с собой, имели более опасное влияние из-за их всеобщего распространения. Так как за всю свою жизнь они привыкли к пышным обрядам и тайным *мистериям* бесчисленных богов, их очень шокировало простое одеяние *Евангелия*, замечательная доступность тех учений, которые в нем содержались. С другой стороны, *христиане* не преминули устранить все препятствия, стоявшие на пути обращения *язычников*. Они полагали, что самый действенный путь привлечения язычников на свою сторону состоял в том, чтобы идти на компромиссы, а это привело их к ничем не оправданным уступкам, пока в конечном итоге они тоже не ввели *тайные обряды*. Однако поскольку в *Евангелии* они не могли найти ни малейшего прецедента каких-либо обрядов, за исключением *крещения* и *причащения*, они удивительным образом изменили и преобразовали их, добавив к ним языческие мистические обряды. Они совершали их в строжайшей тайне, а чтобы ни в чем не уступать своим противникам, никому не разрешали присутствовать при этом, за исключением тех, кто был предварительно подготовлен или *посвящен*. А для того чтобы внушить своим *новообращенным* самое страстное желание участвовать в этих обрядах, они объявили, что столь тщательно скрываемое ими есть *ужасная и невыразимая тайна*.

80. Таким образом, чтобы *простота*, благороднейшее украшение истины, не вызвала презрения к *хри-*

стианству у неверующих, его поставили на одинаковую основу с *мистериями Цереры* и *оргиями Вакха*. Глупая и неверная затея! Как будто самые нечестивые суеверия могли быть освящены именем *Христа*! Но *таковы всегда плоды* расчетливых и снисходительных условий обращения в новую РЕЛИГИЮ, при помощи которых гонят-ся главным образом за числом верующих, а не за искренностью их веры.

81. Сразу же после того, как философы сочли, что в их интересах стать христианами⁸⁷, дела с каждым днем пошли все хуже и хуже, ибо они не только сохранили атмосферу, дух, а иногда даже и оболочку своих различных сект, но к тому же и большую часть своих ошибочных воззрений. И когда они сделали вид, что применяют свою философию для защиты христианства, то настолько перемешали их друг с другом, что вещи, прежде всякому очевидные, теперь действительно стали понятными только людям ученым, которые сделали их еще менее очевидными при помощи своих сутяжнических диспутов и хитрых, но бессодержательных тонкостей. Мы не должны забывать, что философы стремились занять среди христиан не менее видное положение, чем то, которое они ранее занимали среди язычников; но они вряд ли смогли бы этого добиться, если бы не сделали все непонятным, вводя особые выражения или применяя какие-либо иные средства, и тем самым не превратили себя в единственных правомочных толкователей религии.

82. Эти заблуждения стали почти неизлечимыми, когда верховный правитель стал открыто поощрять христианскую религию⁸⁸. Тогда огромное число людей объявило себя последователями веры императора только для того, чтобы польстить ему и тем самым поправить свое положение, либо чтобы сохранить те должности и привилегии, которыми они уже обладали. Эти люди в глубине души оставались язычниками; и можно легко себе представить, что они принесли все свои старые предрассудки с собой в новую религию, которую приняли исключительно из соображений политики. И так происходит всегда, когда совесть не убеждают, а насилуют.

83. Ревностные императоры воздвигли величественные церкви и передали в пользование христианам язы-

ческие храмы, святилища, капища, часовни, предварительно очистив их от скверны язычества и тем самым искупив грехи, а также поместив в них знак креста, чтобы удостоверить их принадлежность Христу. Все их доходы и привилегии, включая бенефиции священнослужителям, жрецам, прорицателям и всему святому племени, были переданы христианскому духовенству. Более того, даже их одеяния, такие, как белые полотняные епитрахили, митры и тому подобное*, были сохранены якобы для того, чтобы незаметно изменить тех, кто не мог примириться с христианской простотой и бедностью. Но в действительности скрытой и главной целью было ввести богатство, пышность и звания для духовенства, которые незамедлительно последовали за этим.

84. Учитывая такое состояние вещей и то обстоятельство, что обряды крещения и причащения были весьма существенно расширены, не будет неуместным, прежде чем я пойду дальше, кратко провести параллель между древними языческими мистериями и новоиспеченными христианскими таинствами. И я попытаюсь сделать это таким образом, чтобы стала очевидной одинаковость их природы, как бы ни были различны их предметы.

85. Во-первых, обе системы употребляли совершенно одни и те же выражения без каких-либо изменений. Обе они использовали слова посвящение и совершенствование. Обе называли свои мистерии миесеис, телеиосеис, телеиотика, епоптеиаи и т. д. (Μυήσεις, Τελειώσεις, Τελειωτικά, Εποπτειαί).

Обе считали посвящение своего рода обожествлением. И обе называли своих священнослужителей мистагог, мистес, иеротелестес и т. п.

86. Во-вторых, подготовка к посвящению была у них одинаковой. Язычники применяли различные омо-

* * *

* ...Non discolor ulli Ante aras cultus; velantur corpora lino, Et Pelusiaco praeifulget stamine vertex. *Sil. Ital.*, lib. 3, v. 23⁸⁰. Alba decet Cererem vestis; Cerealibus albam Sumite ... *Ovid. Fast.* l. 4, v. 619⁸⁰. Color autem Albus praecipue decorus Deo est, tum in caeteris, tum maxime in Textili. *Cic.*, l. 2, de Leg., cap. 18⁸¹. Греческий текст. *Lucian. De Deae Syriae Sacerdotibus*⁸². Linigeri fugiunt Calvi, sistrataq; turba. *Martial.*, l. 12, Ep. 29⁸³.

вения и очищения*^{*}; они постились**^{**} и воздерживались от сношений с женщинами***^{***} перед обрядом посвящения, хотя более мудрые люди и смеялись над теми, кто полагал, будто подобные действия могут искупить грехи или умиротворить небо****^{****}. Но отцы церкви, возбуждавшие восхищение отцы церкви, подражали им во всем этом, и таким образом было положено начало воздержанию от определенных видов мяса, вашим притворным ежегодным постам и безбрачию духовенства.

87. В-третьих, христиане держали свои тайные обряды в таком же секрете, как и язычники — свои. Хризостом говорит: «Мы закрываем двери, когда совершаем свои тайные обряды, и не допускаем на них непосвященных»*****^{*****}. Василий Кесарийский заверяет нас, что уважение к тайным обрядам поддерживается только благодаря молчанию*****^{*****}. А Синезий говорит, что языческие мистерии совершались ночью, потому что почитание их основывается на невежестве людей относительно их*****^{*****}. Но почему же, добрый Синезий, заслуживает порицания у других то, что вы допускаете в своей собственной среде? Или у христиан больше прав на тайные обряды, чем у язычников?

* * *

* Sacerdos stipatum me religiosa cohorte deducit ad proximas balneas, & prius sueto lavacro traditum, praefatus Deum veniam, purissime circumrorans abluit. *Apul.*⁹⁴ Haec sanctè ut poscas, Tiberino in gurgite mergis Manè caput bis terque, noctem Flumine purgas. *Pers.* Sat. 2, v. 15⁹⁵. Ter caput irrorat, ter tollit in aethera palmas. *Ovid. Fast.*, l. 4, v. 315⁹⁶.

** Греческий текст. *Clem. Alex.*, pag. 13. *Arnob.*, lib. 5⁹⁷.

*** Vos quoque abesse procul jubeo, discedite ab aris, Quis tulit hesterni gaudia nocte Venus. *Tibul.*, l. 2, Eleg., l. v. 11⁹⁸. Casta placent superis, pura cum veste venite, Et manibus pueris sumite fontis aquam. *Tibul. ibid.*, v. 13⁹⁹.

**** Omne nefas, omnemque mali purgamina causam credebant nostri tollere posse senes. *Ovid. Fast.*, l. 1, v. 35¹⁰⁰. Ah nimium faciles qui tristia crimina caedis, Fluminea tolli posse putatis aqua! *Idem ib.*, v. 45¹⁰¹.

***** Греческий текст¹⁰².

***** Греческий текст¹⁰³.

***** Греческий текст. *De providen. Sect.* 2¹⁰⁴.

88. В-четвертых, отцы церкви проявляли чрезвычайную предусмотрительность и в присутствии неверующих или новообращенных не говорили понятно и ясно о своих тайнах; отсюда в их писаниях часто встречаются такие или им подобные выражения: «Посвященные знают, посвященные понимают, что я говорю»*. И подобно тому как язычники особым возгласом** всегда изгоняли всех непосвященных со своих мистерий, так и дьяконы раннехристианской церкви перед обрядом крещения, но главным образом перед причащением громогласно восклицали***: «Проходите все вы, новообращенные; выйдите все, кто не посвящен!» — или что-либо в этом роде, потому что они часто меняли форму обращения. У Кирилла Иерусалимского есть один текст, исключительно подходящий для нашей цели: «Далее, когда разучивается катехизис, если новообращенный спрашивает тебя, что говорят учителя, ни в коем случае не объясняй этого тому, кто не посвящен, ибо мы доверяем тебе тайну и надежду на будущую жизнь. Храни тогда эту тайну для того, кто вознаграждает. И если кто-либо тебе скажет: какой вред будет от того, что я тоже ее узнаю, ответь ему, что, подобно этому, больные хотят вина. Но если кому-нибудь дать его неразумно, оно приводит его в неистовство, и тем самым совершается двойное зло: и больной погибает, и врач унижен. Таким образом, если новообращенный слышит эти вещи от кого-нибудь из верующих, он тоже приходит в неистовство, ибо, не понимая услышанного, он спорит с ним и смеется над тем, что ему говорят. Поэтому верующий, сказавший ему это, осуждается как человек, выдавший секрет. Так как ты один из нас, берегись, не выбалтывай ничего: не то чтобы говоримое нами недостойно произнесения, но другие недостойны слышать его. Когда ты сам был новообращенным, мы никогда не говорили тебе, что предлагалось. Но когда ты на опыте узнаешь

* * *

* Norunt initiati. August. in locis pluribus¹⁰⁵. Греческий текст. Chrysostom¹⁰⁶.

** Греческий текст. Orphicus, Lucianus, etc.¹⁰⁷

*** Греческий текст¹⁰⁸.

возвышенность проповедуемого, тогда *убедишься, что новообращенные недостойны слышать их*»*.

89. В-пятых, ступени и степени в обоих их посвящениях одинаковы. У язычников было пять степеней, необходимых для достижения совершенства: во-первых, *общее очищение*; во-вторых, *более тайное очищение*; в-третьих, *право стоять среди посвященных*; в-четвертых, *посвящение* и, наконец, *право видеть все*, или быть *эпоптами***.

У христиан тоже было пять степеней, в соответствии с которыми их раскаявшиеся грешники вновь допускались к причастию. Сначала они должны были в течение нескольких лет держаться отдельно от церковной общины, оплакивая свои грехи, откуда эта

ступень называлась *проклаусис* (Προκλαυδῖς). Во-вторых, их подпускали поближе к [посвященным] людям, где в течение трех лет они могли слышать священников, но не видеть их; эта ступень в силу упомянутого назы-

валась *акроасис* (Ακροαδῖς). В-третьих, еще в течение трех лет они могли слышать и видеть священников, но не могли смешиваться с церковной общиной; этот период назывался *гипоптосис* (ὑποπρωσις). В-четвертых, им разрешалось стоять со всеми [посвященными] людьми,

но не причащаться; это был их *систасис* (Συστασις). И в-пятых, их допускали к причастию, что называлось *ме-*

тексис (Μεθεξις). Когда новичков готовили к участию в тайных обрядах, их тоже вначале называли *новообращенными*; затем *полноправными* и, наконец, *эпоптами, достигшими совершенства, или верующими*, что и по названию, и по значению представляет собою те самые ступени, которые *Пифагор*¹¹¹ установил для своих учеников.

90. Эту параллель я мог бы еще долго продолжать и дальше, но и сказанного достаточно, чтобы показать, как в христианстве появились тайны и тайные обряды и как такое божественное установление из-за хитрости и честолюбия священников и философов унизилось до простого язычества.

91. В первое столетие после Христа тайна не смогла сколько-нибудь широко внедриться в христианство; но во второе и третье столетия она начала утверждать

* * *

* Cyril Hierosol. Praefat. in Cateches 109.

** Греческий текст. Olympiodor 110.

себя с помощью *обрядов*. Тогда к *крещению* были добавлены вкушание молока и меда *, миропомазание **, осеменение крестным знаменем, белое одеяние и т. д. Вслед за этим быстро последовали исповедь, предшествующие богослужению посты и бдения, целования и определенное время для отправления службы. После *крещения* они целую неделю не мылись ***, что в точности соответствует суеверному обычаю язычников, никогда не снимавших одеяние, в котором они получали *посвящение*, пока оно не превращалось в лохмотья ****. Затем были добавлены причащение крестящихся солью и вином и второе помазание, с наложением рук. В более же поздние времена не было конца светильникам, заклинаниям, изгнаниям бесов при крещении с помощью вдуваний из уст священника и многим другим нелепостям иудейского или языческого происхождения. Из этого источника возникли у христиан не только вера в *предзнаменования, приметы, видения*, обычай *хоронить*, насыпая три лопаты земли ******, вместе с другими грубыми обрядами, но и *светильники, праздники* или *дни святых, освящения, скульптуры и иконы*, вознесенные молитв, обратясь лицом к востоку ******, *алтари, музыка, посвящение церк-*

* * *

* Denique ut a Baptismate ingrediari, aquam adituri ibidem, sed & aliquanto prius in ecclesia sub Antistitis manu, contestamur nos renunciare Diabolo, & pompae, & angelis ejus. Dehinc ter mergitamur, amplius aliquid respondentem quam Dominus in Evangelio determinavit. Inde suscepti lactis & mellis concordiam praegustamus; ex eaque die Lavacro quotidiano per totam Hebdomadam abstinemus. *Tertullian* ¹¹².

** Egressi de Lavacro perungimur benedicta Unctione, etc. *Ib.*, pag. 226 ¹¹³.

*** *Tertul.* in loco citato ¹¹⁴.

**** Греческий текст. *Scholiast.* in *Plut. Aristophan* ¹¹⁵.

***** Priusquam in eos (scil. mortuos) injecta Gleba est, Locus ille, ubi crematum est corpus, nihil habet Religionis: Anglicè, До совершения обряда эта земля не считается освященной. *Cic.*, 1. 2. de *Leg.*, cap. 22 ¹¹⁶.

Archytas naufragus, praetereuntem exorans ne se insepultum relinquat, sic preces absolvit apud Horatium: Quanquam festinas, non est mora longa: licebit, Injecto TER pulvere, curras. Lib. I, Od. 28, v. 35 ¹¹⁷.

***** His Dea placanda est, haec tu conversus ad ortum Dic quater; & vivo perlue rore manus. *Ovid.* *Fast.*, 1. 4, v. 777 ¹¹⁸. Греческий текст. *Lucian* ¹¹⁹.

вей какому-либо святому, а в них — определенные отдельные места для *мирян* (как они говорят) и *духовенства*, ибо ничего подобного нет в писаниях апостолов, но все это открыто содержится в книгах язычников и составляло суть их богослужения.

92. Все обряды *причащения*, которые было бы слишком утомительно перечислять, постепенно вводились подобным же образом. Так, стремясь сделать самые очевидные в мире вещи внешне *таинственными*, совершенно исказили и разрушили их природу и применение, и даже самые тщательные Реформации в *христианском мире*¹²⁰ не восстановили их еще полностью. Но мы не должны забывать, что, по признанию самого Тертуллиана, для частого использования ими *крестного знамения* и других обрядов *крещения*, для их стремления не допустить, чтобы ни капли *вина* и ни крошки *хлеба* не упало на землю, или получать хлеб и вино только из рук *священника* и никого больше, и для тому подобных обрядов у них не было ни малейших оснований ссылаться на авторитет *Писания*, а только на *обычай* и *традицию* *.

93. Теперь, когда мотивом, побудившим *духовенство* раннехристианской церкви возродить *тайну*, стала их собственная польза, они с помощью *тайны* быстро возвысились и создали отдельное сословие, а затем различные ордена и титулы, хотя и не так скоро. Ибо в течение первых двух столетий мы не встречаем ни *подъячих*, ни *псаломщиков*, ни тому подобных лиц, еще гораздо реже встречаются имена или духовные звания *пап*, *кардиналов*, *патриархов*, *митрополитов*, *архиепископов*, *примасов*, *викарных епископов*, *архидьяконов*, *деканов*, *канцлеров*, *викариев* или их многочисленных подчиненных и лиц, составлявших их свиту. Но в короткий срок *тайна* проложила путь и им, и разным другим узурпаторам прав людей под видом *работников в винограднике господнем*.

94. Предписания и установления, касавшиеся *обрядов* и *послушания* и имевшие целью увеличить пыш-

* Harum & aliarum ejusmodi Disciplinaryum, si legem expostules Scripturarum, nullam invenies; Traditio tibi praetenditur auctrix, Consuetudo confirmatrix, & Fides observatrix¹²¹.

ность этого нового состояния церкви, действительно необычайно подействовали на умы невежественных людей, ошеломили и поразили их, заставили их поверить, что священники действительно по-настоящему серьезно являются посредниками между богом и людьми, могут придать святость определенным периодам времени, местам, лицам или действиям. Они казались совершенно иным, более божественным видом существ, отличающимся от других людей своим *одеянием*, своей манерой жить на *десятину* и *пожертвования*, своим *особым местом* в церкви и еще разными другими чертами. При помощи этого средства *духовенство* было в состоянии делать все что угодно; в конечном итоге оно завладело исключительным правом толковать *Писание* и вместе с ним провозгласило *непогрешимость* своего сословия.

95. Таково истинное происхождение и развитие *христианских тайн* и мы можем заметить, какую огромную роль в их установлении сыграли *обряды*. Они всегда отвлекают ум от сущности *религии* и ведут людей к опасным ошибкам: поскольку *обряды* легко отправлять, то каждый, кто строго их соблюдает, считает себя достаточно религиозным. Но нет ничего более противоположного друг другу по самой своей природе, чем *обряд* и *христианство*. Последнее обнажает суть религии перед всем миром, а первый подает ее под прикрытием мистических представлений, имеющих лишь произвольно установленное значение.

96. Тогда очевидно, что *обряды* не объясняют, а ставят в тупик; но если предположить, что они облегчают понимание вещей, тогда наилучшей религией будет та, в которой обрядов больше всего, ибо они обычно в равной мере указывают на что-то и им всем можно придать определенное значение. Свеча, которую дали в руки принимающим *крещение* для обозначения света Евангелия, в такой же мере представляет собою *обряд*, как и начертание знака креста у них на лбу как символа признания Христа их господом и спасителем. Вино, молоко, мед символизируют духовную пищу, силу и радость в такой же мере, в какой вставание при произнесении *слова божьего* означает нашу готовность слушать или проповедовать его.

97. Короче говоря, ничто не вызывает большего *религиозного исступления*, чем окружение религии подобными глупостями; и нет ничего более низкого, чем при помощи этих мошеннических уловок лишать *Евангелие* всякого значения, если только оно в определенной мере не служит интересам какой-либо церковной партии. Но у меня будет более подходящая возможность тщательно рассмотреть вопрос об *обрядах* в другом месте. Я говорю здесь о них только в том отношении, что они составляли *языческие тайны*, а впоследствии были введены в христианство и стали тайнами *христиан*. Но так как из-за огромного числа последних все тайные обряды быстро стали почти невозможными, то для сохранения *тайны* все было намеренно сделано абсолютно непонятным или же совершенно запутанным. В этом отношении наши притворные *христиане* превзошли всех *язычников*, ибо тайны последних могли быть разоблачены благодаря возможности их раскрыть или из-за болтливости языка любого посвященного лица. Но новые *тайны* были тем самым надежно поставлены вне пределов досягаемости всякого чувства и разума. Более того, *духовенство* настолько подозрительно относилось к своему собственному сословию, опасаясь чтобы кто-нибудь из них не раскрыл безбожно эти возвышенные тайны нечестиво любопытным *мирянам*, что оно сочло правильным поставить понимание тайн вне пределов досягаемости в равной мере и самого святого племени, и нас, и так это продолжается в основном и до сего дня.

Заключение

Таким образом, я попытался показать другим то, в чем сам я полностью убежден, а именно что в *христианстве*, или самой совершенной *религии*, нет *тайн* и что, следовательно, в *Евангелии*, если оно действительно слово божие, не может содержаться ничего *противоречивого* или *непостижимого*, даже если оно объявлено *догматом веры*. Ибо я до сих пор рассуждал только на основе этого предположения по причинам, которые изложены в конце предисловия.

Несмотря на все утверждения противоположного характера, которые могут быть сделаны, очевидно, что ни один конкретный *пример* и ни одно *учение* любого вида не могут служить убедительным возражением на данный *трактат*. Ибо если его обоснование правильно, то, какой бы *пример* ни приводился, непременно обнаруживалось бы, что либо он не содержит *тайны*, либо (если бы *тайна* была доказана) что она дана не в божественном *откровении*. Я не вижу третьего пути. Когда тексты Писания, использованные мною в подтверждение моих положений, будут либо приведены в согласие с такими текстами, которые любой может выдвинуть против меня, либо в результате доказательства объявлены непонятными мною; когда мои доводы против всех *непостижимых тайн* и о нелепости того утверждения, что бог дал их в *откровении*, будут опровергнуты, тогда наступит пора для других привести *примеры*, а для меня — рассмотреть их. Убедив людей, что *все части их религии должны быть не только сами по себе разумны и понятны, но и должны казаться им таковыми*, я мог бы по справедливости оставить каждого наедине с самим собою, чтобы он мог открыть для себя разумность или неразумность своей религии (что нетрудно, если люди уже убеждены в своем праве так поступить). Однако мой долг перед *богом* и людьми заставляет меня идти дальше, насколько позволяют мне здоровье и досуг, не ограничивая себя во времени, ибо это такая вещь, которой человек не властен распоряжаться по своему усмотрению.

Вследствие чего моя следующая задача — доказать (если поможет бог), что догматы *Нового завета* понятны, возможны и целиком достойны бога, также направлены все на величайшее благо человека. Весьма вероятно, что некоторые не поблагодарят меня за столь полезное предприятие, а другие объявят меня законченным *еретиком* за уже совершенное мною. Но так как мои действия направляет долг, а не чье-либо одобрение, то, бог мне свидетель, я придаю этой дешевой и нелепой кличке *еретик* не больше значения, чем до меня придавал апостол *Павел* (Деян. 24. 14): ибо я не признаю иной *ортодоксии*, кроме *истины*; и я уверен, что там, где *истина*, всегда должна быть также *церковь* — я имею в

виду церковь, посвященную богу, а не какой-либо группе людей или направлению в политике. Кроме того, поскольку в наши дни, как и во времена *Ириния* и *Епифания* ¹²², из-за невежества, пристрастия и злобы обвинения в *ереси* столь же щедро выносятся по малейшему поводу, во многих случаях это не упрек, а величайшая честь, какую только можно себе представить.

Некоторые добрые люди, возможно, склонны заявить, что, даже если допустить совершенную справедливость моего мнения, оно тем не менее может принести большой вред, потому что, когда люди обнаружат, что их обманывают в какой-то части *религии*, они готовы всю ее подвергнуть сомнению. Здесь мне явно вменяется в вину преступление, которого я не совершал, и моя цель ни в коей мере не становится менее благородной оттого, что злонамеренные люди искажают ее так же, как они часто поступают с *ученостью, разумом, Писанием* и другими самыми лучшими в мире вещами. Но все видят, что именно *противоречия* и *тайны*, несправедливо приписываемые *религии*, вынуждают так много людей становиться *деистами* и *атеистами*. И в равной мере следует принять во внимание и то, что, если некоторые люди, незнакомые с *истиной*, ослеплены ее внезапным блеском, их число несравнимо с теми, кто ясно видит при ее свете. Когда во время *Реформации* были столь откровенно разоблачены козни *духовенства* и несколько человек стали *вольнодумцами* и *атеистами*, разве можно винить за это *Лютера, Кальвина* или *Цвинг-ли*? ¹²³ Или что было для них более важно — эти несколько предубежденных *скептиков* или же тысячи, которых они отвратили от суеверий *Рима*? Поэтому я выступаю за то, чтобы ни под каким предлогом не щадить *заблуждений*; и можете быть уверены, что всегда, когда имеется возможность разоблачать их и показывать их истинное лицо (а я в состоянии это сделать), я так и поступаю, не ослабляя действенности своих усилий околичностями или смягчением резкости суждений.

FINIS

Д. Толанд
Письма к Серене
Письмо третье
Происхождение
идолопоклонства
и причины
возникновения
язычества

1. Я чувствую себя вдвойне обязанным, сударыня, сообщить Вам свои мысли о происхождении идолопоклонства как в силу данного мною устного обещания, так и в силу того, что я уже после этого написал Вам письмо, в котором говорил о взглядах язычников на бессмертие души¹. Но не ждите от меня ни рассказа о всех древних суевериях, для чего потребовалось бы много томов, ни подробного изложения какой-нибудь религии. Я только постараюсь показать, как человеческий разум мог настолько помрачиться, чтобы дойти до мысли об иерархии божеств, как впервые возникло поклонение многим богам и что побудило людей воздавать божеские почести своим собратьям на земле или на небесах. Затем я объясню вымыслы язычников на основании общих, твердо установленных принципов, постараюсь выяснить происхождение их храмов, жрецов и алтарей, изображений и статуй, их оракулов, жертвоприношений, праздников, очистительных обрядов, астрологии, веры в духов и привидения. Я расскажу также о вере в духов-покровителей той или иной местности, о народах, представлявших рай над нами и ад под нами, а также о других подобных верованиях, часто встречающихся у греческих и римских писателей. Я мог бы без особого труда неоспоримо доказать, что «у егип-

тян впервые, задолго до других народов, появились начатки различных религиозных верований» (цитирую Аммиана Марцеллина²) и что «в их тайных писаниях содержится история происхождения священных обрядов»*; но я не хочу утомлять Вас повторением того, что уже сказал по этому поводу в предшествующем письме на основании свидетельств Геродота, Диодора Сицилийского, Лукиана, Диона Кассия, Макробия и др.³ Не буду также настаивать на том, что из Пятикнижия ясно видно, что магия, толкование снов, астрология и некромантия практиковались в Египте задолго до того, как стали известны в Халдее или где бы то ни было.

2. Древнейшие египтяне, персы и римляне, первые еврейские патриархи и многие другие народы и племена не знали ни священных изображений и статуй, ни особых мест и пышных обрядов богослужения. Полная непринужденность их культа лучше всего соответствовала простоте божественной сущности, как его несвязанность с местом и временем служила наилучшим выражением бесконечной мощи и вездесущности бога. Но если «бог создал людей бесхитростными, то сами они (говорит мудрейший царь Израиля) измыслили множество выдумок»**. И в самом деле, стоит только человеку вступить на путь вредных или своевольных привычек, и он уже будет идти по нему все дальше, потому что остановить его может только довод, равносильный действию этих привычек. Мне кажется, я мог бы без особого труда доказать, что те, кто первыми посягнули на свободу людей, были также первыми извратителями их разума. Ибо никто, находясь в здравом уме, не согласится добровольно отдать свою свободу; и тот, кто хочет насильно отнять ее, должен сначала подкупом или обманом привлечь на свою сторону очень многих, чтобы, усилившись таким образом, обольстить, запугать и подчинить себе других. Поэтому надо думать, что людям очень рано были внушены такие же представления о самом боге, какие у них сложились до того об их земных государях. И, вообразив себе подобным образом бога непостоянным, ревнивым, мстительным и своевольным,

* * *

* *Amm. Marcel.*, XXII.

** *Eccl.*, VII, 29⁴.

они старались добиться его милости таким же путем, каким угождали тем, кто выдавал себя за его представителей и наместников, а то даже за самих богов или за их потомков, как это обыкновенно делали древние монархи.

3. Из древнейших исторических свидетельств можно заключить, что все суеверия были вначале связаны с культом умерших и имели свой главный источник в погребальных обрядах. Причем поводом для их возникновения были весьма невинные и даже похвальные обстоятельства: это были надгробные слова, с которыми иногда обращались к самим покойникам (вроде египетских величаний), или статуи, которые торжественно посвящались их памяти. Но льстецы, превозносившие владык перед лицом их преемников, чрезмерная привязанность к усопшим их друзей и родных, выгоды, извлекавшиеся жрецами из легковерия простого народа, продвинули это дело гораздо дальше. Не только цари и царицы, великие полководцы и законодатели, столпы учености, замечательные деятели в области искусств и творцы полезных изобретений удостоивались посмертных почестей, но и обыкновенные люди, отличавшиеся от других своей добродетельной жизнью, часто становились предметом благочестивого и вечного поминания па их родине или среди их родных.

В этом истинная причина того (как мы покажем в соответствующем месте), что у всех народов были свои боги-покровители (*divi indigetes*), и отсюда же произошли особые религиозные культы отдельных семейств (*sacra gentilitia*). Плиний⁵ во второй книге своей «Естественной истории» говорит, что «древнейший способ, каким люди выражали признательность своим благодетелям, заключался в их обожествлении после смерти»* и что «различные названия богов и звезд происходят от достойных человеческих дел»**.

Первоначальное идолопоклонство возникло, таким образом, не под влиянием красоты, порядка или воздействия небесных светил (как обыкновенно полагают),

* * *

* То же самое утверждают Цицерон (*De nat. deor.*, II, 24)⁸ и некоторые авторы до него.

** *Plinius*, *Nat. hist.*, II, 19.

а вследствие того, что люди, как я показал в предыдущем письме, видя, что книги гибнут от огня, червей или тления и что железо, медь и мрамор не менее подвержены силе человеческих рук и разрушительному влиянию стихий, стали называть звезды как единственно вечные памятники в честь своих героев или каких-нибудь замечательных событий своей истории. Эратосфен из Кирены⁶, очень древний философ, обладавший громадными познаниями во всех науках, написал дошедшую до нас книгу о созвездиях, где объясняет их названия, которые имеют непосредственное отношение к древней истории, хотя и искаженной временем и по большей части превращенной в чистый вымысел. Ученейший г-н Леклерк⁷, поместив среди прочих статей по мифологии изложение книги Эратосфена в восьмом томе «Всеобщей и исторической библиотеки», написал следующую эпиграмму:

Древность, предвидя, что медь и камень не смогут бороться
С грозной работой стихий, все разметающей в прах,
Мудро грядущим векам завещала в горящих на небе
Неугасимых огнях летопись жизни своей.

В других местах он выражает свое полное согласие с таким взглядом на происхождение названий звезд и в том же журнале объясняет некоторые мифы с этой точки зрения. Разные народы, перенимая друг у друга этот обычай, соответственно изменяли небесную картину, ибо каждый называл небесные тела по именам героев и событий своей собственной страны. Это видно при сравнении небесной картины греков и варваров, и по этой же причине критяне утверждали, что «большинство богов родилось среди них, будучи людьми, которые за свои благодеяния обществу удостоились бессмертных почестей»*, ибо они считали греческих богов богами всего человечества и не знали, что в других местах такой способ наименования созвездий и обожествления великих людей практиковался задолго до того, как он был введен у них. И среди христиан нашелся человек, который, одобряя сам метод, пытался уничтожить суще-

* * *

* *Diod. Sic.*, V 9.

ствующие языческие названия, как непонятные и потерявшие всякое значение для нас, и взамен дать звездам новые имена из истории Ветхого и Нового заветов. Но так как эта мысль не имела успеха у астрономов, то и не будем останавливаться на ней. Наконец, люди, не знающие истинных причин поклонения звездам или считающие эти причины недостойными, старались вывести его (впрочем, как я покажу, неубедительно) из бесконечного и стройного вращения, чудесного блеска и общей полезности Солнца, Луны и прочих планет и звезд. Это же дало философам повод объяснять движение планет действием разумных духов, пребывающих на них и постоянно руководящих их течением, и отсюда пошел обычай изображать Солнце и Луну в виде лица с глазами, носом и ртом.

4. Представление о двенадцати великих богах возникло из некоторых преданий, связанных с двенадцатью знаками зодиака; и точно так же семь планет носят имена семи богов, которым были посвящены и дни недели, считавшиеся, впрочем, более или менее священными и счастливыми, смотря по характеру и достоинству соответствующего бога. Таким образом, египетское разделение времени на месяцы и недели и предания, которые египтяне стремились увековечить при помощи звезд, породили наиболее важных языческих богов. Отсюда весьма естественным путем возникла астрология, ибо, как будет показано ниже, народ, веря, что боги общаются со жрецами, которых он считал столь же способными предсказать любую тайну, так как предсказывали затмения, искал у них совета по поводу всего, чего желал или опасался. Постоянное колебание человеческой души между надеждой и страхом есть одна из главнейших причин суеверия; не будучи в состоянии предвидеть то, что для них всего важнее, люди от неумеренных надежд переходят к столь же неумеренным страхам, и это заставляет их принимать за доброе или дурное предзнаменование все, что с ними случалось когда-нибудь прежде при удаче или неудаче, а также прислушиваться к каждому совету, обращаться к прорицателям и астрологам. Совершенно то же мы наблюдаем у больных, которые часто предпочитают знахаря лучшему врачу и смехотворные заговоры превос-

ходнейшему лекарству. Плиний говорит: «Сама магия (в худшем смысле слова.— *Д. Т.*), несомненно, возникла из медицины, выдавая себя как бы за более высокое и священное лечебное искусство; свои заманчивые посулы она подкрепляла силами религии, которая и до сих пор властвует над людьми, и математических искусств (т. е. астрологии.— *Д. Т.*), ибо всякий жаждет узнать свое будущее и верит, что его можно прочесть на небе. Связав умы людей этим тройным узлом, она достигла такой чудовищной силы... *

Помимо воздействий с помощью религии в виде варварских заговоров и заклинаний, а также с помощью астрологии путем наблюдений за звездами маги употребляли, по-видимому, и некоторые рациональные средства, используя скрытые лечебные свойства трав, камней, минералов и т. д., редко встречающихся и известных им одним. Я уже показал в предшествующем письме, что изобретателями астрологии были египтяне. Цицерон, ученик греков, склонен считать ее творцами скорее ассирийских халдеев, но послушайте, как осторожно выражается он сам об этом предмете. «Считают,— говорит он,— что халдеи (обозначая этим именем не профессию, а народ) в результате продолжительного наблюдения над звездами создали науку, на основании которой каждому можно предсказать, что с ним случится и для какой участи он рожден. Впрочем, считают также, что это искусство было открыто египтянами еще в незапамятной древности» **.

5. Покончив таким образом с магией и астрологией, я скажу, прежде чем идти дальше, несколько слов о том, почему многие люди, молясь, поднимают взоры к небу, полагая, что над ними находится рай, а под ними — ад. Я укажу также на причины, породившие веру в духи и приведения, ибо все эти верования происходят из того же корня, что и идолопоклонство, именно из древнейших погребальных обрядов. В письме о взглядах язычников на бессмертие души я объяснил, как в народе постепенно сложилось убеждение, что есть лю-

* * *

* *Plinius, Nat. hist., XXX, 2.*

** *Cic., De divinat., I¹⁰.*

ди, живущие на звездах, а теперь я покажу, как эти обитатели звезд были возведены в достоинство божеств. Отсюда Вы легко поймете, как образовался среди людей обычай во время молитвы обращать взоры и простирать руки к небу, которое считалось местопребыванием богов. Благодаря тем же погребальным обрядам возникло убеждение, что внизу находится подземное царство, в котором обитают как добрые люди, так и злые, правда в различных местах и условиях, ибо погребению подвергались все люди одинаковым образом, а обожествлялись лишь очень немногие, которые и считались пребывающими на небесах. На самом деле, конечно, во Вселенной нет ни верха, ни низа, ни правой стороны, ни левой, ни востока, ни запада, ни севера, ни юга, так как все это лишь абстрактные понятия, обозначающие отношения отдельных тел друг к другу и их различное расположение относительно нас.

Поводом для веры в духи и привидения послужили египетские мумии, долгое время сохранявшиеся не только в склепах близ Мемфиса, но и во многих частных домах в особых помещениях. Своим видом (безотносительно к тому, хорошо ли они сохранились или пострадали от времени) они, естественно, должны были производить страшное впечатление на детей, чужестранцев и невежественную толпу. Древнейшим и наиболее распространенным способом погребения было опускание трупов в землю, и афиняне, как известно, переняли этот способ у египтян. Но Вы знаете, что у римлян, например, был обычай сжигать своих мертвецов, и тем не менее, как проникательно замечает Цицерон, это несколько не избавило их от представлений о духах и привидениях, ибо древнейшим способом погребения у них также было захоронение трупов в землю. «И так всеильно было заблуждение,— говорит он,— что, даже зная, что тела умерших сжигаются, они воображали, будто умершие переходят в подземное царство, что при отсутствии тел невозможно и непостижимо. Ибо, не умея составить себе понятия о душах, продолжающих жить вне тела, они выдумывали какие-то образы и формы. Отсюда — заклинания мертвых у Гомера; отсюда — некромантические обряды, производившиеся моим другом Аппием; отсюда — неподалеку от нас Авернское озеро,

откуда ночью вылетают тени, когда врата Ахерона раскрываются перед обманчивыми призраками усопших»*.

6. Вы видите, таким образом, милостивая государыня, как усердно люди заселяли ад; и надо сказать, что и само небо язычников было целиком населено выходцами с нашей Земли. Цицерон в своей первой «Тускуланской беседе» смело говорит: «Разве небо почти не сплошь заселено людьми? Если бы я дал себе труд исследовать древних авторов, особенно греческих писателей, то оказалось бы, что даже так называемые главные боги переселились на небо с земли. Узнай, чьи гробницы показываются в Греции; вспомни (ибо ты посвященный), что возвещается во время празднования мистерий, и ты поймешь, насколько это верно»**.

И возвещалось это не только на элевзинских мистериях, ибо и египтяне намекали на смерть своего объявленного богом царя Осириса и его жены Исиды, не говоря уже о сирийских обрядах в честь Адониса и других божеств,— обрядах, которые царь Давид так удачно называет жертвоприношениями мертвым. Обо всех мистериях вообще можно с таким же правом сказать то, что Цицерон говорит в другом месте о мистериях Элевзина, Самофракии и Лемноса: «Будучи объяснены из своих разумных оснований, они скорее дают представление о природе, чем о богах»***. Эвгемер¹¹, древний сицилийский поэт и философ, написал историю Сатурна, Юпитера и остальных богов, указав время и место рождения, деяния и место погребения каждого. По словам Плутарха¹², «он очеловечил богов», не превращая их в людей, а возвращая им их исконную человеческую сущность.

Однако, не довольствуясь обожествлением усопших, им приписывали те же наклонности и занятия, какие им были свойственны на земле. Как поет Вергилий о своих войнах, сошедших в область Аида:

... что любили при жизни —

Лёт колесниц и бряцанье мечей или конское ржанье

На медоносных лугах, — тем полна их душа и в Аиде****.

* * *

* *Cic., Tusc. disp., I.*

** *Ibidem.*

*** *Cic., De nat. deor., I.*

**** *Virgilius, Aeneis, VI* ¹³.

И Гесиод, весьма кстати для нас, изображает счастливых жителей золотого века в виде древнейших государей, сохраняющих свою былую власть на небесах и распределяющих богатства и почести между людьми.

Демоны ныне они по воле великого Зевса,
Добрые духи, что смертных хранят, относясь со вниманьем
К добрым и злым их делам. Над землей, облаченные в воздух,
Демоны эти парят и богатства даруют достойным,
Ибо свой царственный сан сохраняют они, как и прежде *.

По той же причине древние эфиопы, как мы узнаем от Страбона, «считали своих благодетелей и лиц царского происхождения богами» и твердо верили, что они продолжают охранять их свыше, как прежде охраняли на земле **.

7. Я не утверждаю, сударыня, что эти ложные представления язычников о смерти и загробной жизни были единственным источником идолопоклонства. Но я настаиваю на том, что это источник основной, наиболее естественный и наиболее распространенный и что от него пошли все остальные. Такое же чрезмерное почитание переносилось мало-помалу и на другие вещи как потому, что они считались дарами богов, так и в силу присущего им собственного превосходства. «Есть много разных божеств и другого характера,— говорит Цицерон,— установленных и почитаемых (не без основания ввиду их великой пользы) и первыми мудрецами Греции, и нашими предками, которые считали невозможным, чтобы нечто благодетельное для человеческого рода могло произойти без благоволения богов к людям» ***.

При этом не ограничивались почитанием полезных предметов внешнего мира, а также небесных тел, но распространяли обожествление и на состояние души, на ее способности и силы. «Ибо,— как говорит тот же Цицерон,— сам предмет, обладающий какой-нибудь особенной ценностью, получает такое наименование, что название этой ценности становится вместе с тем именем

* * *

* *Hesiodus, Opera et dies* ¹⁴.

** *Strabo, Geographica, XVII* ¹⁵.

*** *Cic., De nat. deor., II*.

бога, как-то: Верность, Ум и т. д.»*. Так были обожествлены доблесть, честь, безопасность, согласие, целомудрие, свобода, победа, милосердие, благочестие и т. д. Так как ценность всех этих предметов, прибавляет Цицерон, настолько велика, что ею нельзя было овладеть без помощи бога, то и сам предмет стали называть богом; таково освященное обычаем употребление слов «Купидон», «Амур», «Венера». Без сомнения, обожествление подобных предметов было произведено мудрыми и добрыми мужами, которые, видя, что народ хочет иметь многочисленных богов со многими храмами, решили удовлетворить его слабость и вместе с тем по мере возможности возвысить и облагородить его помыслы. Отсюда становится понятным, как могло быть обожествлено многое такое, что не имеет личного существования или бытия, будучи только свойством, признаком или состоянием. Цицерон в своих «Законах» пишет по этому поводу, что божественным считалось все то, «что открывало человеку доступ на небо». «Это хорошо,— говорит он,— что ум, благочестие, доблесть, верность обожествлены и в их честь воздвигнуты в Риме общественные храмы; благодаря этому те, кто обладает этими свойствами (а обладают ими все нравственные люди), могут считать, что сами боги обитают в их душах»**.

8. Но нет ничего на земле и на небе, чего не извратила бы суеверная толпа. Так поступила она и в настоящем случае, обожествив самые порочные и низкие вещи, как это со справедливым возмущением отмечает только что цитированный автор. У афинян была недурная чета богинь: Клевета и Наглость; римляне поклонялись богиням Страху и Надежды, Бледности и Дрожи. Разрушительной Лихорадке был посвящен особый жертвенник, и бесчисленные боги имели под своим началом не только самые скверные болезни, но даже крайне дикие и непристойные действия. У египтян помимо культа небесных богов, т. е. звезд и планет, был еще символический земной культ. Они приписывали божественную силу и воздавали религиозные почести почти всем видам животных и растений, не исключая самых низких

* * *

* *Cic., De nat. deor., II.*

** *Cic., De leg., II*¹⁶.

и презренных. Впрочем, не во всех частях Египта поклонялись одним и тем же видам. В оправдание этого культа египтяне ссылались либо на полезность обожествляемых существ, либо на то, что различные божества проявляют свою силу в одном виде животных или растений больше, чем в других, либо, наконец, на какую-нибудь аллегория, относящуюся к нравственной или естественной философии. В «их священных обрядах,— говорит Плутарх,— нет ничего бессмысленного (как воображают иные), основанного на вымысле или суеверии; но многое в них основано на соображениях нравственности и пользы, многое же имеет некое тонкое историческое или философское изящество»*. В соответствии с этим Цицерон говорит, что «даже столь осмеянные египтяне обожествляли лишь таких животных, от которых они получали какую-нибудь пользу»**.

Это символическое богословие египтян навело некоторых ученых на мысль, что и все остальные языческие религии могут и должны быть истолкованы в таком же смысле; однако ниже я покажу, что это очень грубая ошибка. Во всяком случае у египтян этот культ земных тварей был распространен шире, чем у всех остальных народов; они поклонялись не только птице ибису, ястребам, кошкам, собакам, крокодилам, бегемотам, козам, быкам, коровам, луку, чесноку и т. д., но они поклонялись также «некому человеку в городе Анубисе, где и приносили ему жертвы, сжигая на алтарях жертвенные подношения»*** Последние слова принадлежат Порфирию¹⁸.

9. У других народов существовал культ четырех стихий и определенных частей человеческого тела. Иные города, в том числе Рим, были возведены в божественное достоинство. Многие, боясь как бы по ошибке не оскорбить божества, воздвигали жертвенники неведомым богам****. Римляне официально узаконивали культы всех других народов, преклоняясь таким образом пе-

* * *

* *Plutarchus, De Iside et Osirise* ¹⁷.

** *Cic., De nat. deor., I.*

*** *Porphyrius, De abstinentia, IV.*

**** *Diog. Laert., I; Pausanias, Graec. descr., I; Lucianus, Philopatris* ¹⁹.

ред божествами, которые не сумели защитить своих истинных почитателей от римского оружия. Но это было скорее проявлением политической свободы совести, нежели подлинного религиозного благочестия.

Из всего изложенного совершенно ясно, что, во-первых, боги бесконечно превосходили людей численностью и достоинством и что, во-вторых, несмотря на всю необузданность суеверия, источником всякого идолопоклонства были понятия и действия людей, связанные со смертью и покойниками. Величайшей нелепостью представляется мне обожествление случайности, этой прямой противоположности всякому порядку, разуму и плану. А между тем и ей под именем Фортуны были воздвигнуты особые храмы — один храм в честь доброй, а другой — в честь злой Фортуны, и одновременно с божескими почестями ее наделяли самыми унижительными эпитетами, называя ее слепой, изменчивой, непостоянной, верной подругой злых и легкомысленной обманщицей добрых. Все это, как выяснится в дальнейшем, было изобретено и введено уже впоследствии, но свой первоначальный источник имело в почитании покойников.

10. Я далек от мысли исчерпать все доводы, которыми я мог бы подтвердить свой взгляд на происхождение идолопоклонства; но не могу не привести один пример, который доказывает крайнее сумасбродство человеческой природы. Большинство христиан сделало из Сократа чуть ли не мученика, умирающего за веру в единого бога, а язычники полагали, что его вина заключалась в установлении иных богов, чем те, которые допускались государственной властью. Впрочем, оба этих утверждения ложны, ибо до самой смерти он остался верен религии своей страны, считая, что никакой гражданин не должен разрывать с государственными установлениями, и если он даже верил в единого бога, то не это вменялось ему в преступление его обвинителями и судьями. Но каково бы ни было отношение к нему тех или других людей, кажется почти невероятным, чтобы этот источник добрых нравов, этот король философов и искуснейший исцелитель духа мог сам быть удостоен божественных почестей после своей смерти, так что в его честь был поставлен особый храм и существо-

вал священный источник его имени. Мы не удивляемся, когда читаем, что афиняне, раскаявшись в своем несправедливом приговоре, воздвигли статую для увековечения его памяти, и мы находим вполне естественным, что его поклонники праздновали день его рождения и всегда имели при себе его изображения, украшавшие их перстни или печати.

Но дело в том, что это благоговейное почитание выродилось под конец в религиозное поклонение. Марин, ученик и преемник афинянина Прокла²⁰, составивший жизнеописание своего учителя и рассказавший о вещах, столь же хорошо ему известных, как мне имя святого, которому посвящена моя приходская церковь,— этот Марин, повествуя о счастливых предзнаменованиях успехов Прокла в платоновской школе, говорит: «Когда Прокл прибыл в Пирей, за ним пришел туда, как за своим земляком, Николай, ставший впоследствии известным ритором, а в то время учившийся в афинских школах, ибо Николай был тоже ликейцем, и поэтому он взял с собою Прокла в город. Прокл, утомленный путешествием, присел отдохнуть по дороге в храме Сократа (до того он никогда не слыхал, чтобы Сократу воздавались божеские почести) и попросил Николая посидеть вместе с ним и, если возможно, принести ему немного воды, так его мучила жажда. Тот повиновался и тотчас приказал принести воду, и именно воду из той же самой священной почвы, ибо неподалеку был источник Сократа. И когда Прокл стал пить, Николай, которому тут впервые пришла в голову эта мысль, сказал ему, что это хорошее предзнаменование, что он присел в храме Сократа и там в первый раз испил аттической воды. И тогда Прокл, встав и поклонившись, пошел дальше в город»^{*} Тут перед нами превосходнейший пример того, как почитание великих покойников с течением времени становится чрезмерным, и я остановился на этом примере так подробно потому, что такое обожествление меньше всего было уместно по отношению к Сократу, хотя он больше, чем кто-либо другой из смертных, заслужил его.

* * *

* *Marinus, Vita Procli*, с. X²¹.

11. Я никогда бы не кончил, Серена, если бы захотел подтвердить свой взгляд ссылками на всех авторов, которых я мог бы привлечь. Кто изучал древних и знает сохраненные ими исторические предания об их собственном происхождении и о происхождении других народов, в частности их рассказы о своих богах и причинах их обожествления, тот не может иметь на этот счет никаких сомнений. Вместе с тем мы наблюдаем, что одновременно с успехами народов в развитии прав, письменности и форм правления соответственно уменьшалась эта нечестивая страсть к обожествлению. Так, например, римляне обожествили своего первого царя и родоначальника Ромула; но за все многовековое существование республики ими не был обожествлен уже ни один смертный, хотя среди них встречались более замечательные образцы добродетели, мудрости и мужества, чем где бы то ни было. Стоило, однако, свободной Римской республике превратиться в абсолютную монархию, как большинство первых императоров были ими обожествлены. В их числе был не только Юлий Цезарь, разрушитель свободы римлян, но и самые жестокие, развратные и безумные из последующих тиранов, а также некоторые их жены, родственники и фавориты. В этом отношении римляне подражали обычаям варварских царей, которые подобными средствами держали в вечном рабстве своих подданных, не смевших восставать против богов или тех, кому было суждено стать таковыми.

История учит, что египтяне, ассирийцы, древние греки и другие народы воздавали божеские почести своим государям после их смерти. Жены государей, их братья, сестры и другие родственники также возводились в достоинство богов и богинь, и каждый последующий монарх всегда старался утвердить это представление о необычности своего рода. Многим из них божеские почести воздавались даже при жизни, в том числе Августу.

Плутарх, к которому я мог бы прибавить еще некоторых других авторов, передает, что персидский вельможа Артабан сказал Фемистоклу, когда тот жил беглом при персидском дворе: «Из многих наших добрых обычаев самый лучший тот, что мы чтим царя

и поклоняемся образу бога» *. Всякий знает, сколь священной почитается оттоманская династия, хотя, как показывает опыт, это не всегда спасает оттоманских владык от ярости их дерзкой гвардии или же возмущенных подданных. Божественные права, на которые притязают с недавнего времени иные христианские короли, и безусловное пассивное повиновение, которого требует по отношению к ним подобострастное духовенство, являются не лучшим средством для сохранения тирании, чем бывшие средства язычников, но цель тут и там, конечно, одна и та же. Однако, чем умнее становились люди, тем меньше значения придавали они подобным вещам, и, чем ближе они присматривались к своим государям, тем ревнивей начинали охранять свою свободу и свои права. Религия и разум — ненавистные помехи для суеверия и заблуждения. Недаром Цицерон упоминает, что некоторые оракулы перестали в его время давать ответы, потому что народ стал менее легковерен.

12. Объяснив происхождение идолопоклонства, я раскрою теперь, сударыня, в соответствии с исходными принципами смысл языческих обрядов, если мне позволено будет говорить о смысле действий, часто весьма нелепых и сумасбродных. Люди, желая угодить своему богу тем же, чем они угождали ему, когда он был земным государем, воздвигали великолепные храмы или дворцы, где на роскошных столах или алтарях ставили перед ним жертвенные яства. Они воображали, что бог и его двор (состоящий в большинстве из умерших героев) питаются кровью и испарениями закланных животных и услаждают свои божественные поздри благовоением курений, а свои священные очи — пышностью храмовых церемоний. Все богослужение устраивалось в соответствии с царственной обстановкой их земной жизни. Были выделены особые торжественные дни для совершения праздничных обрядов. А те, кого впоследствии называли жрецами (их обязанность заключалась в устройении праздников и восхвалении обожествленного покойника), ходили в блестящих облачениях и пользовались различными привилегиями, которыми всегда пользуются государевы слуги. Важнейшими из этих

* * *

* *Plutarchus, Themistocles* ²².

привилегий были вначале освобождение от всяких других общественных повинностей и богатое содержание. На праздниках в честь богов бывало также много музыки, плясок, благовонных курений, огней, поклонов, коленипоклонений и других проявлений подобострастия — вообще всего того, чем обычно тешат чувственность наиболее пустых и тщеславных владык, но что было бы совершенно невозможно по отношению к божественным существам, если бы источником идолопоклонства не было поклонение покойникам, легко объясняющее такой культ.

13. Ясно, что с тем же занескиванием, с каким люди относились к слугам своего государя, они должны были относиться к небесной свите своих богов и к их земным жрецам. Они старались подкупам добиться их заступничества или в крайнем случае того, чтобы они не противодействовали исполнению их просьб, ибо на небе, как и на земле, обыкновенно существовали различные партии. Надо помнить, что власть этой небесной свиты была довольно значительна, ей вменялось, в частности, управление разными областями и городами, особенно теми, которыми они действительно управляли при жизни. Не было дерева или растения, животного, рыбы или птицы, реки, источника или холма, не было почти ни одного предмета, который не был бы поручен заботам и милостям одного из членов этой свиты, и часто эти предметы назывались по имени того или иного умершего придворного, если он при жизни пользовался ими или находил в них отраду. Эта вера в непосредственную власть знатных покойников над упомянутыми вещами, а также над болезнями тела и страданиями души сообщала высокий авторитет их мнимым чудесам, откровениям, прорицаниям и прочим искусным приемам выуживания денег из кармана верующих.

14. Что касается святилищ с их тайными ковчегами и таинственными церемониями, с их искуплениями, очищениями и тому подобными нелепыми, нечестивыми, а подчас и жестокими обрядами, к тому же весьма обременительными, то они имели вначале символическое значение. Они изображали действительную историю земной жизни богов и рассказывали о причинах их обоготворения, в частности ковчеги заключали в себе

различные эмблемы, реликвии и вещественные доказательства их жизни. С этим согласны все, кто сколько-нибудь знаком с языческими мистериями. Но все это было впоследствии использовано жрецами для придания большей цены их мнимому общению с небом и для получения доходов, якобы соответствующих трудности и важности их служения богу. Многочисленные обряды служили также для развлечения толпы и ее отвлечения от более серьезных размышлений, а кроме того, они внушали уважение к тем, кто имел право освящать события, места и лиц и даже такие вещи, которые сами по себе были либо безразличны, либо совсем, казалось бы, далеки от религии. Иногда бывали случаи взаимного соглашения между государем и жрецом, причем первый обязывался обеспечить последнему все его привилегии, если тот будет взамен проповедовать его неограниченную власть над народом, на легковерный ум которого жрец мог, конечно, всегда оказать любое влияние.

15. Освящая власть государей, жрецы прибавляли к этому свои собственные измышления об аде, как я показал это в настоящем и предыдущем письмах. Не удовлетворяясь запугиванием людей картинami ледяной стужи и пожирающего огня, беспросветного мрака и непроходимых болот, они рассказывали о коршунах, катящихся камнях, орудиях пыток, а также о гидрах, кентаврах, гарпиях, химерах, сфинксах, горгонах, драконах и о множестве других чудовищ, выполняющих якобы приговоры тиранических владык. Они говорили также о призраках и духах, о таинственных видениях и голосах, поражая воображение толпы чудовищным шумом Тартара и Эреба, где Стикс, Ахерон, Флегетон, Лета, Коцит и Аверн катят свои черные бушующие волны, где раздается отвратительный лай трехглавого Цербера и снует мрачный челн перевозчика Харона. И безжалостные фурии Алекто, Тизифона и Мегера внушали гораздо больший страх, чем Плутон и Прозерпина, эти верховные правители подземного царства.

Из того, что я сказал выше о происхождении астрологии и веры в духов, ясно, что жрецы были посвящены во все виды гаданий и магии. Они предсказывали будущее по полету птиц, внутренностям животных, наблю-

дениям над трупами, огню, облакам, воде, дыму, а также посредством метания жребия. К этому присоединялось бесчисленное множество других нелепых суеверий, которые сохраняются в большинстве стран до настоящего времени и подробное описание которых можно найти у Вандаля²³.

На основании вышесказанного следует признать, что у древних было множество ведъм, колдунов и прорицателей, которые в силу договора с демонами и благодаря своему знанию звезд умели якобы, пользуясь тайными свойствами некоторых трав и камней, произнося варварские слова и заклинания или производя всевозможные манипуляции с изображениями соответствующих лиц и предметов, вызывать появление богов и воскрешать мертвых. Им приписывали также способность затемнять солнце и луну, поворачивать вспять планеты или даже срывать звезды с неба, превращаться самим и превращать других в существа разного вида, поражать болезнями тех, кто им негоден, вызывать любовь или ненависть, предсказывать будущее, открывать утаенные сокровища, незаметно похищать у людей хлеб, молоко и другие продукты, подменивать младенцев в люльках и проделывать тысячу других фокусов такого же рода, о которых скучно рассказывать и в которые никогда не поверит ни один мыслящий человек. Впрочем, как смотрели умные и образованные люди на всех этих мнимых обладателей сверхъестественных способностей, откровенно говорит старик Энний²⁴ в своих грубых стихах:

Ни в грош не ставлю я авгуров марсовских,
Пророков сельских, звездочетов, знахарей,
Жрецов Исиды, снов истолкователей!
Дано им не наукой посвящение;
Они — плуты, невежды суеверные,
Рабы безумья, лени или бедности.
Слепцы, они хотят нам путь указывать!
Тому, кто драхму даст, сулят сокровища!
Пусть, драхму удержав, посул свой выполнят*.

В заключение отметим еще басни и легенды язычников (весьма сходные с нашими современными

* * *

* *Cic., De divinat., I.*

сказками) о феях, о фавнах и сатирах, о привидениях и лемурах, о нимфах, населяющих моря, реки, источники, холмы и леса, о nereидах, наядах, дриадах, гамадриадах, ореадах и тому подобных призраках, способных пугать разве только женщин и детей.

16. Вернемся теперь, если Вам угодно, к высшим силам. Как при жизни, так и после смерти они делились на несколько разрядов. Были боги высокого и боги низкого ранга, как бы дворянство и простонародье, а также занимающие промежуточное положение, в частности низшие и блуждающие демоны (первоначально это были отошедшие души), которые не имели определенного местопребывания, но постоянно странствовали в воздушных пространствах, выполняя разные поручения: то передавая молитвы людей своим начальникам, то оповещая мир о гневе или милости богов, чьими слугами и исполнителями они считались, ибо небесные владыки имели, подобно земным, огромное множество слуг в своем распоряжении. Но если высших из своих богов язычники поселяли на небе, то они же по своему произволу низводили их обратно на землю, заточая в какую-нибудь маленькую часовню или в стоящего в ней жалкого идола, ибо они воображали, что многие из богов до того, как они способствовали превращению людей, жили в могилах или блуждали в воздушном пространстве, где желания их просителей выслушивались с большей благосклонностью, чем в других местах. Эти язычники часто падали ниц перед своими собственными творениями, которые, обладая они жизненностью и способностью понимания, должны были бы скорее поклоняться тем, чьему искусству они обязаны всем своим превосходством. Но между тем как мыши, ласточки и пауки несколько не щадили этих кумиров, несмотря на их священность, глупые люди сами охраняли от разрушения то, к чему они же относились со страхом и благоговением. Что касается самих этих кумиров, то они доказывают человеческое происхождение богов; мы знаем, какие почести воздавались статуям государей даже при их жизни. Кумирни часто посещались наиболее невежественными и набожными людьми; они же заполняли храмы приношениями и богатыми дарами, обращались к оракулам во всех затруднитель-

ных случаях, произносили обеты в минуту несчастья, считали даже свои сны вдохновенными свыше и во всех отношениях отравляли своей религией жизнь как другим, так и самим себе. Не было такой страсти или каприза у их земных владык (вроде пьянства, распутства, охоты), которые не были бы приписаны богам. Поэтому мы часто читаем об их любовных похождениях, свадьбах, похищениях и прелюбодеяниях, об их распрях, кутежах, ссорах и побойщах, об их мести и грабежах, об их разнообразных невзгодах. То они попадают впросак, то их заключают в оковы, а однажды они были даже низвергнуты гигантами с небес и должны были самым жалким образом искать приюта на земле.

Все это с несомненностью доказывает человеческое происхождение богов. И не удивительно после этого, что они всегда изображаются в том состоянии, в каком они умерли, и с теми отличительными приметами, какие имели при жизни. Так, некоторые из богов всегда стары, а другие вечно юны; есть родители, дети и родственники; есть между ними хромые и слепые, есть двукопытные (отсюда нынешнее простонародное представление о черте); есть и крылатые; одни вооружены мечами, копьями, дубинками, вилами и луками, другие мчатся на колесницах, в которые впряжены львы, тигры, кони, дельфины, павлины, голуби. Все эти черты частью были заимствованы из действительной истории их земной жизни, а частью являются поэтическими аллегориями, внутренний смысл которых для нас не всегда ясен.

17. Эномай, Эвгемер, Лукиан и многие другие мыслящие люди открыто издевались над божествами за то, что они прикреплены к определенным местам, где каждый занимается своим особым ремеслом. Так, Аполлон имел справочную контору и предсказывал судьбу в Дельфах; Эскулап открыл аптекарскую лавку в Пергаме; Венера содержала знаменитый дом свиданий в Пафосе; у Вулкана была кузница на Лемносе²⁵. Одни богини были повивальными бабками, другие занимались охотой, и все они промышляли где только могли, ибо, подобно нам, смертным, каковыми они и были прежде, они в случае неудачи в одном месте переходили в другое, более благоприятное для их деятельности. Так как все события жизни считались последствиями любви или

гнева богов, то люди изобрели разные способы благодарить или умиловить их. В частности, они приносили им (чтобы заручиться их благословением на остальное время) первые плоды своих трудов на полях и пастбищах помимо тех десятин и приношений, которые они были обязаны вручать своим земным владыкам. И почти не было такой вещи, которая не приносилась бы в жертву, ибо то, что было неприятно одному богу, доставляло радость другому, а иные требовали даже человеческих жертв, что свидетельствует об их кровожадном нраве во время жизни на земле. Часто мы видим их крайне возмущенными тем (как это нередко бывает с земными владыками и вельможами), что их алтари остаются без внимания, особенно когда народ в то же время чествует других богов. И люди в свою очередь часто упрекали богов в неблагодарности и даже оскорбляли их идолов (будучи иногда склонны к мятежу), когда считали себя недостаточно вознагражденными за свои богатые дары и приношения.

18. Правда, наиболее просвещенные и добродетельные из людей не раз приходили к более правильным взглядам на вещи, но эти взгляды были большею частью весьма неустойчивы и неопределенны, главным образом ввиду тех преследований, которые неизбежно должны были обрушиться на истину и на всякую попытку коренной реформы религии, свидетельством чему служит смерть Сократа. Как можно видеть у Плутарха, истинная причина слабого развития или по крайней мере незначительной распространенности науки о звездах и планетах заключалась в том, что простой народ никогда не позволил бы сделать небесные светила предметом философского исследования и объяснять их движение обычными законами природы, самопроизвольными причинами и силами, ибо он считал их разумными, вечными и бессмертными богами*. Поэтому, когда Анаксагор²⁶ открыл, что Луна светит отраженным солнечным светом, и объяснил соответствующим образом ее фазы, он не посмел обнародовать эту свою теорию, но тайно сообщил о ней весьма немногим, да и то лишь связав их предварительно обетом молчания.

* * *

* *Plutarchus, Vita Nicias* ²⁷.

В действительности очень многие выдающиеся люди в Европе и Азии прекрасно понимали причины происхождения народных религий и даже решались иногда обличать перед другими их пустоту, неудовлетворительность и лживость. Но людей, утверждавших таким образом единство божества и разоблачавших суеверия, не следовало бы причислять к язычникам, ибо это выражение означает, собственно, идолопоклонников, верующих во многих богов и претендующих на особые с их стороны откровения, а также практикующих разнообразные обряды, установленные в их честь. Евреи (которые относили всех людей, кроме самих себя, к этой категории) называли их обычно «народы», откуда и произошло слово *gentiles* — «язычники». И поэтому все те, кто был достаточно проницателен, чтобы понять, и достаточно смел, чтобы восстать против нелепостей и надувательства этого богословия, получили прозвище атеистов, и толпа, подстрекаемая жрецами, обращалась с ними соответствующим образом. Некоторых, особенно из числа философов, подвергали денежным штрафам и бросали в тюрьмы, других изгоняли, третьих приговаривали к смерти, многие были растерзаны чернью, и все без исключения заклеены позорной кличкой безбожников за то, что они не верили в мистерии и разоблачали благочестивые плутни своего времени. И если среди язычников подобные явления встречались реже, чем среди христиан, то это едва ли заслуга языческих жрецов, ибо, помимо того что большинство последних мало чем отличались от гражданских чиновников и большей частью не были пожизненными носителями духовного сана, они находились еще в полном подчинении у государства. Напротив, христианские священники (за исключением очень немногих протестантских стран) держат в своих руках правительство и являются неограниченными духовными владыками мирая.

Рассуждая о древних, мы должны поэтому объяснять их здравые понятия и нравственные правила светом разума, а в язычестве видеть извращение последнего. Игнорирование этого различия было причиной бесчисленных ошибок. Одни опрометчиво утверждают, что язычество представляло собою более надежное основание для добродетели, чем христианство, тогда как

в крайнем случае можно только сказать, что естественный закон часто лучше выполнялся язычниками, чем христианами. Другие считают идолопоклонниками всех, кто жил во времена преобладания язычества,— ошибка, грубей которой нельзя себе и представить. Неужели найдется столь ограниченный человек, который назовет язычником хотя бы Цицерона, который в своих удивительных книгах «О гадании» и «О природе богов» доказал все ничтожество многобожия, жертвоприношений, мнимых откровений, пророчеств и чудес, а также оракулов, авгуров, толкований снов, заклинаний и тому подобных плутней? Минуций Феликс, Тертуллиан²⁸ и другие древние апологеты христианства заимствовали свои сильнейшие доводы против язычества из этих и подобных книг, часто воспроизводя их дословно. Арнобий²⁹, воздав должное другим античным авторам, заявляет, что если бы произведения Туллия читались, то христиане могли бы не брать на себя труд писания своих сочинений*. Арнобий отмечает, что Цицерон низвергал богов с большой прямоотой, последовательностью и смелостью и с еще большим благочестием. Он сообщает также, что многие язычники не только поносили его за эти книги и избегали читать их, но даже обращались в сенат с просьбой об их сожжении. «А между тем,— как справедливо пишет тот же Арнобий,— уничтожить эти книги или воспретить их свободное чтение значило бы не защищать богов, а бояться свидетельства об истине». Я мог бы назвать еще многих других лиц, замечательных своим мужеством, благочестием или справедливым характером, которые были гораздо дальше от идолопоклонства, чем те, кто их уличает в нем. Называть их язычниками так же не основательно, как считать магометанами всех жителей Мекки, даже и не верующих в Коран. Те, кто относит последних к магометанам, а первых к язычникам, доказывают только, что они не понимают значения этих слов и не замечают различия между естественным законом и всеми положительными учреждениями.

* * *

* *Arnobius, Adversus nationes, III.*

19. Резюмируя, мы можем сказать: религия язычников (как противная или чуждая свету разума) была такова, что не могла оказывать заметного влияния на добродетель или на нравственность в этой жизни и давать сколько-нибудь твердую опору против страха смерти. Правда, многие из язычников, не желая признавать свою религию столь нелепой и смешной, какой она казалась, особенно в изображении поэтов, хотели видеть в своих бесчисленных богах только разные наименования, атрибуты и сферы действия некоего единого существа, будь то Солнце, или Вакх, или какой-нибудь другой бог, которого они особенно чтили. Законодатели постарались придать всему делу возможно лучший вид и, не пускаясь в трудные исследования о том, что истинно и что ложно, санкционировали все, что способствовало поддержанию порядка среди людей, что побуждало их к добродетели путем примера и поощрения, что отвращало их от порока посредством страха перед наказанием и позором. Другие, люди с философским складом ума, превращали все религиозные учения в аллегорическое повествование о чисто естественных явлениях, в которых проявляется сила и благодать божества. Из этого тройного способа рассмотрения возникло знаменитое различие поэтического, политического и философского богословия. Впрочем, более проницательные люди смеялись над этими уловками, отлично понимая, что невозможно дать сколько-нибудь приемлемую апологию большинства религиозных сказок. И Цицерон порицает поэтов за их утверждение, что все греческое богословие имело некоторый тайный внутренний смысл. «Сначала Зенон,— говорит он,— затем Клеанф и, наконец, Хризипп³⁰ взяли на себя большой и совершенно напрасный труд дать разумные объяснения мифам и даже истолковать названия всех богов. Это доказывает, конечно, что они не верили в буквальную истину всего этого»*.

Укажу как на образчик этих аллегорических толкований, что Юпитер и Юнона обозначали у них воздух и облака; Нептун и Фетида — море и волны; Церера и

* * *

* *Cic.*, *De nat. deor.*, III.

Вакх — землю и все ее плоды; Меркурий и Минерва — умственные способности, проявляющиеся в науке, искусствах, торговле и т. д.; Купидон и Венера — наши серьезные влечения и любовные порывы; Марс и Беллона — раздоры и войны; Плутон и Прозерпина — руду, сокровища и вообще все, что скрыто в недрах земли. В таком же духе они объясняли и всех остальных богов, и так как аллегорические толкования столь же свободны, как наша фантазия, то едва ли найдутся два автора, объяснения которых вполне бы совпадали.

Но если даже предположить, что некоторые из стойков или все они были в сущности правы, то все же их религия не становилась от этого лучше и все равно заслужила уничтожения. Ибо, каковы бы ни были умозрения немногих образованных людей, ясно, что простой народ считал всех своих богов подлинными, реальными существами, весьма боялся их и воздавал им божеские почести. Не говоря уже о трудах и расходах, связанных с исполнением обрядов, и об основанном на обмане господстве жрецов. Это ясно понимал Цицерон, который, перечисляя разные виды языческих богов, говорил: «Еще из другого источника, именно из источника природы, произошло великое множество богов. Облеченные в человеческую форму, они дали поэтам темы для вымыслов, но в то же время заполнили жизнь людей всевозможными суевериями» *.

То же самое следует сказать о наших святых и иконах, ибо, несмотря на точные различия между высшим, или безусловным, и низшим, или относительным, поклонением, все простолюдины остаются самыми отъявленными идолопоклонниками. А что касается многочисленности религиозных предписаний, лживости и своеволия духовенства в тех местах, где существует культ святых, то по сравнению с ними суеверия всего остального мира, вместе взятые, составили бы очень простую и удобную религию. При этом мы не должны забывать, что это новое идолопоклонство христиан основано, так же как и идолопоклонство древних язычников, на чрезмерном почитании скончавшихся мужчин и женщин и

* * *

* *Cic., De nat. deor., II.*

было искусственно доведено до таких размеров священниками. Последние примером святых побуждают людей выполнять их (священников) предписания, всегда направленные к увеличению их собственной славы, власти и выгоды.

20. Современные язычники, населяющие большую часть Африки, обширные пространства Азии, почти всю Америку и несколько уголков Европы, весьма приближаются по своим взглядам к древним. Поэтому я и отложил упоминание о некоторых вещах до настоящего параграфа, чтобы избежать повторений. Но, как и древние, современные язычники в разных местах придерживаются разных взглядов. У них есть свои космогонии, т. е. представления о сотворении мира, и свои теогонии, т. е. родословные богов, которых одни из них считают равными, а другие — подчиненными друг другу, одни — добрыми, а другие — злыми. Многие признают два верховных начала добра и зла вроде Ормузда и Аримана³¹ древних халдейцев. Есть и такие, которые верят в единое божество с прислуживающими ему низшими духами или без них, а некоторые утверждают, что мир вечен и бесконечен и что все происходит в силу непреклонного веления рока. Столь же различны их мнения о providении, о продолжительности существования мира, о загробном состоянии, о том, бессмертна ли душа, и если бессмертна, то ограничена ли после смерти каким-нибудь определенным местопребыванием или переходит из одного тела в другое (последнее мнение преобладает). Бесчисленные обряды и церемонии их культа весьма разнообразны. Животное, которому одно племя поклоняется как богу, другие племена приносят в жертву своим богам; телодвижения и одежда, освященные у одних религиозным употреблением, отвергаются другими как непристойные. Ибо, как замечает Ювенал по поводу древних египтян,

Так велико безумье толпы, что каждая местность
Злобу питает к богам соседей и требует веры
Только в свои божества *.

* * *

* *Juvenalis*, Sat, XV³².

Богослужение язычники совершают на вершинах холмов под открытым небом или в храмах, в рощах, в пещерах. Они верят в добрых и злых демонов, в духов, охраняющих селения и людей. Жрецы и жрицы разделены у них на несколько разрядов, во многих местах существуют особые заведения для их воспитания и духовные обители, в которых они живут. Язычники имеют свои священные книги, свои предания, свои иконы; у них есть и мнимые чудеса, и откровения, и пророчества, и оракулы, и всевозможные виды гаданий. Бывают у них веселые праздники, когда они едят и пьют, поют песни и пляшут перед своими богами, бывают и более мрачные времена, когда они умерщвляют свою плоть не только суровыми постами, половым воздержанием, грубыми власяницами, далекими паломничествами и т. д., но даже жгут и бичуют, режут и терзают свои тела самым жестоким образом, воображая, что делают нечто угодное божеству, и причиняя себе вред без всякой пользы для кого бы то ни было. Когда им указывают на бессмысленность и нелепость какого-либо их обряда или учения, они тотчас возражают, что нет ничего невозможного для высших сил и что все это тайны, непостижимые для ограниченного ума человека, как об этом можно прочесть в описаниях почти всех путешественников.

21. Сделав, таким образом, беглый обзор древнего и нового язычества, мы можем теперь отметить, что почти все пункты этих суеверных идолопоклоннических религий воскрешены в такой же или еще более грубой форме многими христианами у нас на Западе и всеми восточными сектами³³.

Сюда относятся жертвоприношения, ладан, свечи, иконы, омовения, праздники, музыка, алтари, паломничества, посты, безбрачие духовенства, освящения, прорицания, заклинания, поклонения умершим мужчинам и женщинам, канонизация все новых святых, выступающих в качестве посредников между богом и людьми, добрые и злые духи, ангелы-хранители, покровители мужского и женского пола, которым посвящаются храмы и воздаются особые почести. Между всеми этими небесными силами распределяются не только отдельные города и селения, но также разные

благодетельные функции и власть над всем, в чем может нуждаться и чего может хотеть человек.

Не все перечисленное, конечно, наблюдается повсюду в равной мере, но в большей или меньшей степени все эти суеверия встречаются везде, и там, где они не установлены законом, они внушаются воспитанием. Однако как мало достойны имени христиан люди, защищающие то, что Иисус Христос пришел уничтожить! Это ясно для всякого, кто считает христианство не политической партией или пустым звуком, а учреждением, предназначенным совершенствовать нашу нравственность, внушать нам правильное представление о божественной сущности и, следовательно, искоренять все суеверные мнения и обряды. Мы имеем тут в прямом и точном смысле слова антихристианство, ибо ничто не противоречит в такой степени учению Христа; и поскольку кто-нибудь заражен вышеописанными суевериями, постольку он язычник или иудей, но не христианин.

22. Это рассуждение является данью уважения религии и истине, и вообще я думаю, что удовлетворение человеческой любознательности само по себе еще не делает чести научным исследованиям, если они не ведут читателя вместе с тем на стезю добродетели и мудрости. Все вышеизложенное, сударыня, является замечательным доказательством и примером того, до каких удивительных степеней сумасбродства способен пойти человек, примером того, что во все времена суеверие остается одним и тем же, как бы ни менялись его названия и какими бы различными ни были его объекты и степени его развития в зависимости от большей или меньшей степени свободы совести и слова в данной стране. Если же кто-нибудь станет удивляться тому, как это люди могли свернуть с прямого и легкого пути разума в такие непроходимые дебри, то пусть он только вспомнит, что во многих крупных странах простое учение Иисуса Христа выродилось в самые нелепые догматы, в непонятный жаргон, смешные обряды и непостижимые таинства и что почти во всех уголках мира религия и истина были превращены в суеверие и поповские хитрости. Словом, все содержание настоящего длинного письма прекрасно выражено в следующих четырех строчках, повторяемых всеми:

Ту религию, которой учит нас сама природа,
Басни в тайну превратили, дары — в выгодный обман;
Духовенство в дни закланий на глазах всего народа
Пьет вино и ест жаркое, а народ ни сыт, ни пьян.

Я боюсь, что, когда Вы дойдете до этого места, Вы будете столь же утомлены чтением моего письма, как я утомлен сейчас его писанием. Поэтому, сударыня, в интересах нас обоих я больше ничего не прибавлю, кроме заверения, что никогда не перестану быть Вашим преданнейшим и покорнейшим слугой.

Антони Коллинз

Рассуждение об основах и причинах христианской религии

В двух частях:

В первой содержатся некоторые замечания относительно ссылок на Ветхий завет, содержащихся в Новом завете, и в особенности относительно пророчеств, сделанных в первом и сбывшихся, как утверждают, во втором.

Во второй содержится исследование схемы, предложенной г-ном Уистоном в его *«Опыте восстановления подлинного текста Ветхого завета и подтверждения ссылок на него, сделанных в Новом завете»*.

В качестве предисловия к ним предпослана апология свободного обсуждения и свободы письма.

Он дал нам способность быть служителями Нового завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит.

2 Кор. 3,6

Omnia a Mose ordinata enumerans, ostendere possem figuras & notas & *denunciationes* esse eorum quae Christo eventura erant, eorumq; qui in ipsum ut crederent praecogniti fuerant, atq; item eorum quae Christus ipse erat factururus.

Iustini Martyr. Opera, p. 261 ¹

Sin dixerint post adventum Domini salvatoris & praedictionem Apostolorum libros Hebraeos fuisse falsatos, cachinum tenere non potero: Ut Salvator, & Evangelistae, & Apostoli ita testimonia protulerint, ut Judaei postea falsaturi erant!

Hieron. Opera, tom. 3, p. 64, c. 6 ²

Основы и причины христианской религии в письме одному духовному лицу Северной Британии

Ваше преподобие,

Вы, кажется, чрезвычайно удивились, случайно услышав об *«Опыте восстановления подлинного текста Ветхого завета»* г-на Уистона³; по Вашему мнению, мнение человека, который вместе с подавляющим большинством протестантов *всегда* полагал, что *текст как Ветхого, так и Нового завета являлся предметом особой заботы провидения и постоянно сохранялся нетронутым и неискаженным*, такое название представляет собой парадокс, *направленный против христианства*. А я не меньше Вашего удивлен тем, что Вы возымели желание узнать что-нибудь об этой книге,— Вы, который лишь совсем недавно счел бы такое любопытство порочной наклонностью и дьявольским искушением, Вы, который никогда не спрашивал ни об одной книге, написанной нашими епископальными духовными лицами, за исключением разве книг д-ра Джона Эдвардса из *Кембриджа*, и который обычно питал к *противникам троицы* больше презрения, чем к *папистским авторам*, поскольку отрицающие троицу не только вводили в учение равно опасные заблуждения, но и проповедовали использование *разума и личного суждения*, что полностью подрывает весь *авторитет церкви*, а только он составляет основу *единства и единообразия* в вопросах религии.

Но кажется, *любопытность*, это последствие свободы, разума и образования, начинает настигать даже духовных лиц *Шотландии*, которые из всего протестантского духовенства наиболее цепко держатся за свою *ортодоксальность* и которые очарованы *чистотой* верования и *святостью* пресвитерианства, воспринятыми от

своих предков по Реформации, не меньше, чем мы — *красотой святости* нашего *требника*, который впервые был составлен сто семьдесят четыре года тому назад *с помощью Святого Духа*^а и был с того времени *пять*^б раз изменен (!), и, следовательно, может быть, скоро *теология* (ничто, как она, не подвержено столь естественно изменению, и ни искусство, ни сила, ни дисциплина никогда не могли ее надолго утвердить или установить среди язычников, иудеев, христиан или магометан) примет у нас новую форму, подобно тому как это ежедневно происходит во всех других церквях.

Вы желаете также услышать что-нибудь о самом г-не Уистоне, узнать, кто он: человек или чудовище, о котором Вы так много слышите, встречаясь со своими братьями в *пресвитериях* и *синодах*; они, основываясь только на слухах, изображают его в самом разном виде — невеждой и ученым, богатым и бедным, серьезным и сумасшедшим, еретиком и атеистом, сторонником англиканской церкви и папистом, арианином и социанином, и еще чуть ли не кем угодно, только не *кальвинистом*, *пресвитерианином* и *афанасианином*⁴.

Для того чтобы наилучшим образом, на какой я только способен, удовлетворить Ваше любопытство, посылаю Вам саму книгу г-на Уистона вместе с *некоторыми соображениями* относительно ее предмета и *некоторыми замечаниями* о его *схеме*, *предложении* или *теории* и заключаю всё рассказом о самом этом господине.

* * *

^а Акт об установлении литургии во второй [год правления] Эдуарда VI (1549)⁵.

^б Предисловие Николса к Комментарию на молитвенник.

Часть 1

Об основах и причинах христианства

1. Христианство основано на иудаизме, а Новый завет — на Ветхом

Христианство основано на иудаизме, а Новый завет — на Ветхом; а Иисус — это тот, о котором в Новом завете говорится, что его явление обещано в Ветхом в виде мессии иудеев и только в таком качестве он требует покорства и повиновения от всего мира. Соответственно цель авторов *Нового* завета состоит в том, чтобы доказать все положения христианства на основе *Ветхого* завета, о котором говорится, что он содержит *жизнь вечную*^а, и представить Иисуса и его апостолов как *исполняющих*^б своей миссией, поучениями и трудами предсказания *пророков*, исторических книг Ветхого завета и *иудейского закона*; об этом последнем ясно сказано, что он является *пророчеством*, или прообразом, христианства^с.

2. Апостолы основывают и доказывают христианство с помощью Ветхого завета

С помощью Ветхого завета св. Матфей доказывает различные положения христианства, показывая, что они либо предсказаны в нем и должны произойти по во-

* * *

^а Иоанн 5.39.

^б Матф. 5.17.

^с Там же, 11.13.

ле божией, либо согласуются с понятиями Ветхого завета, либо основаны на нем.

Именно таким образом он доказывает, что Мария *имела во чреве от Духа Святого* и что *Ангел* сказал ей, что она *родит Сына и наречет Ему имя: Иисус*^а, и все другие обстоятельства, которыми сопровождалось его чудесное рождение; рождение Христа в *Вифлееме*^б; его бегство в *Египет*^с; избиение младенцев^д; поселение Иисуса в *Назарете*^е; проповедь *Иоанна Крестителя*^ф; уход Иисуса из *Назарета* и поселение в *Капернауме*, в пределах *Завулоновых* и *Неффалимовых*^г; *изгнание им духов и исцеление больных*^н; совместная трапеза его с *мытарями и грешниками*^и; его *запрет* исцеленным им, *чтобы они не объявляли о нем*¹; его *высказывания в форме притч*, чтобы иудеи не могли *разуметь его*^к; *посылка им двух учеников*, чтобы они привели *ослицу и молодого осла*¹; *дети, восклицающие в храме*^м; законность *срывания колосьев в поле в субботу*, если *взалакаешь*^н; *воскресение мертвых*^о; предательство Иуды и предсказание Иисуса^п; возвращение Иудой *тридцати сребренников* (платы, полученной им за предательство Христа), *покупка на них первосвященниками земли горшечника и самоубийство Иуды* (повесился)^ч.

О самом Христе сказано, что он доказывает истину христианства таким образом. Воскреснув, он присоединился к *двум своим апостолам*, которые *его не узнали*; и, обнаружив, что они имеют ошибочное суждение о нем, которого они *теперь* не считали мессией, потому что его *осудили на смерть и распяли на кресте*, и заметив, что они не верят в его воскресение, о котором сказали им *некоторые женщины* из числа их знакомых со слов *Ангелов*^г, он сказал им: «*О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти*

* * *

^а Матф., 1.18—23. ^б Там же, 2.5, 6. ^с Там же, 2.15. ^д Там же, 2.17, 18. ^е Там же, 2.23. ^ф Там же, 3. ^г Там же, 4.13. ^н Там же, 8.16, 17. ^и Там же, 9. 11—13. ¹ Там же, 12. 16—21. ^к Там же, 13.13. ^м Там же, 21. 2—7. ^м Там же, 21. 15, 16. ^п Там же, 12. ^о Там же, 22. 31—32. ^р Там же, 26. 54—56. ^ч Там же, 27.5—10. ^г Лука 24. 15—22.

в славу Свою?» И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о нем во всем Писании^а.

Фабриций говорит: *Hic sermo ejus a multis non immerito anxie desideratus, & a Luca fortasse auditus, nusquam extat^б.*

Но наш ученейший Мид попытался восполнить эту потерю, указав на те же самые писания, которые наш спаситель толковал своим ученикам^в.

Кроме того, он беседовал со всеми своими учениками, напоминая им о том, что перед своей смертью он говорил им, что *надлежит исполниться всему написанному о нем в законе Моисеевом и в пророках и псалмах*, добавив: *«Так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день. И проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима»^д.*

Когда люди, принадлежавшие к разным народам, изумлялись тому, что апостолы говорят на их языках, и когда многие, насмехаясь над апостолами, говорили: *«Они напились сладкого вина»*, св. Петр произнес речь перед этими людьми, в которой словами *«Они не пьяны... ибо теперь третий час дня»* стремился показать им, что *«это есть предсказанное пророком Иоилем»*; в конце речи он доказывает *воскресение Иисуса на основе псалмов^е.*

Св. Петр и св. Иоанн говорят людям, собравшимся в храме, что *«Бог... предвозвестил устами всех своих пророков пострадать Христу»*, а также что *Иисус придет снова^ф.*

Чтобы оправдать свое проповедование перед язычниками, св. Петр заключает свою речь следующими словами: *«О Нем (Иисусе) все пророки свидетельствуют, что верующий в Него (т. е. иудей или язычник) получит прощение грехов именем Его»^г.*

Св. Павел также стремится доказать иудеям в синопии Антиохии, что история Иисуса содержится в Ветхом завете и что ему и Варнаве *заповедано в Ветхом завете проповедовать слово Божие язычникам^h.*

• • •

^а Лука 24. 25—27. ^б Fabricii Codex Apocryphus, Nov. Test., p. 322. ^в Nede's 13th Disc. ^д Лука 24. 46, 47. ^е Деяния 2. 12—16. ^ф Там же, 3.18, 20—24. ^г Там же, 10.43. ^h Там же, 13.

По случаю разногласия среди христиан относительно того, должно ли *обрезать* новообращенных язычников *по закону* Моисееву и должны ли они соблюдать все остальные положения иудейского закона, в *Иерусалиме* был созван совет *апостолов* и *пресвитеров*, на котором по *долгом рассуждении* и после речей Петра, Варнавы и Павла Иаков завершил спор на основе Ветхого завета (приведя слова Амоса и Моисея), откуда, по всей вероятности, были взяты все их доводы, поскольку спор шел о таких вещах, которые задолго до этого вызывали разногласия среди иудеев,— об отношении к *новообращенным*; некоторые иудеи были настолько ограничены, что полагали обрезание и строгое соблюдение всех законов Моисеевых необходимыми для всех, кто объявил себя их *последователями*; а другие требовали от *новообращенных* подчинения только в таких делах, которые держали бы их на расстоянии от идолопоклоннических обрядов. И Иаков, в согласии с этим последним, более мягким суждением и обычной практикой иудеев в отношении своих *новообращенных*, заключает, что язычники, обращенные в христианство, должны быть связаны только такими законами Моисеевыми, которые требуют, «чтоб они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, давленины и крови», ибо все эти вещи имели слишком тесную связь с языческим идолопоклонством и из-за них люди становились слишком нечистыми для общения с *христианами*, которые теперь были настоящими и истинными иудеями. После чего совет принял решение на этот счет и приказал написать *письма*, чтобы оповестить об этом всех, кого это касалось ^а.

Верияне удостоиваются величайшей похвалы за то, что они *разбирали Писания*, т. е. Ветхий завет, *ежедневно*, чтобы обнаружить, точно ли *это было так*, как проповедовали им апостолы, или нет; и если бы апостолы не доказали *это*, т. е. христианство, на основе Ветхого завета, *верияне* отвергли бы их как проповедников ложного учения ^б.

Когда иудеи обвинили св. Павла пред Агриппою, он сказал: «...я стою пред судом за надежду на обетова-

* * *

^а Деяния 15. ^б Там же, 17.11.

ние, данное от Бога нашим отцам», т. е. за проповедование христианства, или истинного учения Ветхого завета^а. И в этом преступлении он сознался, заявив открыто и громко, что он не проповедовал ничего, кроме учения Ветхого завета. *«Но, получив помощь от Бога,— сказал он,— я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть, что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам»^б.*

Св. Павел говорит: Иисус... *«воскрес в третий день, по Писанию»^в*, т. е. в соответствии с Ветхим заветом. И полагают, что он основал это на истории пророка Ионы, который три дня провел в чреве кита, а потом вышел оттуда.

Но больше всех содержит ссылок на пророчества довод св. Павла, приводимый им для доказательства иудеям христианства на основе Ветхого завета в *Послании к Галатам*. *«Скажите мне,— говорит он,— вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной». Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам.*

Ибо написано: «Возвеселись неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа»^д. Мы, братия, дети обетования по Исааку. Но как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. Что же говорит Писание? — «Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной»^е.

* * *

^а Деяния 26.6; см. там же, 25.19 и далее и 23.29. ^б Там же, 26.22, 23. ^в 1 Кор. 15.4.

^д Исайя 54.1. ^е Быт. 21.10, 12.

Итак, братия, мы дети не рабы, но свободной. И так стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства»^а.

Короче говоря, во всех своих *Посланиях* св. Павел рассуждает таким же образом на основе пророчеств Ветхого завета, который, по его словам, мог *умудрить людей во спасение*^б; он утверждает себя и других как *служителей Нового Завета, служителей не буквы, но духа закона*, т. е. Ветхого завета, понимаемого духовно^с, и стремится доказать, особенно в своем *Послании к Евреям*, что христианство содержалось в Ветхом завете и подразумевалось в иудейской *истории и законе*, которые он объясняет *образом и тенью христианства*^д.

Великим основополагающим догматом христианства было то, что Иисус из Назарета был мессией *иудеев, предсказанным в Ветхом завете*. И откуда это могло возникнуть и как могло быть доказано, если не на основе Ветхого завета?

Одним словом, книги Ветхого завета были единственными *каноническими Писаниями*, и притом единственными *Писаниями* во время жизни Иисуса и еще почти тридцать лет спустя после его смерти (хотя христианство к тому времени добилось огромного успеха)^е; и именно на их основе самые первые отцы церкви — Варнава, Поликарп, Климент Римский, Игнатий и Юстин Мученик^г, а также апостолы и авторы книг Нового завета объявили всему миру о христианстве и стремились доказать его; и *англиканская церковь* со всеми ими согласна в этом мнении, ибо она заявляет, что *в Ветхом завете Христос дарует людям жизнь вечную*^ф.

3. Ветхий завет — канон христиан

Действительно, в собственном смысле этого слова Ветхий завет до сих пор является *единственным истинным каноном Писания* (под которым понимается канон, установленный теми, кто имел *божественное повеление*

* * *

^а Гал. 4.21—31 и 5.1. ^б 2 Тим. 3.15. ^с 2 Кор. 3.6, 14. ^д Евр. 8.5 и 10.1; см. также Кол. 2.16, 17. ^е Massueti Annot. in Iraenepit., p. 43. ^ф Статья 7-я⁸.

установить *канон* и в силу этого повеления действительно установил *канон*), каким он был в самом начале христианства. Ибо книги Нового завета, как ясно показал г-н Уистон^а, все *связаны с какими-то событиями* и не являются *сводом или системой законов для управления церковью*^б; я добавляю, не были сведены в одно целое или в одно собрание и не объявлены ни одним *человеческим* повелением все *каноническими* до седьмого века, когда, как говорит наш самый ученый защитник *канона Нового завета* преподобный г-н Джон Ричардсон, *кажется, был завершен спор относительно так называемой последней книги канонических Писаний*^в. Они — христианские книги и содержат доказательства христианства на основе Ветхого завета; но само христианство они содержат только в том смысле, что объясняют, иллюстрируют, подтверждают христианство, проповедуемое в Ветхом завете. Представляется, что все они, как ясно заявил Гроций^г относительно книг Луки, *написаны набожно и добросовестно и на сюжеты, имеющие громадное значение для спасения человечества, и поэтому объявлены церковью каноническими*^д. Это установление носило явно случайный характер, и такая участь выпала на долю этих книг лишь постепенно^е и после долгих споров относительно их авторитетности и могла бы выпасть на долю других религиозных книг, которые, хотя и считались древними частью Писания и были объявлены *каноническими*, с того времени отвергнуты как поддельные и апокрифические^ф.

Необходимо также заметить, что наш Спаситель, который заверяет нас, что он пришел *исполнить закон и пророков*, а не *нарушить* религию иудеев^з (многие из которых задолго до пришествия Христа считались истин-

* * *

^а Whiston's Essay on the Apostol. Constitutions, p. 159—164¹⁰.

^б См. Hare's Sermon of the Church Authority, p. 44¹¹.

^в Richardson's Canon of the New Testament vindicated against Toland, p. 17¹².

^г Grotii. Votum pro Pace, Oper. Theologio., tom 3, p. 672, 673¹³.

^е Nye's Defence of the Canon of the New Testam., p. 122¹⁴.
Floyer's Pref. to the Prophecies of Esdras, p. 3¹⁵.

^ф Last Apostolick Canon¹⁶.

^з Матф. 5.17. Simon. Supplement aux Ceremonies des Juifs, p. 28, 29¹⁷.

ными христианами^а и верили слову божью, или христианству, наравне с теми, которые были обращены в христианство апостолами), не оставил на письме ничего, что могло бы установить его *новый закон*, если его можно так назвать, который, собственно говоря, был не *новый закон*, а иудаизм^б, объясненный и представленный в должном свете. Одним словом, у иудеев и христиан был один и тот же *канон Писания*; и не было бы между ними никаких различий, и не отделились бы последние от первых, с которыми в течение многих лет после смерти Иисуса они имели общее причастие, если бы иудеи поняли духовный смысл своих собственных книг, объявленный и объясненный им апостолами, которые *никому ничего не говорили, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет*^с.

Короче говоря, Иисус и его апостолы действительно часто и подчеркнуто называют книги Ветхого завета *Писаниями* и отсылают к ним людей как в своему *правилу и канону*. И св. Павел говорит: «...по [христианскому] *учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему написанному в законе и пророках*»^д. Но ни одну новую книгу они не объявляли имеющей такой же характер. И в течение жизни апостолов не было установлено никакого нового канона Писания, не было создано ни одного сборника книг Писания, ни евангелий, ни посланий^е, как то признают знающие люди древности и особенно наши ученые Грейб и Миллс¹⁸, самыми последними из всех авторов и к тому же с великим тщанием исследовавшие эти вопросы. А если Иисус и его апостолы не объявили *канонической* ни одну книгу, то, спросил бы я, кто бы объявил или мог впоследствии объявить или сделать какие-либо книги *каноническими*? Если было бы сочтено целесообразным и необходимым для христианства дать или объявить *новый канон* или *свод законов*, то, каза-

* * *

^а Гал. 3.8; Евр. 11. См. Barlow's Remains, p. 577—593.

^б См. Selden de Synedriis, l. 1, c. 8, p. 225.

^с Деяния 26.22.

^д Там же, 24.14.

^е Grabe. Spicil. Sec. 1, p. 320; Millii Proleg. ad Nov. Testam., p. 23.

лось бы, уместнее всего это было бы сделать Иисусу или его апостолам, а не кому-либо из тех, кто жил после них; тем более нельзя было оставлять решения этого вопроса тем, кто жил много лет спустя после апостолов, слабым, подверженным ошибкам, склонным к раздорам, корыстным людям, спорившим друг с другом относительно подлинности всех книг, авторство которых приписывалось апостолам, и сражавшимся между собой из-за авторитетности самых различных книг.

Я изложил эти краткие замечания относительно *истинного канона Писания* христиан не только потому, что они имеют отношение к моему рассуждению, но также в качестве *соображений*, которые кладут конец всем спорам христиан относительно *канона Писания* и которые к тому же могут служить для исправления ошибок г-на Уистона, который к существующим книгам Нового завета добавляет два *Послания* Климента к *Коринфянам*^a (оба они, целиком и полностью утраченные в течение нескольких столетий, были обнаружены лишь совсем недавно и к тому же в очень неполном виде); «*Учение апостолов*» (утраченная книга, которую, как вообразил г-н У., он обнаружил^b); *Послание* Варнавы; «*Пастырь*» Гермы; *вторую книгу апокрифического Ездры*^c; *Послание* Поликарпа и более *пространные Послания* Игнатия¹⁹; и который, ясно видя, что книги Нового завета *не составляют систему законов для управления церковью* и не предназначены для упомянутой цели, и будучи убежденным, что христианам следует иметь такую *систему*, объявляет явно поддельной современную книгу «*Апостольских постановлений*», содержащую эту систему, хотя и выражает сомнение относительно древности некоторых ее частей, *подновленных* в других и *впервые опубликованных в середине четвертого века*^d. Упомянутая книга действительно имеет *форму закона* и претендует на то, чтобы быть трудом *всех апостолов, собравшихся в Иерусалиме*, хотя во многих случаях она не

* * *

^a Whiston's Essay on the Apostol. Constit., p. 33, 34, 67, 68, 71.

^b Ib. Advertisement before Primitive Christianity²⁰.

^c См. Floyer's Preface to Prophecies of Esdras, p. 3.

^d Whiston's Essay on Apost. Const., p. 233—236.

соответствует книгам Нового завета^а, и это признает сам г-н Уистон, который говорит, что такое несоответствие является *«очевидной характерной чертой, присущей оригинальным и подлинным историческим документам христианства (и это утверждение по меньшей мере столь же справедливо в отношении четырех евангелий и всех остальных наших нынешних канонических книг, если их сравнивать друг с другом), и что «Постановления» — самые достоверные и точные из двух и что скорее нынешние тексты евангелий надо исправлять по ним, а не наоборот^б.*

Я закончу данный раздел замечанием о том, что, хотя г-н Уистон в соответствии с общепринятыми обозначениями христиан называет книги Нового завета *Писанием* и *каноническим Писанием*, тем не менее очевидно, что он не может считать их *боговдохновенными* или же имеющими такое происхождение, какое признают за ними другие христиане. Ибо он полагает не только, что они подверглись изменениям и исправлениям и противоречат друг другу^с, но что и сами авторы их, возможно, ошибались^д, и он устраняет *путаницу*, созданную Лукой; тем самым он поступает как знаменитый Жюрье^е, который, по его словам, *«приводит в порядок то, в чем Святой Дух допустил путаницу»^е*. В этом г-н Уистон ненамного отличается также и от многих других великих богословов, которые, кажется, проявляют мало уважения к книгам Нового завета, текст которых они вечно исправляют в своих проповедях, комментариях и писаниях для достижения определенных целей, и которые утверждают, что *мы получим больше правильного текста, меньше цепляясь за напечатанный текст^ф*, и

* * *

^а Smalbroke's Pretended Authority of the Apostol. Constitut. confuted.

^б Whiston's St. Clement and St. Irenaeus's Vind. of the Apost. Const., p. 5. См. также Proceedings in Convoc., p. 103.

^с Wiston's Proceedings in Conv., p. 87, 99. Id. Pref. to Letter to Earl of Nott., p. 35, 36. Id. Chron. and Harmony, p. 100. Id. St. Clement and St. Irenaeus's Vind., p. 5. Id. Proceed. in Conv., p. 103. Id. Essay towards restor., p. 119 and Essay on Revelations, p. 129, 135.

^д Id. Chron. and Harm., p. 100.

^е Jurieu. Accompl. des Prophet., vol. 2, p. 211.

^ф Hare's Clergyman's Thanks to Phil. Lipsiensis, p. 37.

вследствие этого позволяют себе исправлять с помощью критических *улучшений*^а некоторые *главные места* в работах *святых авторов*; и которые, требуя от людей согласия с традиционными толкованиями Писания и с катехизисами, вероисповеданиями, символами веры и тому подобными сочинениями, поддерживаемыми, как обязаны люди всюду под страхом наказания верить, Писанием, и настаивая на вере в них, на самом деле фактически отодвигают в сторону авторитет Писания и ставят на его место упомянутые сочинения.

4. Распространенный и необходимый способ создания и обоснования новых откровений — на основе предшествующих откровений

Этот способ вводить христианство в мир с помощью возведения и обосновывания его на Ветхом завете согласуется с общепринятым способом введения *новых откровений* (подлинных или мнимых) или любых *изменений* в религии^б, а также с *природой вещей*. Ибо если мы рассмотрим различные *откровения* и *изменения* в религии, история которых с самого их зарождения нам более или менее известна, то обнаружим, что по большей части они привиты к какому-либо старому подвою или основаны на каких-либо предшествующих *откровениях*, которые они должны были либо заменить, либо осуществить, либо освободить от извращенных толкований, нововведений и традиций, обременивших их с течением времени; а такое — может быть, это будет казаться неожиданным для тех, кто не думает об изменчивости всех вещей, — случалось; хотя старые *откровения* не только не подразумевали никаких изменений, прививок или новых заповедей, но по большей части прямо заявляли, что они должны существовать *вечно*, и даже за-

* * *

^а Id. Scripture Vindicated, p. 150.

^б Stanhope's Charron of Wisdom, 1. 2, c. 5, p. 103.

прещали любые изменения и нововведения, поскольку они предназначались быть *последними заповедями*.

Как мы видим на опыте, эта *прививка на старом подвое* происходит во всех *сектах*, которые сходным образом и в соответствии с естественным ходом вещей возникают в различных великих и господствующих религиях мира. В не меньшей степени это справедливо и в отношении самих господствующих религий; некоторые из них, как мы знаем, сами первоначально были всего лишь *сектами*.

Так, миссия Моисея к *израильтянам* предполагала предшествующее ей откровение бога (который, как представляется, с самого начала постоянно давал целый ряд заповедей и откровений) их предкам^a; и многие религиозные предписания Моисея были заимствованы из религиозных обрядов язычников^b, с которыми общались *израильтяне*, или были похожи на них, особенно на религиозные обряды *египтян* (из-за этого некоторые язычники, кажется, путали их с *израильтянами*^c, поскольку религиозные обряды тех и других одновременно^d и в равной степени были запрещены другими), религиозным обрядам которых во время своего *египетского* пленения, кажется, *подчинялись*^e *израильтяне*, не исключая самого Иосифа^f, который, судя по его положению в государстве, по его женитьбе на дочери князя или *жреца* Потифера, устроенной самим фараоном, по его манере *клясться*, совместной *трапезе* с *египтянами*, по его занятиям языческим *прорицанием* и прежде всего по его политической деятельности, был, кажется, самым истинным приверженцем официальной церкви *Египта*, в веру которой он был обращен.

Миссия Зороастры²² к *персам* предполагала *религию* волхвов, которая в течение многих столетий до это-

* * *

^a Исход 3.

^b Simon. Hist. Crit. du Vieux Test., p. 50; Spencer. de Legibus. Stanhope's Dissert. in Charron of Wisdom, vol. 2, p. 93. 97; Marsham Canon Chronicus, p. 181.

^c Strabo, l. 16, 17²⁴.

^d Taciti. Annales, l. 2; Sueton. in Tiber²⁵.

^e Ис. Н. 24.14; Амос 5.26; Деяния 7.43.

^f Быт. 41, 40.45; там же, 42.15.32; 44.5.

го была древней национальной религией как мидян, так и персов^а.

Миссия Магомета²³ предполагала существование христианства, а оно в свою очередь — иудаизма.

А сиамцы^б и брамины^с (и те и другие) утверждают, что среди них обитали *последовательно сменявшие друг друга божества, принявшие облик человека*, которые через соответствующие промежутки времени приносили с неба новые откровения, причем каждое последующее зависело от предыдущего, и что религия таким образом будет развиваться вечно.

И если мы примем во внимание *природу вещей*, то обнаружим, что внедрить среди людей (которые во всех цивилизованных странах воспитаны в вере в какую-либо данную в откровении религию) совершенно новую боговдохновенную религию или такую, которая никак не связана с предыдущей, должно быть трудно, если не невозможно^д. Ибо это означало бы бороться со всеми людьми по слишком многим вопросам и не иметь для развития борьбы достаточного числа принципов, с которыми должны согласиться те, на кого, как предполагается, новая религия должна произвести первые впечатления.

Полная новизна — очень серьезное и обоснованное возражение против всякого религиозного установления^е; религиозные секты всех родов сознают это так хорошо, что они всегда пытаются тем или иным способом придать себе вид самой глубокой древности, какой только могут, и обычно абсолютной древности. Так, св. Лука говорит, что *Бог возвестил о Спасителе устами бывших от века святых пророков своих*^ф. Св. Павел защищает себя и христианскую религию от обвинений в новизне, заявляя: «...по учению, которое они называют ересью, я

* * *

^а Prideaux's Connect. Vol. 1, p. 214; Pocock. Spes. Hist. Arab., p. 147—149.

^б Gervaise. Hist. de Siam. 3d. pt., c. 1; Tachard. Voyage de Siam, vol. 1, p. 396²⁶.

^с Delon. Des Dieux Orient., p. 10—30; Philos. Transac. Ann. 1700, p. 734²⁷.

^д Charron. Of Wisdom, 1. 2, c. 5²⁸.

^е Defensio S. Augustini contra J. Phereponum, p. 185, 187.

^ф Лука 1.70.

действительно служу Богу отцов моих, веруя всему написанному в законе и пророках»^а; тем самым он объявляет, что христианство не только не *ересь*, или новое мнение, а, напротив, учение Ветхого завета. А христианские богословы^б ведут *древность* христианства от времени *грехопадения* Адама, утверждая, что явление Христа было уже тогда *обещано* в следующих словах: «*Семья жены будет поражать змея в голову*»^с, которые, как они говорят, содержат *Евангелие в миниатюре*^д, и что с того времени люди спасались верою в упомянутое *обещание* о грядущем пришествии Христа, который был *агнцем, принесенным в жертву от начала мира*^е; смерть Христа *обращена как к прошлому, так и к будущему*^ф.

А один видный богослов полагает, что может с большой вероятностью установить точное время начала христианского завета. Он говорит, что Адам был создан на шестой день в девять утра, что он совершил *грехопадение* около *полудня*, ибо это *время трапезы*, и что Христос был *обещан около трех часов пополудни*^г.

Так что истина христианства зависит, как и следовало ей, от древних откровений, которые содержатся в Ветхом завете, и более конкретно и непосредственно от откровений, данных в нем иудеям.

5. Главные доказательства христианства, содержащиеся в Ветхом завете, приводятся апостолами в Новом завете

Как христианство зависит от упомянутых *откровений* или какие *доказательства* в пользу христианства

* * *

^а Деяния 24.14.

^б Taylor's Preservat. against Deism, p. 213; Whiston's Sermons and Essays, p. 59—78; Stillingfleet's Sermons, fol. p. 187 ²⁹.

^с Быт. 3.15.

^д Taylor, ib.

^е Евр. 9.24, 25, 26. Ib. 11.7.13.

^ф Tillotson's Sermons, vol. 5, p. 66, 67 ³⁰.

^г Lightfoot's Works, vol. 2, p. 1324 ³¹.

можно к тому же в них встретить — тема почти всех многочисленных книг, написанных богословами и другими защитниками христианства; но можно совершенно справедливо предположить, что главные, принципиальные *доказательства* из их числа приводятся в Новом завете его авторами, которые пересказывают историю первого проповедования слова божия и сами являются либо учениками Христа, либо спутниками учеников.

6. Если эти
доказательства верны,
христианство непоколебимо
установлено на своей
истинной основе

Я уже в определенной степени приводил эти доказательства. И если они — верные доказательства, тогда христианство прочно и непоколебимо стоит на своей истинной основе. Оно покоится на своей истинной основе, потому что на этих *доказательствах* основывали христианство Иисус и его *апостолы*. И оно прочно и непоколебимо стоит на этой основе, потому что *доказательство*, взятое из *боговдохновенной книги*, является абсолютно убедительным; а *пророчества*, данные в боговдохновенной книге, таковы, что когда они сбываются, то могут по всей справедливости рассматриваться^а как *достоверные* и *наглядные* доказательства, которым Петр в качестве довода оказывает *предпочтение* перед чудесным подтверждением миссии Иисуса Христа, которое дал сам бог и которому Петр и два других апостола были свидетелями^б. Представляется, что он рассуждает следующим образом: «Если взять за основу то, что пророчество исходит от Духа Святого, оно является более сильным доводом, чем чудо, которое зависит от внешнего свидетельства и показания».

* * *

^а *Origen. Contr. Cels.*, p. 34³³.

^б 2 Петр 1.19. См. Whitby in locum. Whiston's Lect., p. 4.

Кроме того, как говорит наш Спаситель^а, Моисея и пророков — не только без помощи новых чудес, но даже если будут совершаться чудеса, направленные против них,— достаточно для основы веры.

Строя таким образом религию на пророчестве как основе, Иисус и его ученики действовали в согласии со всеми религиозными сектами язычников, которые всюду строили свои религии на прорицании и делали также занятие этим искусством значительной частью своей религии^б. Они изучали это искусство в школах, или как учебную дисциплину; так поступали, например, иудеи, пророчествуя в школах и колледжах пророков^с, где, как говорит ученый Додуэлл³², кандидаты в пророки обучались правилам прорицания, которым занимались язычники, опытные в этом деле и владевшие этим искусством, развитым задолго до них. Кроме того, этот чудесный дар пророчества среди иудеев был не случайной редкостью, а обычным делом и постоянным доказательством божественного происхождения иудаизма. Ибо во исполнение слов Моисея: «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой, — Его слушайте^д (которые подразумевают установление ордена и преемственности пророков по аналогии с языческими прорицателями)^е — среди них было огромное число пророков^ф, которые не только в самых важных государственных делах, но и в отыскании потерянных вещей и в предсказании судьбы^г проявляли свое божественное вдохновение и которым те, кто к ним обращался, платили либо провизией, либо деньгами, либо подарками. Таким образом, у самого незначительного человека в Иудее имелась возможность, когда предоставлялся подходящий случай, совершить для себя это чудо; поэтому, как мы легко можем сделать вывод, прорицание должно было быть обычным неоспоримым фактом

* * *

^а Лука 16.31; Матф. 24.23,44; Марк 13.21,22.

^б Cicero. De Divinatione³⁴.

^с Bull's Sermons, p. 419; Wheatley's Schools of the Prophets. Dodwel's Letters of Advice, p. 214.

^д Втрп. 18.15, 18.

^е Dodwel, lb. Stillingfleet's Orig. Sacrae, 1. 2, с. 4, n. 1.

^ф lb., n. 2; Burnet. Archaeol., p. 43, 44.

^г 1 Цар. 9.6,20; 2 Цар. 14.2,3; 3 Цар. 8.8,10; 1 Цар. 9.7,8.

жизни; ибо постоянные нужды людей, должно быть, часто заставляли их обращаться к *пророкам*, так же как необходимость добывать средства к жизни при его помощи, должно быть, вынуждала *пророков* постоянно использовать свою способность к прорицанию.

Можно также справедливо предположить, что пророческая способность *толкования снов* (которая была пророческой наукой, на владение которой претендовали все народы), распространенная среди иудеев, давала множеству людей возможность ежедневно прибегать к *толкованию* своих *снов*, которые, как полагали, обычно означали что-либо плохое или хорошее, которое должно было выпасть на долю людей, и, как правило, толковались в отношении грядущего.

Наконец, представляется, что *сбывшиеся пророчества* являются самыми убедительными из всех доводов для выявления истинности откровения, которое предназначено для всеобщего распространения среди людей. Ибо, например, человек, которому в руки вложили Ветхий завет, содержащий *пророчества*, и Новый завет, содержащий их осуществление, и который однажды убедился — а он может убедиться с величайшей легкостью — в том, что Ветхий завет существовал раньше Нового, может получить полное внутреннее, божественное доказательство истинности христианства без длительных и многотрудных исследований. Тогда как доводы другого рода, например такие, которые относятся к авторитету и подлинности книг, а также к личностям и характерам авторов и свидетелей, требуют большего прилежания и понимания, чем то, которым наделено большинство людей, или же они сами по себе очень ненадежны, как мы можем судить по той картине состояния раннего христианства, которую дают нам наши самые ученые богословы.

Благочестивый и ученый епископ *Фелл* говорит: «*Tanta fuit primis saeculis fingendi licentia, tam prona in credendo facilitas, ut rerum gestarum fides graviter exinde laboraverit; nec orbis tantum terrarum, sed et Dei ecclesia de temporibus suis mythicis merito queratur*»^{a 35}.

* * *

^a Fell, in Praemissa Monit. Confess. suppos. Cypriani.

Епископ Стиллингфлит³⁶ говорит, что *раннее христианство наиболее слабо тогда, когда оно наиболее полезно, а именно в период непосредственно после апостолов*^a. А д-р Хикс говорит, что *во времена апостолов было столь же много ересей и расколов и были они столь же велики, как, вероятно, в любое другое столетие существования церкви*^b. Так что если отложить в сторону упомянутые выше внутренние доказательства, основанные на *пророчествах* (которые исходят от апостолов и сами по себе достаточны), могло бы показаться, что христианство, учитывая приведенную выше картину его раннего состояния, лишено других или внешних доводов. И ничто не может казаться более ложным и более далеким от первоначального состояния вещей, чем утверждение преподобного г-на Рива о том, что, *если бы христианство было обманом, это такой обман (доказанный или так задуманный), который мы обязаны принять и которому обязаны следовать*^c.

7. Если эти доказательства неверны, тогда христианство ложно

С другой стороны, если бы доказательства в пользу христианства, содержащиеся в Ветхом завете, были неверны; если бы доводы, основанные на этих книгах, не были убедительны, а пророчества, приводимые из них, не сбывались, это свидетельствовало бы о том, что у христианства нет истинной основы: ибо тогда основа, на которой Иисус и его апостолы построили его, неверна и ложна. Не могли бы помочь в этом случае и *чудеса*, которые, как утверждают, сотворили Иисус и его апостолы именем христианства: ибо *чудеса* никогда не могут сделать верной такую основу, которая сама по себе неверна; никогда не могут сделать ложное заключение истинным; никогда не могут заставить сбыться такое *пророчество*, которое не сбылось; никогда не могут

* * *

^a Stillingfleet's Irenicum., p. 296.

^b Hickes's Apost. Vind. of the Church of England, p. 124.

^c Reeve's Apol. Vol. 2, p. 137.

выделить мессию, или Иисуса в качестве мессии, если оба они не выделены в Ветхом завете. Кроме того, *чудеса*, которые, как утверждают, были совершены, можно часто по справедливости считать ложными слухами, если они приписываются лицам, ссылающимся на авторитет Ветхого завета, который, как они имеют наглость утверждать, поддерживает их претензии. Нельзя вообще даже предположить, что бог *часто* позволяет творить чудеса для подтверждения ложной или мнимой миссии; и если он когда-либо все же допускает совершение чудес в подтверждение мнимой миссии, то в Ветхом завете^а для нас содержатся указания о том, чтобы не принимать во внимание такие чудеса, но твердо сохранять верность ранее данным откровениям, подтвержденным чудесами и содержащимся в Ветхом завете, несмотря ни на какие иные чудеса, которые, [по мнению некоторых богословов, *какими бы блестящими дарами они ни были, не являются доказательствами истины*^б, но] в случае, когда они удостоверяют нечто противоречащее ранее данному откровению, подтвержденному чудесами, безусловно, не являются доказательствами истины. Нельзя никогда принимать ни одно новое откровение, какими бы чудесами оно ни было доказано, если оно не подтверждает предшествующее установленное истинное откровение или противоречит ему.

Более того, *те из иудеев*^с, кто ждал мессию, или *Освободителя* (ибо во времена нашего Спасителя все иудеи^д, а перед пленением, возможно, ни один из них), никогда не ждали *Освободителя* в виде земного, бренного существа. Апостолы перед смертью Иисуса ожидали, что он будет именно соответствовать их представлениям о нем^е. Они ожидали, что именно таким он будет после своего воскресения, когда они спрашивали его: «*Не в сие ли время, Господи, восстанавлишь ты царство Израилю?*»^ф Он, кажется, не стал опровергать этого

* * *

^а Втрп. 13. 1, 2.

^б Hickes's Apol. Vind. of the Church of England, p. 23, 24; Stillingfleet's Orig. Sacrae, 1, 2, c. 5, n. 7.

^с Лука 2.38.

^д *Le Clerc*. Sur l'endroit; *Ib. Hist. Eccl.*, p. 4.

^е Лука 24.21.

^ф Деяния 1.6; Tillotson's Sermons, vol. 10, p. 226.

мнения и не вывел их из заблуждения относительно *восстановления царства Израилю*; но, приняв их мнение как само собой разумеющееся, ответил им только о *времени*, сказав, что *не их дело знать времена или сроки*, когда он восстановит царство *Израилю*. И еще долго после вознесения Иисуса все ранние христиане делали грубую ошибку, ожидая, что он сойдет в облаках и будет лично и триумфально править на земле *царством, которое близко*. Иудеи ожидали мессию, который должен был сделать их жалкую жизнь счастливой, править ими в соответствии с их собственными законами, и никак, даже в самой малейшей степени, не думали о духовном только освобождении^а или каком-либо изменении их божественного закона (который они считали *вечным*^б) новой законодательной властью, которой облек Иисуса бог. Вследствие этого они не только не думали, что о личности и учении Иисуса подробно сообщается в Ветхом завете, но и *не знали, откуда он*^с, и полагали, что он во многом отличался от того Христа, которого они ждали *оттуда*, и считали, что *не может быть большего противоречия, ничего более непримиримого по существу или по словам, чем утверждение о том, что одно и то же лицо и Христос* (т. е. торжествующий Князь), *и распятый на кресте*^д. Поэтому многочисленные и поразительные чудеса, сотворенные Иисусом, хотя и равные тому, что ожидали иудеи от своего мессии^е, для них не были доказательствами, что он действительно *тот* мессия. Они ни в малейшей степени не были расположены принять его за мессию на основании чудес^ф; но, наоборот, они *по неведению*^г, *не узнав Бога славы* по его чудесам, добились, чтобы его распяли на кресте за то, что он объявил себя мессией.

Не оказали никакого влияния его чудеса ни на его собственных *братьев*, ни на *сродников*, ни на *семью*^h,

* * *

^а Scripta Judaei apud Limborchii Amic. Collat., p. 76, 115.

^б Замечания Уитби о Гал., 4.21.

^с Иоанн 9.29.

^д Stanhope's Boyl. Lect. First Sermon for 1700, p. 7, 8.

^е Иоанн 7.31.

^ф Лука 2.34.

^г Деяния 3.17.

^h Марк 6.4; Иоанн 7.5.

которая, кажется, относилась к нему с бóльшим недоверием, чем остальные иудеи. Не оказали они и того воздействия, которое, казалось бы, предназначены были произвести, на его непосредственных последователей и учеников. Некоторые из них *не верили ему*^a, и *отошли* от него, и особенно утратили *веру* в него, когда он говорил о своих *страданиях*; а когда увидели его страдания^b, думали, что он не может быть мессией, несмотря на его чудеса и частые заявления о том, что он именно и есть мессия. А иудеи даже после воскресения и вознесения Иисуса были столь глубоко убеждены в своем понятии о земном освободителе — а развитие христианства было основано на вере в Иисуса как в мессию, — что во все времена бедствий, и особенно часто во времена апостолов^c, они огромными толпами следовали за *самозванцами*, которые выдавали себя за мессию и прибегали к силе оружия как способу *восстановления царства* Израиля. Так что иудеи, которые ошибались в этом весьма важном вопросе и грубейшим образом исказили смысл своих собственных книг, могли — пока их не поправили в толковании Ветхого завета и пока они не убедились отсюда в том, что Иисус был мессией, — столь же обоснованно отвергать Иисуса, подтверждающего свою миссию и учение с помощью *чудес, как и любого* другого человека, который благодаря чудесам вверг бы их в *идолопоклонство* или в любое другое зримое нарушение *закона Моисеева*. И язычники, которых следовало регулярно обращать в иудейскую веру, имели право получать такое же удовлетворение до того, как они могли стать христианами, и им тоже следовало основывать свое христианство на Ветхом завете; и они могли нуждаться в нем [удовлетворении] (как нуждался Цельс^d) в не меньшей степени, чем иудеи, которые — как, возможно, могли допустить язычники — понимали свои собственные книги лучше, чем апостолы, явно дававшие

* * *

^a Иоанн 6.64, 66; Марк 8.31.

^b Лука 24.21.

^c *Joseph. Antiq.*, l. 20, c. 2, 6; *Ib. De bello Jud.*, l. 3, c. 23; l. 7, c. 30³⁷. *Lent. De Pseudo Messiis. Vandale. Dissert. de Origine Idol*, p. 227; *Tillotson's Sermons*, vol. 13, p. 116—119, 151.

^d *Origen. Contra Celsum*, p. 78, 343.

этим книгам новые толкования, и притом такие, которые не соответствовали их очевидному и буквальному смыслу и противоречили разуму еврейского народа. И в этом отношении как иудеи, так и язычники могли сослаться на пример апостолов, которые вначале, как и все неверящие иудеи, действительно ожидали Князя мира и, несмотря на его *чудеса*, действительно не верили Иисусу, что он и есть мессия, из-за его страданий; которые продолжали придерживаться этих мыслей до тех пор, пока не сумели понять духовный смысл *Писания*, воспринятый ими частично из беседы с Иисусом после его *смерти*, а частично благодаря внушению^а, и которые, как может показаться, в отношении столь многих вопросов, касающихся Иисуса, были непоследовательны в толковании Писания, которое они делали в соответствии с традиционными правилами и объяснениями иудеев, отвергая тем не менее их традиционное объяснение в отношении земного царства их мессии.

Одним словом, в соответствии с замыслом Евангелия, *чудеса*, сотворенные Иисусом, не являются абсолютными доказательствами его мессианства или истинности христианства.

Эти *чудеса*, подобно другим событиям Евангелия, были напрогнозированы в Ветхом завете. И поэтому их следует считать доказательствами этих событий только в той мере, в какой они осуществляют сказанное в Ветхом завете, подобно другим делам и событиям, относящимся к Евангелию, или (как хорошо выразил это один из лекторов «Бойлеанских чтений»³⁸) *поскольку они включены в пророчества, касающиеся мессии, и точно соответствуют им*^б. В этом смысле они хороши *доказательства*, но только в этом смысле. Ибо, как я ранее заметил, если Иисус не был тем лицом, о котором пророчествует Ветхий завет как о мессии, его чудеса не доказывают ни его мессианство, ни его божественную миссию. И сам Иисус только в этом смысле утверждает, что его чудеса доказывают, что он мессия. Ибо когда Иоанн Креститель, услышав в темнице о делах Христовых^с, т. е. о чу-

* * *

^а Деяния 26.22.

^б Stanhope's Boyl. Lect. 1701. *Serm.* 8, p. 19.

^с Матф. 11.2, 3.

десах, но сомневаясь, был ли тот мессией,— поскольку, возможно, подобно другим иудеям и подобно самим апостолам, он ожидал Князя мира, и притом такого, который освободил бы его из тюрьмы,— послал к нему двоих из учеников своих, чтобы узнать, мессия ли он, или *ожидать им другого*; Христос объявил себя мессией, *показав*, что отличия мессии, о которых говорили пророки, ясно обнаруживаются у него, и сказав следующие слова: *«Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне»^а*. Эти отличия включают две черты: первая — совершение чудес и вторая — появление в *низком* звании и *проповедование нищим* (эта последняя была совершенно неправильно понята иудеями и наносила им большое оскорбление; а что касается первой, то иудеи согласились с пей^б). Ни одной из этих черт самой по себе не будет достаточно, чтобы доказать мессианство Иисуса без другой; обеих вместе тоже было бы недостаточно, если бы они не были отличиями мессии, предсказанными пророками.

8. Эти доказательства — символические или аллегорические доказательства

Представляется, что мы вполне правомочны судить о *силе* или *слабости* доказательств в пользу христианства, взятых из Ветхого завета, поскольку у нас в руках имеется и Ветхий и Новый завет; в первом содержатся доказательства христианства, а во втором — применение этих доказательств. Кажалось бы, нам ничего другого делать не нужно, как только сравнить соответствующие места Ветхого и Нового заветов.

* * *

^а Матф. 11.4—6.

^б Иоанн 7.31.

Но поскольку эти *доказательства*, взятые из Ветхого завета и приводимые в *Новом* завете, в том очевидном и буквальном их значении, которое они должны бы передавать в предполагаемых местах их нахождения в Ветхом завете, иногда не могут быть ни найдены в Ветхом завете, ни приведены в *Новом* и поэтому в соответствии с законами схоластики не являются доказательствами, почти все христианские *комментаторы* Библии и *защитники* христианской религии, как древние, так и современные, считают, что они применены в переносном, или символическом, или мистическом, или аллегорическом, или загадочном смысле, т. е. в смысле, отличном от очевидного и буквального значения их в Ветхом завете ^а.

1. Так, например, св. Матфей, рассказав о зачатии девы Марии и о рождении Иисуса, говорит: «*А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»*» ^б. Но эти слова в том виде, как они приводятся в книге пророка Исаии ^с, откуда, как предполагается, они взяты, в своем очевидном и буквальном смысле относятся в действительности к *молодой женщине*, жившей во времена *иудейского* царя Ахаза, как станет ясно при рассмотрении контекста.

Когда Рецин, царь *Сирийский*, и Факей, царь *Израильский*, стали союзниками и пошли войной на Ахаза,

* * *

^а Ориген, Евсевий, Иероним (который прямо говорит Паммахию, что те места из Ветхого завета, на которые ссылается Павел, *aliter in suis locis, aliter in Epistolis Paulinis sonant*) ³⁹. Кирилл, Хризостом, Августин — из древних ⁴⁰. А из современных: Sextus Senensis in *Bibl. Sanctâ*; Glassius in *Philologiâ Sacrâ*; Grotius in *Vetus and Nov. Test.*, & sicut at in Isa. 53.1, in *Psal. 22.1* and in *Matt. 1.22*; Cuneus dans sa *Republique des Hebreux*. 1.3, c. 8, vol. 1, p. 376; *Simon. Hist. Crit. du V. T.*, p. 97, 98; *ib. Hist. Crit. du Nov. Test.*, c. 21, 22; *ib. Suppl. aux Ceremonies des Juifs.*, p. 7; Jenkins's *Reason. of the Christian Religion*; *Nichols. Conference with a Theist*, vol. 3; White on *Isaiah*; *Dupin. Dissert. Prelim. sur la Bible*, 1.1, c. 10; *Le Clerc. Bibl. Choïs.*, vol. 27, p. 388—399; See Whiston's *Confession of this Matter* in *Essay*, p. 92.

^б Матф. 1.22, 23.

^с Исайя 7.14.

царя *Иудейского*^а, пророк Исайя был послан богом сначала успокоить Ахаза и его народ, а затем заверить их с помощью знамения или чуда, что пройдет немного времени — и враги его будут разгромлены. Но когда Ахаз отказался получить знамение из рук пророка, пророк сказал: *«Итак, Сам Господь даст вам знамение^б: се, Дева (или молодая женщина^с) во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуместь отвергать худое и избирать доброе. Ибо, прежде^д нежели этот младенец будет разуместь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которую ты стремишься, будет оставлена обоими царями ее»*. И это знамение было соответственно дано Ахазу пророком, который взял себе *двух свидетелей^е* и в их присутствии приступил к упомянутой деве или молодой женщине, которую назвал *пророчицей^ф* и которая зачала и в должное время *родила сына*, названного Еммануилом^г; после его рождения замыслы^б Рецина и Факея вскоре были расстроены в соответствии с пророчеством и знамением, данным пророком.

И сам пророк как всем ходом своего повествования, так и недвусмысленным и ясным заявлением: *«Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указание и предзнаменование в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе»¹* — устраняет всякие сомнения относительно того, что его собственный ребенок и был упомянутым знамением.

Таков простой смысл и намерение пророка, понятые буквально, непосредственно и прямо; и именно так он понят одним из самых беспристрастных толкователей, великим Гроцием. Действительно, в высшей степе-

* * *

^а Исайя 7.1.

^б Там же, 7.14—16.

^с Vide Erasmus in Matt., c. 1, v. 30.

^д См. Исайя 8.4.

^е Там же, 8.2, 18.

^ф Там же, 8.3.

^г См. Grotius in Matt. 1, 22.

^б Исайя 8.8, 10.

¹ Исайя 8.18.

ни *нелепо*^а понять пророка таким образом, что он буквально и прямо имел в виду зачатие девы Марии и рождение ее сына Иисуса; это противоречит и самому намерению, и цели *знамения*, данного пророком. Ибо *знамение*^б было дано пророком с целью убедить Ахаза, что он принес ему послание от бога, чтобы заверить его, что два царя не одолеют его; каким образом зачатие и рождение сына девой семьсот лет спустя могло быть *знамением* для Ахаза, что пророк пришел к нему с упомянутым посланием от бога? И насколько бесполезны для Ахаза и нелепы сами по себе слова пророка: «*Прежде нежели этот младенец*» (который родится семьсот лет спустя) будет различать *доброе и худое*, «*земля будет оставлена обоими царями ее*»?^с Они скорее казались бы насмешкой, чем знамением. Однако пророчество о рождении определенного младенца мужского пола, который в течение года-двух должен появиться на свет, представляется настоящим *знамением* не только потому, что это событие, которое может с уверенностью предсказать только тот, кого вдохновит бог, но и потому, что оно совершается немедленно или очень скоро и, следовательно, само за себя свидетельствует о том, что это *божественное знамение* и отвечает всем целям *знамения*. А такое *знамение* согласуется с поведением бога в подобных случаях. Бог немедленно дал Гедену^д и Езекии^е *знамения*, дабы доказать, что он говорил с ними и что обещанное им сбудется. Если бы он дал им *знамения*, удаленные во времени, откуда бы они узнали, что сами эти *знамения* когда-либо появятся? И каким образом те *знамения* могли бы о чем-либо свидетельствовать? Тем *знамениям* нужны были бы другие *знамения*, чтобы показать, что бог вовремя их совершит.

Следовательно, если это пророчество не сбылось в отношении Иисуса в буквальном, очевидном и прямом смысле слов, как они написаны у Исайи, то предполагается, что оно, как и все другие пророчества, приводит

* * *

^а White in hunc locum, Pref., p. 20.

^б Исайя 7.14; 8.4.

^с Исайя 8.15, 16.

^д Суд. 6.

^е 4 Цар. 20.

мые апостолами, сбылось^а в переносном, или символическом, или мистическом, или аллегорическом смысле; т. е. упомянутое пророчество, которое ранее сбылось буквально благодаря рождению сына пророка, сбылось еще раз благодаря рождению Иисуса, поскольку это было событие такого же рода, и либо пророк, либо бог, который направлял речь пророка, хотели, чтобы оно было отмечено знамением. Я говорю: *«Как и все другие пророчества, приводимые апостолами»* — не только на основании самого тщательного изучения всех этих пророчеств, но и на основании того, что, как я обнаружил, утверждается одним видным богословом, который говорит: *«При изучении отдельных пророчеств можно обнаружить какое-либо другое лицо или событие (кроме Иисуса и деяний, с ним связанных), к которым можно приспособить эти пророчества, не прибегая к большому насилию над текстом»*^б. А эта предполагаемая аллегория или неясность (которая действительно царит во всех когда-либо высказанных пророчествах — языческих, иудейских, христианских или магометанских, предшествовавших событиям, с которыми их связали) отнюдь не становится основанием для возражений; напротив, утверждается ее необходимость^в, чтобы пророчества Ветхого завета смогли достичь той цели, для которой они предназначены. У разумных людей независимо от того, верят они в пророчества или нет, чрезмерная ясность пророчества всегда была признаком того, что оно было сделано после события. И поэтому почти все критики ныне осуждают недавно появившееся собрание *прорицаний Сивиллы* как поддельное как из-за их чрезмерной ясности, так и на основании других соображений.

Если читатель желает получить еще более полное удовлетворение относительно того, что буквальный, очевидный и прямой смысл этого пророчества говорит о собственном сыне Исайи, а не об Иисусе, я отсылаю его

* * *

^а Stanhope's Boyl. Lect. Sermon. 7. 1701, p. 54.

^б Le Clerc. Bibl. Univ. tom. 20, p. 54.

^в Montagu's Acts and Monuments, c. 2, § 2; Augustin. De Doct. Christian, l. 2, c. 5; Stanhope, ib., p. 11—32; Jenkins's Reason of Christ, vol. 2, p. 159—170.

к Гроцию^a, Гецию^b (Huetius) (который подкрепляет свое объяснение авторитетом Евсевия, Василия, Иеронима, Кирилла, Феодорета и Прокопия), Касталио^c, Епископию^d, Курцеллею^e (Curcellaeus), Хаммонду^f, Никольсу^g, Симону^h, Леклеркуⁱ, Лами^j, Киддеру^k⁴¹ (который, хотя и предпринимает попытку на множестве страниц доказать, что слова Исаяи применимы к рождению Христа в их буквальном смысле, тем не менее признает, что *в этом деле существуют очень значительные трудности*, и в конце концов вынужден прибегнуть к *символу и аллегории*), к нашему ученому и изобретательному комментатору Уайту^l и даже к самому г-ну Уистону^m, который показывает, что в соответствии с существующим текстом Исаяи, признанным всеми христианами, кроме него самого, *подлинным текстом*, слова Исаяи в их буквальном смысле не могут быть применены к рождению Христа.

2. Далее, св. Матфей сообщает нам еще одно пророчество, которое, как он утверждает, *сбылось*. Он говорит нам, что Иисуса отнесли в *Египет*, откуда он вернулся после смерти Ирода. «*Да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: «из Египта воззвал Я сына Моего»*»ⁿ. Это высказывание повторяет слово в слово то, что находим у пророка Осии^o, больше его нельзя обнаружить ни в каком ином месте Ветхого завета, поэтому предполагается, что оно взято именно оттуда; но там в соответствии с его очевидным смыслом оно не является пророчеством, а относится к прошлому

* * *

^a Grotius in Matt. & Isaiam.

^b Huetii Demon. Evang., p. 352—355; Huetiana, p. 206.

^c Castalionis. Biblia.

^d Episcopii Instit., l. 3, c. 13, § 14.

^e Curcellaei Instit., p. 220.

^f Hammond's Annotations.

^g Nichols's Confer. with a Theist, vol. 3.

^h Simon. Hist. Crit. du N. Test., c. 21.

ⁱ Le Clerc. Nov. Test.

^j Lamy. Harmon., p. 36.

^k Kidder's Dem. of the Messias, vol. 2, p. 285—315; p. 292, 309.

^l Whites's Comment on Isaiah.

^m Whiston's Essay, p. 229.

ⁿ Матф. 2.15.

^o Осия 11.1.

действию^а, когда бог призвал детей *Израиля* уйти из *Египта*, что, я полагаю, отрицается очень немногими. Поэтому, как говорят ученые люди, это место, или, как его называют, *пророчество* Осии, применяется мистически или аллегорически, чтобы оправдать использование его Матфеем. И они говорят, что все другие *способы*, применявшиеся некоторыми *учеными людьми* для *разрешения трудностей*, возникших в результате цитирования этого пророчества, *оказались безуспешными*.

3. Матфей говорит: Иисус, *«пришед, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророка, что Он Назореем наречется»*^б. Точной такой цитаты не встречается ни в одном месте Ветхого завета, поэтому в отношении ее никак нельзя сказать, что буквально сбылось пророчество Ветхого завета, содержащееся в ней.

4. Иисус говорит об Иоанне Крестителе: *«Он есть Илия, которому должно придти»*^в. Предполагается, что, говоря так, он имеет в виду следующие слова пророка Малахии: *«Вот, я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного»*^д, которые в соответствии с их буквальным смыслом означают пророчество о том, что должен явиться сам пророк Илия, и поэтому в отношении Иоанна Крестителя они сбылись не *буквально*, а *мистически*.

5. Далее Иисус^е приводит следующее пророчество Исайи: *«Слухом услышите, и не уразумеете»*^ф, — и он заверяет нас, что это *сбылось* в его время в отношении тех, кому он говорил *притчами*; хотя очевидно, что в соответствии с его буквальным смыслом оно относится к упрямым иудеям, жившим во времена Исайи.

Короче говоря, пророчества из Ветхого завета, приводимые авторами Нового завета, настолько явственно

* * *

^а См. Whiston's Lect., p. 12; Ib. Essay, p. 88; Simon. Hist. Crit. du N. Test., c. 21, p. 260; Cunaeus. Rep. des Heb., vol. 1, p. 376; Huetii Dem. Evang., p. 730.

^б Матф. 2.23.

^в Матф. 11.14.

^д Мал. 4.5.

^е Матф. 13, 14, 15.

^ф Исайя 6.9.

относятся в своем очевидном и прямом смысле к другим событиям, а не к тем, для доказательства которых они приводятся, что утверждать, будто в этом смысле они действительно доказывают то, для доказательства чего они приводятся,—значит *предать дело христианства иудеям* и другим его *врагам*^a, которые могут столь легко показать на столь многочисленных неоспоримых примерах, что в этом отношении Ветхий и Новый заветы никак не связаны друг с другом, а, напротив, *несовместимы друг с другом*^b.

Более того, это несоответствие демонстрируется — в подтверждение мнений недругов христианства — самыми учеными людьми христианской церкви, которые, по словам г-на Уистона^c, приложили большие старания, чтобы показать, что доводы апостолов, взятые из Ветхого завета, не основываются на его буквальном смысле. *Гроций* показывает это в отношении большей части, если не всех, пророчеств и цитат, взятых из Ветхого завета в Новый^d. Додуэлл^e в опубликованной посмертно работе связывает (вместе с ученым сэром Джоном Маршем^{f 42}) даже знаменитое пророчество Даниила относительно *недель* со временем Антиоха Эпифана⁴³. В ней он показывает, что *выражения*, взятые оттуда Христом^g, которые, как утверждает Христос, предсказывают разрушение *Иерусалима римлянами*, имеют отношение к этому разрушению только в *переносном смысле*. А то знаменитое место в Пятикнижии: «Пророка, как меня *воздвигнет тебе Господь, Бог твой, — Его слушайте*»^h (некоторые толкуют его так, что в нем буквально имеется в виду Иисус Христос, а Лукаⁱ дважды ссылается на него, утверждая, что здесь говорится об Иисусе Хрис-

• • •

^a *Cuneus. Rep. des Hebr.*, l. 3, c. 8, vol. 1, p. 372; *Simon. Bibl. Crit.*, vol. 4, p. 513; *Ib. Hist. Crit. du Nov. Test.*, c. 21, 22.

^b Whiston's Essay, p. 282.

^c Whiston's Essay, p. 92; *Ib. Lectures*, p. 13, 19, 20, 38, 47, 48.

^d Grotius in *Novum Testamentum*.

^e *Apud Brookesby's Dodwel's Life*, p. 508.

^f *Marsham. Canon Cronicus*, p. 568—576.

^g Матф. 24.

^h Втор. 18.15, 18.

ⁱ Деяния 3.22; 7.37.

те) — *понимается обычно*^а, и в особенности Гроцием и Стиллингфлитом, таким образом, что оно означает в своем *непосредственном смысле* *обещание появления целого ряда пророков*; в данном случае я отсылаю читателя к здравым рассуждениям последнего автора об этом. Такое поведение этих видных богословов и защитников христианства может быть объяснено только очевидностью самого дела, которое, как признает сам г-н Уистон^б в различных случаях, таково, что если принять существующий Ветхий завет за подлинный, то объяснить эти ссылки на него нельзя ни на какой другой основе, кроме аллегорического смысла.

9. Сущность символических или аллегорических доказательств и объяснений

Следовательно, для того чтобы понять всю силу *доказательств* в пользу христианства, необходимо понять сущность и правила символического, мистического и аллегорического объяснений. Именно это я попытаюсь теперь объяснить читателю.

Предположить, что автор в один данный момент вкладывает в одно положение только один смысл (который следует обнаружить путем критического изучения его слов), процитировать из него это положение и исходить из его одного значения — значит следовать обычным правилам грамматики и логики, которые не очень трудно установить и объяснить, поскольку они — творение людей. Но предположить, что цитаты приводятся, объясняются и служат доводами в соответствии с каким-то иным способом, и свести его к каким-то *правилам* представляется весьма необычным и трудным. Соответственно, несмотря на то что ученые толкователи Нового завета и различные апологеты христианства пола-

* * *

^а *Vandale*. Diss. de Origine Idololat., p. 187; *Simon*. Hist. Crit. du N. Test., p. 227; Id. Apologie contre le Vassor., p. 127; *Grotius* in locum. *Stillingfleet's* Orig. Sacrae, l. 2, c. 4, n. 1, p. 100; *Dodwel's* Letters of Advice, p. 214.

^б *Whiston's* Lectures, p. 226, 227; *Ib.* 256; *Ib.* *Essay*, p. 92.

гают, что апостолы использовали тексты Ветхого завета символическим, или мистическим, или аллегорическим образом для достижения своих целей, и несмотря на то что как древние, так и современные авторы почти постоянно прибегают к использованию текстов Ветхого завета (не говоря уже об их способе толкования Нового завета, в особенности *«Откровения»* св. Иоанна) примерно таким же образом не только в вопросах, относящихся к Евангелию Иисуса, но и во всех делах и событиях всех времен, тем не менее представляется, что *правила* такого применения текстов Писания не понимаются многими из тех, кто утверждает, что апостолы использовали этот способ, или кто сам его использует. Ибо я обнаружил, что один из лекторов *«Бойлеанских чтений»* с сожалением говорит о том, что *иудейские традиции, или правила толкования Писания, которые были приняты у древнееврейских раввинов* и которым следовали апостолы при своем толковании Ветхого завета, *утрачены*^а. И совсем недавно, в 1708 г., я обнаружил у преподающего д-ра Дженкина следующее положение: он в связи с тем, что св. Стефан⁴⁴, выступая перед Синагогом, излагает версию некоторых исторических событий, противоречащую тому, что мы читаем в Ветхом завете, и основывает на ней свои доводы, говорит^б: *«Св. Стефан никогда бы ничего не процитировал из Ветхого завета перед Синагогом, а св. Лука ничего не записал бы вскоре после самого события, если бы это можно было опровергнуть или отрицать, какие бы трудности, как кажется нам сейчас, по прошествии столь длительного периода времени, ни содержались в Ветхом завете. И таким образом, во всех других случаях мы можем быть совершенно уверены в том, что апостолы и другие ученики, которые располагали столь убедительными доказательствами для обращения неверующих благодаря постоянной способности творить чудеса, никогда бы не приводили иудеям каких-либо доводов, взятых из Ветхого завета, за исключением таких, которые, как им было хорошо известно, их противники никогда не были в состоянии отрицать или опровергнуть. Ибо, как мы узна-*

^а Stanhope's Boyl. Lect. Sermon. 8. 1701, p. 23.

^б Jenkin's Reasonab. of the Christ. Relig., Vol. 2, p. 320.

ем у Иосифа ^a, тогда существовали определенные способы толкования, которые ныне утрачены; и они спорили на основе признанных положений и правил; единственное различие и предмет спора состоял в том, как применить их в отношении конкретного случая; однако наше незнание вещей, тогда всем известных, может ныне затруднить согласование некоторых текстов Нового завета с текстами Ветхого, откуда они приводятся.

Но с того времени профессор древнееврейского языка знаменитой амстердамской школы ученый Суренгусий (Surenhusius) ⁴⁵ обнародовал и подробно изложил для всеобщего сведения те *правила*, с помощью которых апостолы привлекали Ветхий завет и исходили из него в своих спорах с неверующими; он сделал это в *трактате* ^b, где, как представляется, раскрыл всю тайну того, как апостолы применяли Писание в переносном, или символическом, или мистическом, или аллегорическом смысле. Поэтому я приведу изложение этого вопроса из Суренгусия, который в *предисловии* сам объясняет как *суть*, так и *обстоятельства* появления своего труда.

Он говорит ^c, что, изучив различные мнения ученых людей относительно текстов Ветхого завета, приводимых в Новом, он *опечалился*, не зная, где найти опору, и сокрушался о невозможности столь же удачно применить в отношении святых авторов то, что с большим успехом было проделано в отношении авторов светских.

Он говорит нам, что, поскольку у него было много возможностей беседовать с евреями (ввиду его приверженности *древнееврейской* литературе с молодых лет), которые оскорбительно отзывались о Новом завете, утверждая, что он совершенно явно искажен, потому что редко (если вообще) согласуется с Ветхим заветом, а некоторые из них были настолько убеждены в этом мнении, что изъявляли готовность исповедовать христиан-

* * *

^a Joseph. De Bello. Jud., l. 7, c. 14.

^b Tractatus in quo secundum Veterum Theologorum Hebraeorum formulas allegandi, & modos interpretandi, conciliantur loca ex V. in Nov. Test. allegata. Amstel., 1713, p. 712.

^c Этим отрывком из книги Суренгусия я по большей части обязан ученому и изобретательному г-ну де ла Року, из «Литературных мемуаров» которого я в значительной мере его заимствовал.

скую религию, если кто-либо сможет примирить Новый завет с Ветхим, он был тем более *огорчен*, что не знал, как найти средство для искоренения этого зла. Но поскольку вопрос этот имел огромное значение, он беседовал о нем с одними учеными людьми и читал книги других, будучи убежден, что авторы книг Нового завета не писали ничего, что не соответствовало бы времени, когда они жили, что Христос и его апостолы постоянно следовали способу доказательства, принятому у их предков. Он долго обдумывал эту *гипотезу* в уме, пока наконец не встретился с раввином, хорошо разбиравшимся в Талмуде, *Каббале*⁴⁶ и *аллегорических книгах* иудеев. Этот раввин некогда принял христианскую религию, но затем вновь впал в иудаизм из-за идолопоклонства папистов, не отказавшись, однако, полностью от веры в *истинность* Нового завета. Г-н Суренгусий спросил его, что он думает о текстах Ветхого завета, приводимых в Новом завете, правильно ли они цитируются или нет? И есть ли у иудеев какое-либо справедливое основание, чтобы придирается к ним? И одновременно он предложил ему два-три текста, которые очень беспокоили самых ученых христианских комментаторов. Раввин, к величайшему удивлению нашего автора, блестяще объяснил эти тексты и подкрепил свои объяснения несколькими цитатами из *Талмуда*^a, а также трудами иудейских комментаторов и авторов, пишущих в аллегорическом стиле. Г-н Суренгусий спросил его, каков был бы наилучший способ написать трактат для защиты текстов Ветхого завета, цитируемых в Новом? Раввин ответил, что, по его мнению, наилучший способ добиться успеха в таком предприятии — тщательно изучить значительную часть *Талмуда*, а также аллегорических и буквальных комментариев самых древних иудейских писателей; отметить разные способы цитирования и толкования Писания ими и собрать столько материалов такого рода, сколько понадобится для достижения цели. Г-н [Суренгусий] незамедлительно воспользовался этим советом: он прочел несколько частей *Талмуда*; он изучил упомянутые выше иудейские книги и отметил все, что могло

* * *

^a См. Scaligerana, p. 265.

послужить его замыслу. Собрав большое количество этих материалов, он привел все свои тезисы в порядок и, систематизировав их, свел в четыре книги: первая из них в 59 тезисах рассказывает о *формах цитирования, пояснения и согласования Писания*; вторая в 20 тезисах рассказывает о *способе цитирования*; третья в 25 тезисах рассказывает о *способе толкования*, и четвертая в 35 тезисах рассказывает о *способе объяснения и согласования генеалогий*. Затем в пятой книге с помощью своих изложенных выше тезисов он объясняет и обосновывает все цитаты из Ветхого завета, содержащиеся в Новом.

В отношении *форм цитирования*, являющихся темой его первой книги, он говорит: для того чтобы оправдать и согласовать какой-либо текст Ветхого завета, цитируемый в Новом, необходимо прежде всего определить, какую *форму цитирования* использовали апостолы, потому что из этого можно сразу же узнать, почему они приводят следующие далее слова именно таким определенным образом, а не каким-либо другим и почему они в большей или меньшей степени отходят от *древнееврейского* текста. Так, в каждой из следующих ниже *форм цитирования*, используемых святыми писателями Нового завета, подразумевается разный смысл: *«Сказано; написано; да сбудется реченное; Писание говорит; смотри, что говорится; Писание предвещает; не писано; поэтому он говорит; разве не читали вы, что говорит Писание; как он сказал»* и т. д. Кроме того, говорит он, следует рассмотреть, почему в этих цитатах упоминается бог, который назван *Господом*, или *Богом*, или *Духом Святым*, а иногда сам автор или Писание, и равным образом почему в качестве говорящих выступают лица или вещи, о которых идет речь. Наконец, следует заметить, когда и почему в Новом завете приводится какой-либо текст Ветхого, но какая-либо предшествующая ему форма цитирования при этом отсутствует и почему иногда с определенной целью привлекаются некоторые почти забытые традиции и исторические события, как будто они составляют часть Писания.

Во второй книге, где рассказывается о *способе цитирования*, он показывает, что книги Ветхого завета в разные времена были расположены в разном порядке и

в этом причина того, почему иногда автора или книгу путают с кем-либо или с какой-либо другой книгой в Новом завете. Кроме того, он приводит несколько причин, почему святые писатели Нового завета могли (и даже были обязаны) приводить тексты Ветхого завета не в том виде, как они выражены в оригинале, *viz.*⁴⁷ потому, что, как утверждали *древнееврейские* ученые богословы, во времена мессии необходимо было прояснить некоторые трудные и темные тексты Писания, исправить несоответствие слов, устранить запутанность стиля, лучше расположить слова, извлечь мистический смысл из буквального, с тем чтобы снять вуаль и чтобы истина открыто явилась каждому. Отсюда автор делает вывод, что у иудеев нет достаточных оснований, чтобы обвинять апостолов в том, что они вложили духовный смысл в некоторые тексты Ветхого завета. Затем он показывает, что иудейские ученые богословы проявляют невероятную вольность при цитировании Писания, и приводит нам несколько примеров этого. Последнее весьма показательно и заставило г-на Суренгусия сильно рассердиться на очевидную нелепость поведения раввинов. Но, говорит он, когда я увидел, что св. Павел поступает точно так же, мой гнев утих.

В третьей книге, где говорится *о способе* толкования Писания, он показывает, как авторы *Гемары*⁴⁸, древние авторы, писавшие в аллегорическом стиле, и другие толковали Писание таким образом, чтобы заменить низкий буквальный смысл слов на благородный и духовный смысл. С этой целью иудейские ученые богословы использовали *десять способов* цитирования и объяснения Ветхого завета, которые я здесь подробно изложу вслед за нашим автором ввиду их интересности и важности.

Первый — читать слова не в соответствии с точками, помещенными под ними, а в соответствии с другими точками, поставленными вместо них; мы видим, что так поступают Петр, *Деяния* 3.3; Стефан, *Деяния* 7.43 и Павел, *1 Кор.* 15.54; *2 Кор.* 8.15, *Евр.* 3.10; 9.21; 12.6.

Второй — менять буквы независимо от того, относятся ли они к тому же самому органу (как выражаются иудейские грамматисты) или нет; мы видим, что так

поступают Павел, *Рим.* 9.33; 1 *Кор.* 11.9; *Евр.* 8.9 и 10.5 и Стефан, *Деяния* 7.43.

Третий — менять и буквы и точки; мы видим, что так поступает Павел, *Деяния* 13.41 и 2 *Кор.* 8.15.

Четвертый — добавлять одни буквы и убирать другие.

Пятый — переставлять слова и буквы.

Шестой — делить одно слово на два.

Седьмой — добавлять новые слова к тем, которые уже имеются, с целью сделать смысл яснее и приспособить его к тому предмету, о котором говорится; это, как совершенно очевидно, делается апостолами во всем Новом завете.

Восьмой — изменение порядка слов; автор показывает, что это делается во многих местах Нового завета.

Девятый — изменение порядка слов и добавление новых слов; и то и другое делается апостолами при цитировании текстов, взятых из Ветхого завета.

Десятый — изменение порядка слов, добавление слов и выбрасывание слов; этот способ часто используется Павлом.

Так, благодаря счастливой случайности — встрече и беседе г-на Суренгусия с ученым *раввином*, знатоком аллегорий, — *правила*, руководствуясь которыми апостолы цитировали и использовали Ветхий завет, были открыты для всего мира, после того как в течение нескольких столетий они были утрачены, что было замечено упомянутыми выше преподобными докторами Стэнхопом и Дженкином. Представляется, что эта *беседа* по своему характеру и последствиям ненамного отличается от той, которая состоялась между Лютером и *дьяволом*. Лютер сам сообщает, что у него часто были беседы с дьяволом, и утверждает, что во время одной из них он получил от него *доводы* в пользу *отмены жертвоприношения во время мессы*; он говорит об этом в своей книге *De Abrog. Miss. Privat.*⁴⁹ *Раввин* утверждает христианство, а *дьявол* — протестантство!

10. Сущность аллегорического объяснения показана далее путем применения его к некоторым конкретным примерам, взятым из Ветхого завета и приведенным в Новом завете

Чтобы завершить этот рассказ о сущности мистического или аллегорического объяснения, я в заключение покажу, как наш автор применяет некоторые *тезисы*, изложенные им в своих первых трех книгах, к пророчествам, о которых я выше говорил, что они сбылись не *буквально*, а *мистически*.

I. Первое пророчество содержится в следующих словах Матфея: *«А все сие произошло, да сбудется реченное Господом чрез пророка, который говорит: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»»*^a.

Г-н Суренгусий замечает^b, что Матфей приводит цитату из пророка в качестве *подтверждения того, что* как раз перед этим ангел *говорит* Иосифу^c. *Как будто бы ангел сказал: «Сказанное мною тебе относительно того, что у твоей жены Марии ребенок от Святого Духа, не должно бы казаться тебе столь чудесным и неслыханным, ибо было предсказано Господом чрез пророка Исайю, что дева без участия мужчины родит сына, которому нарекут имя Еммануил. Этот текст не может быть тебе неизвестен, но, поскольку ты не знал его, я напоминаю его тебе и прошу тебя тщательно его обдумать, с тем чтобы тебе было легче понять необычное зачатие твоей жены Марии и чтобы ты взял ее к себе в дом».* И он доказывает на основе *формы цитирования*, что именно таков смысл текста. Ибо он замечает^d, что *форма слов «да сбудется реченное» часто означает, по мнению ученых-богословов, авторов Гемары, что «сказан-*

* * *

^a Матф. 1.22, 23.

^b *Surenhusius*, p. 150, 151.

^c Матф. 1.20.

^d *Thesis 2da formulis allegandi.*

ное можно подтвердить». Так что смысл этого места таков, как будто евангелист сказал: «Тем самым то, что сейчас случилось с Марией, подтверждает это место у Исайи, где предсказано, что дева будет с ребенком без участия мужчины». И он добавляет, что *цель евангелиста состояла не в том, чтобы выступить против иудеев и доказать им, что Иисус — истинный мессия, но чтобы показать тем, кто действительно верил, что Иисус и есть истинный мессия, каким образом весь божественный промысел^а прежних времен, как бы всегда имея Христа в виду, делал так, чтобы все напоминало его*. Наш автор полагает^б, что такое понятие всегда преобладало среди иудеев, и он делает его тем общим ключом, с помощью которого нужно понимать весь Ветхий завет, и особенно то пророчество, которое мы сейчас рассматриваем; как мы далее увидим, он объясняет его подробно с помощью этого ключа, с тем чтобы читатель мог заметить, каким образом *зачатие девой* из книги пророка *Исайи*, привлеченное Матфеем, относится к деве Марии в аллегорическом смысле, *viz.* как *символ*, подобно всем ритуалам, связанным с *законом*, и *историческим* текстам Ветхого завета, которые все считаются *символами* Иисуса, поскольку заранее представляют, через что он должен был пройти и что должен был установить, и в частности подобно *зачатию* Сарой на старости лет Исаака, что древними и современными авторами объявляется символом зачатия девой Марией Иисуса; подобно принесению Авраамом в жертву Исаака, что было символом принесения в жертву Иисуса на кресте; подобно несению Исааком дерева на плечах, что было *символом* Христа, несущего свой крест, и подобно воздвижению медного Змия в пустыне, что было *символом* поднятия Христа на крест^в.

Но поскольку самое важное пророчество, которое изложено у Исайи и отнесено к зачатию девы Марии, подвергается очень серьезным нападкам и вызывает

* * *

^а Петр 1.20; 2 Кор. 10.11; Гал. 4; Еф. 3.

^б *Surenhusius*, p. 159, 160.

^в *Lesley's Truth of Christ. demonstr.*, p. 132, 133; *Jenkin's Remarks on Whiston's Sermons*, p. 54; *Ib. Reasonableness of Christ. Rel. Vol. 1*, p. 235.

множество возражений у иудеев (на все их возражения г-н Суренгусий пытается подробно ответить и опровергнуть их), я изложу сущность того, что он говорит, в виде объяснения и защиты всего пророчества в целом, приводя слова Исайи в одной колонке, а объяснение в защиту Суренгусия — в другой.

Исайя 7.1—16

И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского, Рецин, царь Сирийский, и Факей, сын Ремалиин, царь Израильский, пошли против Иерусалима, чтобы завоевать его; но не могли завоевать.

И было возвещено дому Давидову, и сказано: Сирияне расположились в земле Ефремовой. И всколебалось сердце его и сердце народа его, как колеблется от ветра деревя в лесу.

И сказал Господь Исайи: выйди ты и сын твой Шеарясув навстречу Ахазу, к концу водопровода верхнего пруда, на дороге к полю белильничьему.

И скажи ему: наблюдай, и будь спокоен; не страшись, и да не унывает сердце твое от двух концов этих дымящихся головней, от разгоревшегося гнева Рецина и Сириян и сына Ремалиина.

Суренгусий, с. 150—165

Во дни Ахаза, царя Иудейского, Рецин, царь Сирийский, и Факей, царь Израильский, осадили Иерусалим. Это вызвало страх у Ахаза и его народа, поэтому Господь повелел Исае сказать Ахазу, чтобы он мужался и не боялся, поскольку их замысел овладеть Иудеей и свергнуть его с трона не осуществится. Но поскольку Ахаз засомневался в этом, Господь снова послал к нему Исайю с таким наказом: «Проси себе знамение как доказательство того, что я пришел к тебе от Бога». Но когда Ахаз отказался от знамения, Исайя говорит дому Давидову: «Господь даст вам знамение. Се, Дева во чреве примет, или чудесным образом родит мессию семьсот лет спустя, и имя ему нарекут Иисус (поскольку Еммануил и Иисус имеют одно и то же значение), который, хотя и родится чудесным образом, будет питаться обычной пищей страны. Отсюда явствует, что до рождения мессии дом Давидов не будет уничто-

Сирия, Ефрем и сын Ремалиин умышляют против тебя зло, говоря:

Пойдем на Иудею, и возмутим ее, и овладеем ею, и поставим в ней царем сына Тавенлова.

Но господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется;

Ибо глава Сирии — Дамаск и глава Дамаска — Рецин; а чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом.

И глава Ефрема — Самария, и глава Самарии — сын Ремалиин. Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены.

И продолжал господь говорить к Ахазу, и сказал: Проси себе знамения у Господа, Бога твоего; проси или в глубине, или на высоте.

И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа.

Тогда сказал Исайя: Слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?

Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил.

жен и *Иерусалим* не попадет под власть Дамаска; и поэтому тебе, Ахаз, нечего опасаться этих врагов ни за *Иерусалим*, ни за дом Давидов, если ты учтешь, что из этого дома должен появиться мессия. Ибо если дом Давидов должен сохраниться до рождения мессии, ни эти двое, ни какие-либо иные враги дома твоего не победят его. И так же определенно, как мессия должен родиться чудесным образом от девы дома Давидова, так же определенно будет сохранен дом Давидов, откуда он должен появиться, и это ради него, кто должен быть Еммануилом, Богом и человеком в одном лице и примирить Бога с людьми, а людей с Богом. Благодаря всему этому появляется связь и становится очевидной причина знамения, *viz.* чтобы иудеи могли принять во внимание обещание появления мессии, которое было подтверждено им многочисленными чудесами и пророчествами, чтобы у них не было разумного основания ставить его под сомнение. Их постоянная вера в это пророчество была для них залогом, что до того времени дом Давидов не погибнет. И таким образом пророк ставит Ахаза перед необходимостью либо не верить

Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуместь отвергать худое и избирать доброе.

Ибо, прежде нежели этот младенец будет разуместь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которую ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее.

обещанию Бога о сохранении его собственной безопасности, либо оказаться виновным в нечестивости из-за неверия в такое важное обещание относительно рождения в должное время мессии в Давидовом, данное иудейскому народу. На возражение о том, что отсюда не следует, что отныне *Иерусалим* и Ахаз будут спасены от власти тех двух царей — а это было все же главной целью знамения, поскольку дом Давидов мог продолжать свое существование до времен мессии, однако *Иерусалим* мог быть взят, а Ахаз захвачен в плен и жить в плену, дается ответ, что, во-первых, главная цель Бога состояла в том, чтобы сохранить дом Давидов, и это часто подтверждалось Богом через обещание мессии. Во-вторых, из этого общего обещания можно извлечь следующий довод в пользу сохранения Ахаза и его народа от врагов. Если бог не только верен своему обещанию относительно мессии, но и достаточно могуществен, чтобы сохранить дом Давидов до прихода мессии, то следует полагать, что он достаточно верен своему слову и могуществен, чтобы выполнить свое обещание о спасении Ахаза и его народа от власти этих

двух царей. И об этом можно сделать еще более определенный вывод (ибо, хотя, строго говоря, обещание относительно мессии могло бы быть выполнено и без этого второго обещания, можно предположить, что так не могло произойти, потому что бог выдвинул второе обещание как средство выполнения первого; ибо тот, кто замышляет цель, замышляет и определенные средства для ее достижения), рассуждая следующим образом. Тот, кто готов дать, и может дать, и, безусловно, в должное время даст *больше*, тот готов дать, и может дать, и даст *меньше*. Но сохранение дома Давидова до времен мессии и появление мессии на свет в определенное время—большее и более возвышенное благо, чем спасение Ахаза и его народа; поэтому, если бог выполнит первое обещание, тем более он выполнит второе. Кроме того, обычно^а пророки подтверждали истинность всех других дел, заявляя об обещании относительно мессии, что было их основой и основанием. Наконец, обещание мессии включало в себя, что *земля та будет оставлена* обоими царями, и поэтому и рождение мессии от девы, и осво-

* * *

^а Исайя 9; Иер. 23.

бождение от наступившей опасности было обещано иудеям пророком.

II. Второе пророчество, упомянутое мною, было следующее: «из Египта воззвал Я Сына Моего», которое Матфей применяет^a к возвращению Иисуса из Египта и вводит его с той же формой цитирования, которая использована в предыдущем пророчестве: «Да сбудется реченное чрез пророка».

1. «Во-первых, говорит г-н С.^b, из формы цитирования явствует, что слова Осии, которые прежде всего относятся к детям *Израиля*, которых воззвали из *Египта*, подтверждаются тем, что Иисуса воззвали из *Египта*, т. е. возвращение детей *Израиля* из *Египта* было символом или образом возвращения Иисуса из *Египта*, и тем самым последнее подтвердило первое.

2. Во-вторых, говорит он, иудейские ученые-богословы обычно отделяют цитаты от их контекста и придают им такой смысл, который не имеет никакого отношения к тому, что происходит до или после цитируемого места; он показывает это в *Тезисе* 9, кн. 1.

3. В-третьих, пророк говорит следующее: «Когда *Израиль* был юн, Я любил его и из *Египта* вызвал сына Моего»^c. Наш автор отсюда делает тот вывод, что тем самым пророк отмечает время пришествия Христа, и это может быть понято следующим образом: «Когда народ *Израиля* был как дитя в отношении света религии (что произошло во времена Господа Бога нашего, когда религия была полностью испорчена ложными традициями), бог вызвал своего сына из *Египта* проповедовать Слово божие в *Иудее*». И он полагает, что этот ответ должен удовлетворить иудеев, поскольку он соответствует той манере объяснения Писания, которую использовали старые иудейские ученые-богословы, которым следовал Матфей. Но если этого последнего покажется недостаточно, у г-на С. имеется еще один способ извлечения аллегорического смысла, который ему нужен для дости-

* * *

^a *Surenhusius*, p. 182, 183.

^b *Ib.* 1. 1; *thes.* 2.

^c *Ib.* 183, 184.

жения его цели или который он раскрывает, и он таким образом истолковывает Матфея, цитирующего пророка: «Вы, иудеи, знаете слова пророка Осии: *«Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего»*»; кажется, что в соответствии с их буквальным смыслом эти слова относятся к детям *Израиля*; но я объясню вам их более полезным способом, который вы называете *аллегорией*. Я допускаю, что дети *Израиля*^а действительно могут в определенном смысле быть названы сыном Бога или Господа; но если вы можете верить этому, тот самый Иисус Христос, который родился среди вас в *Вифлееме*, он, говорю вам, настоящий сын Бога, и почти так же, как дети *Израиля* вынуждены были уйти в *Египет* из-за голода, он вынужден был уйти туда, чтобы избежать тирании Ирода. Так что для подтверждения своей веры вы можете видеть, что это выпало на долю мессии не случайно, а благодаря божественному предназначению, как это раньше произошло с вашими предками. Поэтому пророк сказал, что Господь *вызвал своего сына из Египта*, и притом в то время, когда вы в отношении истинной религии находились в состоянии младенчества. Кроме того, *форма цитирования*, использованная в данном случае,— *«да сбудется реченное чрез пророка»*— всегда^б относится к мистическому смыслу, скрытому под буквальным. Но все это можно сказать одним словом: народ *Израиля* был первым приемным сыном Бога, а Иисус — настоящим сыном Бога.

III. Третье пророчество, упомянутое мною как буквально не сбывшееся, содержится в следующих словах^в: *«И пришед поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророка, что Он Назореем наречется»*. Это пророчество обнаружено Суренгусием в трех местах Ветхого завета и очень остроумно объяснено им, хотя представляется, что оно нигде не встречается.

(1) Во-первых, он замечает^с, что пророки делали предсказания не только при помощи *символов* и *алле-*

* * *

^а Исх. 4.22; Иер. 31.9.

^б Матф. 2.23.

^с *Surenhusius*, p. 195—204.

горий, но и при помощи *загадок*. Они делали предсказания при помощи первых тогда, когда подразумевались сами вещи без какой-либо замены слов; и они предсказывали при помощи *загадок*, когда эти вещи нужно было обнаружить с помощью замены слов; а когда сбывалось пророчество того или другого вида, иудейские ученые-богословы обычно говорили: *да сбудется реченное чрез пророка*. Поскольку дело обстоит так, то, когда Исайя предсказал, что мессия должен жить в *Галилее*^а, это было почти то же самое, как если бы он сказал, что мессия должен жить в *Назарете*, который был городом *Галилеи*. Таким образом, раз было предсказано, что мессия должен жить в *Назарете*, тем самым подразумевается, что он должен иметь право называться или нарежется *Назореем*; ибо хотя его вообще не нарекли *Назореем*, однако, раз он имел право на это имя, потому что жил в *Назарете*, было предсказано, что *Он Назореем нарежется*; называться каким-либо именем — это все равно что иметь право на это имя. Поэтому правильно понять это загадочное пророчество относительно того, что мессия должен жить в *Галилее*, равносильно тому, что сказать: «*Он Назореем нарежется*» (или будет иметь право на это имя), что и сбылось, поскольку Иисус жил в *Назарете*.

(2) Во-вторых, он думает, что Матфей ссылаясь также на следующий текст из Исайи: «*И произойдет от расль от корня Иесеева, и ветвь (Netser) произрастет от корня его*»^б. Здесь довод заключен в слово *Netser*. Древнееврейские ученые-богословы называют такой довод *доводом, основанным на сходстве слов, когда не обращают внимания на смысл текста*; слово *Netser* приближается к слову *Назорей* (*Nazarene*) и поэтому в *загадочном* смысле означает то же самое. Следовательно, пребывание Иисуса в *Назарете*, что дало ему право называться *Назореем*, и явилось осуществлением пророчества «*Он Назореем, или Netser, нарежется*».

(3) В-третьих, он приводит еще один текст^с, где мессия назван *Tsemaḥ*, т. е. *ветвь*. Теперь, поскольку

* * *

^а Исайя 9.

^б Исайя 11.1. См. Lightfoot's works, vol. 1, p. 498.

^с Зах. 6.12.

слово *Tsemah* имеет то же значение, что слово *Netser*, вместо слова *Tsemah* можно поставить *Netser*, тем самым можно сказать, что пророк назвал мессию *Netser*, что значит назвать его *Назореем*.

Эти тексты Ветхого завета — одни из тех, объяснение которых, как полагает наш автор вслед за иудейскими учеными-богословами, было отложено до времен мессии, когда *загадки*, содержащиеся в них, должны были быть разгаданы или когда должно было быть показано, что пророчества, содержащиеся в них, сбылись.

IV. Следующее пророчество, которое я привел как сбывшееся не буквально, а мистически и аллегорически, содержится в том, что наш Спаситель^a объявляет Иоанна *Крестителя* Илией, о котором было пророчество, что он должен *прийти* до мессии. Как сообщает наш автор^b, у иудеев существовало предание, что Илия должен прийти до мессии; а, поскольку он не пришел, они не могли поверить, что пришел мессия. Зная об этом, Иисус сказал им, что Иоанн *Креститель* и есть Илия, которого совершенно справедливо следует считать Илией, поскольку он обладал достоинствами Илии^c. И чтобы подтвердить такое толкование, наш автор обращается к одному из своих *тезисов*, где показывает, что иудеи под собственными именами не всегда имели в виду тех самых лиц, которые так названы, а тех, кто напоминает их по своей жизни и поступкам.

V. Что касается пророчества Исайи, которое Иисус приводит как сбывшееся в отношении иудеев его времени^d — «*слухом услышите и не уразумеваете*», то оно, как утверждает наш автор^e, сбылось как символизирующее, подобно всей истории иудеев, нечто, что должно произойти во времена мессии. Ибо невежество и упрямство иудеев были во времена нашего Спасителя такими же, как и во времена пророка Исайи, и они явились *анти-символом* к символу, или же свершением пророчества Исайи.

* * *

^a Матф. 11.14.

^b *Surenhusius*, p. 329—331.

^c См. Лука, 1.17.

^d Матф. 13.14, 15.

^e *Surenhusius*, p. 241, 242.

Таким образом, на основе книги Суренгусия я дал такую картину состояния данного вопроса, которая, надеюсь, может оказаться достаточной, чтобы читатели были в состоянии судить относительно этой *схемы* и ее *правил*, которым следовали апостолы, приводя доводы из Ветхого завета, и понимать силу доводов апостолов, основанных на нем. Но если этого недостаточно, я отсылаю их к самому «Трактату» Суренгусия, где этот весьма остроумный и ученый автор изложил в самом правильном свете *правила* объяснений, которые использовались иудеями и которым следовали апостолы, и показал уместность всех цитат, приводимых апостолами из Ветхого завета в соответствии с этими *правилами*; и, следовательно, воистину защитил христианство, показав гораздо шире, чем какой-либо иной автор до него, как апостолы основали его на Ветхом завете. Правда, вполне возможно, что, применяя иудейские *правила* толкования и объяснения к текстам из Ветхого завета, приведенным апостолами, он не всегда смог обнаружить именно те самые *правила*, которые апостолы имели более конкретно в виду в каждом случае, ибо многие из этих правил в равной мере служат одной и той же цели; и поэтому, возможно, в отдельных случаях он не использовал именно те *правила*, которые апостолы имели в виду, и одновременно иногда применял не те правила, которые апостолы непосредственно имели в виду. Однако из объяснений апостолов и на основании способа объяснений, обычно принятого у иудеев, известного как из их *практики*, так из *правил*, с величайшей ясностью объясненных Суренгусием, очевидно, что апостолы, совершенно явно строившие свои доводы не в соответствии со схоластическими правилами и не толковавшие цитируемые ими тексты из Ветхого завета на основе прямого и буквального смысла, который они в нем находили, следовали именно *правилам*^а, изложенным Суренгусием.

* * *

^а *Le Clerc. Bibl. Chois., tom. 25, p. 413.*

11. Ответ на возражение,
состоящее в том,
что аллегорические
объяснения апостолов
предназначались не в качестве
абсолютных доказательств
христианства, а в качестве
доказательств *ad hominem*⁵⁰
для иудеев, которые были
привычны к такому
способу объяснения

Различные ученые авторы могут возразить на сказанное мною, что христианство не основывается на пророческих и других текстах Ветхого завета, цитируемых в Новом; поскольку эти тексты аллегорически использованы авторами Нового завета, они являются только доводами *ad hominem*, чтобы убедить в истинности христианства иудеев, которые считали правомерным такой способ доказательства, и не являются доводами для остального человечества.

На это я отвечаю:

Во-первых, проведение такого различия — чистый вымысел тех, кто выдвигает это возражение, и не только не имеет основания в Новом завете, откуда только оно и может быть взято, но и полностью опровергается им. Ибо авторы книг Нового завета всегда и безусловно выдвигают свои доводы на основе цитат, которые они приводят из книг Ветхого завета. Моисей и пророки всюду изображены как истинная основа христианства. А Павел ясно говорит: «...по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и чрез писания пророческие (в которых это благовествование содержалось в скрытом виде)... возвещена всем народам»^a через проповедников Евангелия, которые раскрыли тайный, или духовный, смысл этих *Писаний*. Кроме того, необходимо предполагать, что, поскольку авто-

* * *

^a Рим. 14. 24, 25.

ры этих книг были задолго до их появления в свет убеждены, что Евангелие нужно проповедовать как язычникам, так и иудеям, они предназначали свои книги для использования всеми людьми, как язычниками, так и иудеями. Следовательно, в этих книгах они давали аллегорические объяснения и тем и другим; точно так же апостолы поступали и в своих *проповедях*^a, записанных в этих книгах и имевших больше успеха у язычников, чем у иудеев; и так же поступил Павел перед Феликсом, заявив, что он заимствовал свою *ересь*, т. е. христианство, у *закона и пророков*^b, и перед Агриппой. Поэтому должно казаться странным, что *книги*, написанные для всего мира людьми, в равной мере заинтересованными в том, чтобы обратить в христианство как язычников, так и иудеев, и *речи*, открыто обращенные как к язычникам, так и к иудеям, были предназначены только для иудеев; еще менее вероятно, что они предназначались для очень малого числа иудеев. Ибо с того времени^c, когда иудеи начали давать аллегорическое толкование своим священным книгам (что было много времени спустя после пленения), развилось противодействие этому способу, и в особенности многочисленная секта *саддукеев*⁵¹ в течение значительного периода времени до прихода нашего Спасителя и уже при нем выступала против новых объяснений и проповедовала следование одному только тексту Писания или толкование его в соответствии с буквальным смыслом. И хотя *фарисеи*⁵², составлявшие основную массу иудеев (а также *эссены*⁵³), использовали аллегорический способ во времена Иисуса и апостолов, однако^d они в значительной мере отказались от этого способа, когда одержало верх христианство, которое было построено на нем, и, как хорошо известно, выступили против Нового Завета из-за аллегорического толкования в нем *закона и пророков*. И в теч-

* * *

^a Деяния 13.15—48; 26.22, 23; 10.37—43.

^b Деяния 24.14; 26.5; 7.22, 23.

^c Simon. Hist. Crit. du Vieux Test., p. 92, 97.

^d Allix's Judgment of the Jewish Church against the Unitarians, c. 23; Simon. Ib., p. 371; Ib. Hist. Crit. du Nov. Test., p. 245; Mangey's Remarks on Toland's Nazarenus, p. 37; Spencer. De Leg. Hebr., p. 185.

ние долгого времени в прошлом, как и в настоящее время, среди них по этим вопросам аллегория используется столь же мало, сколько, как представляется, ее использовали при написании книг Ветхого завета, которые *кажутся самыми простыми из всех древних произведений*^а и у авторов которых, как и у каких-либо других иудейских авторов того времени, не обнаруживается ни малейшего следа символического или аллегорического стиля. Все написанные иудеями против христианской религии книги^б (некоторые из них напечатаны, а другие ходят по *Европе* в рукописях) нападают на Новый завет^с главным образом за содержащиеся в нем аллегорические толкования Ветхого завета и делают это с величайшей

* * *

^а Jehkin's Reas. Vol. 2, p. 153; *Le Clerc*. Bibl. Univ., tom. 10, p. 234; Ib. Bibl. Choix, tom. 27, p. 391, 392; *Cuneus*. Rep. des Hebr., vol. 1, p. 377, 378, 395.

^б Scripta Judaei in Limborchii Amica Collatione; Wagenselii Tela Ignea Satanae, которая представляет собой собрание иудейских книг против христианства, где центральным произведением является «Munimen fidei» раввина Исаака. Киддер упоминает некоторые из них (и отвечает на них) во втором и третьем томах своего «Demonstration of the Messias», а другие упоминает Basnage в своей «Histoire de Juifs». Но мне представляются самыми важными три испанские рукописи: 1. «Fortification de la fé»; что представляет собой перевод упомянутого выше «Munimen fidei», опубликованного Wagenseil. 2. «Providentia Divina de Dios con Israel», автор — Saul Levi Mortera. Этот Мортера был учителем знаменитого Спинозы, и эта его работа считается иудеями самой злобной их книгой, направленной против христианства. Они под страхом отлучения запрещают давать ее христианам, боясь вызвать на себя бурю за выдвигание таких сильных возражений против христианской религии. Поэтому экземпляры ее можно раздобыть только благодаря редчайшему случаю. 3. «Previncianes Divinas contra la vana Ydolatria de las Gentes», автор Isaac Orobio, тот самый ученый-иудей, который вел упомянутую выше знаменитую дискуссию относительно истинности христианской религии с Лимборхом (Limborch). Он был профессором философии и физики в университетах Алкалы и Севильи и великим мастером ученого богословия в манере испанских университетов. Его рассказ г-дам Лимборху и Леклерку о себе, и особенно о его страданиях в инквизиции, чрезвычайно любопытен (*Limborch*. Hist. Inquis., p. 158, 159, 223; *Le Clerc*. Bibl. Univ., tom. 7, p. 289).

^с Allix's Judgment of the Jewish Church against the Unitarians, p. 423.

дерзостью и презрением, какие только можно представить себе на этот счет, и противопоставляют им буквальное и однозначное толкование в качестве истинного смысла Ветхого завета. И соответственно *аллегорические объяснения*, данные *христианскими толкователями* пророчеств, являются ныне *огромным препятствием и камнем преткновения на пути обращения иудеев в христианство*^a.

Во-вторых, для этого различия не будет основания, если мы примем во внимание, насколько *аллегория* была распространена среди язычников, так как ее использовали многие из самых философов, а также теологи; некоторые прибегали к ней как к способу изложения учения, но большинство^b — как к способу устранения того, что в соответствии с буквой казалось нелепым в древних мифах и историях их богов.

У язычников сама религия считалась таинством^c, которое не следовало публично и прямо раскрывать. Поэтому ее никогда не представляли народу просто, но излагали весьма туманно и скрывали при помощи *аллегорий*, или *притч*, или *иероглифов*, особенно *египтяне, халдеи* и восточные народы^d. *Si quis poverit perplexé loqui, loquatur: Sin minus taceat*^e — это изречение принадлежит иудеям, но его в равной мере считали справедливым и правильным и язычники^e. Они аллегорически толковали многие явления природы, и особенно небесные тела; отсюда пошло выражение *tota est fabula coelum*^f. Они аллегорически толковали все свои древние мифы^f и притворялись, будто открывали в них тайны натурфилософии, медицины, политики — словом, всех искусств и наук. Произведения Гомера в особенности предоставляли бесконечное количество материала, над которым трудились комментаторы — аллегористы всякого рода; и до

* * *

^a Whiston's Lectures, p. 13; Mangley's Remarks on Toland's Nazarenus, p. 123.

^b Cicero. De Nat. Deor., l. 2, 3; Le Clerc. Bibl. Chois., tom. 7 p. 80; Spencer. De legibus Hebr., p. 9.

^c Spencer. De legibus, p. 182.

^d Simon. Hist. Crit. des Commentateurs, p. 4.

^e Robinson's Natural History of Cumberland, pt. 2. Introd. p. 9.

^f Clerici Hist. Eccles., p. 23, 24.

сих пор существует древняя книга, написанная знаменитым Гераклидом *Понтийским*⁵⁶, которая посвящена исключительно *аллегориям* Гомера^а.

Известно^б, что *древнегреческие поэты вводили божественные, и естественные, и исторические понятия о своих богах, используя мистические и иносказательные выражения*; и именно так их соответственно толковали *греческие схоласти*.

*Пророчества Сивиллы*⁵⁷, ответы, даваемые *оракулами, высказывания, сделанные в состоянии возбуждения, и сны* (все это древние называли *прорицаниями безумства*^с) редко (если когда-либо вообще) были просты и обычно получали какое-то аллегорическое толкование от тех, кто был сведущ в прорицаниях; так же поступали в отношении многочисленных *знамений и чудес*, которые часто случались в жизни.

Пифагорейская философия была целиком изложена мистическим языком, значение которого было совершенно неизвестно посторонним людям и постепенно объяснялось членам секты, по мере того как они мужали или становились достойными получить эти сведения. И в этом Пифагор приблизился к соломоновым *мудрецам*^д, которые говорили *загадками* и поступали ненамного отличнo от этого удивительного учителя, если он когда-либо существовал⁵⁸. Наш Спаситель *«таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать; без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все»*^е.

Философы-стоики в особенности известны *аллегорическим* толкованием всей языческой теологии и всех басен, созданных поэтами. А Цицерон в своих книгах *«О природе богов»* дает нам любопытный образчик толкования явлений философами-стоиками в лице Бальба^ф.

* * *

^а Gale. Opuscula Mythologica.

^б Dodwell's Letters of Advice, p. 172.

^с Cicero. De Divinatione.

^д Прит. 1.6.

^е Марк 4.33, 34.

^ф Cicero. De Nat. Deorum, 1.2.

Мы располагаем несколькими трактатами языческих философов^a на тему аллегорического толкования; говорят, что из одного из них, написанного стоиком Корнутом⁵⁹, и еще из нескольких других, написанных другими философами, *платониками* и *стоиками*, знаменитый Ориген^b заимствовал очень много для своего искусства аллегорического толкования книг Ветхого завета. И, по мнению Оригена, аллегорический способ не только сам по себе справедлив и правилен, но и лучше всех *подходит*^c для того, чтобы дать *язычникам* более *возвышенное понятие о Священном писании, которое казалось им слишком низким и низменным, и полезен для обращения просвещенных людей его времени в христианскую религию*. Великий св. Августин был не менее Оригена аллегоричен^d в своих толкованиях Писания; он серьезно усовершенствовался в этом способе, изучая произведения платоников.

Многие из отцов ранней христианской церкви и защитников христианства, которые большей частью обращались к одним язычникам, дают аллегорические объяснения не только на основании естественных и придуманных явлений (доказывая, что Христос должен был пострадать на *кресте*, на основании предметов^e, сделанных в *форме креста*; что должно быть *четыре евангелия*^f, и не больше, на основании *четырех ветров* и *четырех сторон света*; и что у Христа должно быть *двенадцать апостолов*^g, потому что *слово божие* надо было проповедовать в *четырех* частях света во имя *Троицы*, а *трижды четыре* составляет *двенадцать*; и потому что у иудейского первосвященника к низу одежды было прикреплено *двенадцать колокольчиков*^h), но и на основании Ветхого завета точно таким же образом, как делали апостолы; это подразумевает, что они считали *алле-*

* * *

^a Gale. Opuscula Mythologica.

^b Porphyrius apud Euseb. Hist. Eccl., I. 6, c. 19.

^c Simon. Hist. Crit. du V. Test., p. 391.

^d Ib., p. 399.

^e Justin Martyr and Min. Felix.

^f Irenaeus.

^g St. Augustin.

^h Justin Martyris. Opera, p. 260.

гории подходящими предметами для язычников; и у некоторых из них была особая причина поступать так, поскольку у них был свой личный опыт: они сами были философами и до того, как стали христианами, были привычны к этому^а. Хорошо известно также, что Теофил Антиохийский^{б 60}, Климент Александрийский⁶¹ (который был учеником Пантена) и Ориген, а также *гностики*⁶² в своих объяснениях и комментариях на книги Нового завета прибегали к аллегориям; можно совершенно справедливо полагать, что эти комментарии написаны для использования язычниками, а также иудеями и христианами, чтобы дать им более возвышенное понятие о христианстве и Новом завете.

Словом, этот способ освещения^с религиозных вопросов (который практиковали апостолы, спутники апостолов и самые первые отцы церкви) использовался обычно не только у иудеев, но и у более мудрых и более склонных к философии представителей язычников; и от них обоих он стал почти повсеместно применяться ранними христианами, как говорит наш ученейший и раскусительный архиепископ Уэйк. А наш ученый Додуэлл^д говорит, что вещи сны, использование символов и другие языческие мистические искусства сокрытия истинного смысла используются для понимания пророческих книг Ветхого завета (вся снисходительность Бога^е, выразившаяся в предоставлении иудеям духа пророчества, совершенно очевидно приспособлена к языческой практике прорицания) и что^ф, поскольку откровения Евангелия делались ради всех людей, его объяснения (по большей части аллегорические) были приспособлены к разуму большинства людей того времени (и, следовательно, людей будущих веков), и в особенности к разуму философов, которые были руководителями язычников. Поэтому доводы апостолов никоим образом не бы-

* * *

^а Wake's Prelim. to Genuine Epistles of St. Clement, p. 75.

^б Simon. Hist. des Comment., p. 3, 4, 5.

^с Wake. Ib., p. 71—75. См. также: Lenfant. Preface Gen. sur son Nov. Test., p. 3.

^д Dodwell's Letters of Advice, p. 208.

^е Ib., p. 113.

^ф Dodwelli Prolegomena ad Stearn De Obstatione.

ли доводами *ad hominem*, обращенными к иудеям, они тогда были убедительными для огромного числа язычников; и пророчества Ветхого завета, процитированные в Новом, хотя и сияли в темном месте, были светильником^a как иудеям, так и язычникам.

А я добавлю, что почти все современные религиозные авторы, будь то христиане, язычники или магометане, так же любят аллегории, как их любили древние. Представляется, что *аллегорическое толкование* тем самым является самым подходящим способом обращения к разуму людей. И поэтому аллегорические доводы апостолов были подходящими для религиозных людей всякого толка, а также и для иудеев, а в настоящее время для других более подходящи, чем для иудеев (среди которых в течение долгого времени существовала секта, называвшаяся *караимы*^b, прямо выступавшая против аллегорического толкования); поскольку иудеи узнали об аллегорическом способе лишь много времени спустя после пленения и уже подвергшись *эллинизации*^b, то вскоре после возвышения христианства они отвергли этот способ в отношении всех *пророчеств* и других заимствований апостолов из Ветхого завета и ныне отстаивают один их однозначный смысл против любого аллегорического значения, выступают против аллегорических толкований, считая их сами по себе нелепыми, не менее рьяно, чем *атеисты, деисты, саддукеи* (которые, как было объяснено выше, никогда не принимали^c аллегорических толкований своих братьев-иудеев) или такие (разумные) христиане, как г-н Уистон; хотя, кажется, в этом вопросе иудеи поступают очень непоследовательно: ибо если они не прибегнут к аллегорическому способу, то не смогут^d утвердить свою собственную веру в грядущего мессию, что является тем не менее одной из основополагающих заповедей их религии. По мнению известного раввина Албо^e, у этой заповеди нет другого

* * *

^a Пётр 1.19.

^b Clerici Hist. Eccles., p. 24.

^c Simon. Bib. Crit., vol. 4, p. 508.

^d Simon. Hist. Crit. du Nov. Test., p. 246, 247.

^e Albo Oratio 1, c. 1; apud Allix's Judgment of the Jewish Church against the Unitarians, p. 411.

основания, кроме авторитета традиции. *«Ибо,— говорит он,— ни в законе, ни у пророков нет ни одного пророчества, которое предсказывает приход мессии в силу какого-либо необходимого объяснения этого пророчества по отношению к мессии или которое на основании содержания текста нельзя определенно объяснить иначе».* Словом, один ученый автор^а утверждает, что «книги Ветхого завета мало чем могут помочь обращению в христианство иудеев. Ибо почти все, что, как утверждают, говорится в Ветхом завете о мессии, необходимо истолковывать мистически, прежде чем может оказаться, что это говорится о нем и, следовательно, очень далеко от того, что слова действительно значат в прямом смысле».

В-третьих, в ответ на это возражение я замечу, что христианство целиком *дано в откровении в Ветхом завете*^б и ведет свое божественное происхождение оттуда; что оно дано там в откровении не буквально, а мистически или аллегорически и что поэтому христианство является аллегорическим смыслом Ветхого завета и не так уж неправильно называется *мистическим иудаизмом*^с.

Поэтому, если христианство основано на *аллегории*, обращенные в христианство язычники должны быть убеждены с помощью аллегории и должны в не меньшей степени, чем обращенные в христианство иудеи, стать *аллегористами*, или *мистическими иудеями*. Ибо сама религия, в которую их надо было обратить, была *аллегорией* или христианством, как его *аллегорически* проповедует Ветхий завет.

Представляется, что апостол Павел в своем первом *Послании коринфянам*, главы 1 и 2 (где, следует заметить, он выступает против *греков* и *философов*, а также иудеев), отвергает все другие способы аргументации, кроме *аллегорического*, заявляя^д, что *мудрость*, которую он *проповедует*, есть *мудрость между совершенными*, т. е. теми, кто понял тайный, мистический и духовный смысл вещей; что его *мудрость* — *«премудрость*

* * *

^а Smalcus apud. Ib., p. 414.

^б Dodwell's Letters of Advice, p. 169.

^с Ib. One Altar and one Priesthood, p. 236.

^д 1 Кор. 2.7.

*Божия, тайная, сокровенная», спрятанная от людей, которую бог предназначил для людей, т. е. что это был тот тайный, божественный и духовный смысл нуданзма, о котором люди, толковавшие иудаизм буквально, ничего не знали; что эта мудрость и способ рассуждения или объяснения были даны в откровении ему и другим апостолам Богом, который один знал свой собственный духовный смысл, и что душевный человек не принимает того, что от Духа Божия (духовного смысла вещей), потому что он почитает это безумием и не может уразуметь, потому что о сем нельзя судить в соответствии с обычными правилами мудрости, или философии, или спора, но может судить только человек, которому Бог сообщил^а тайное, духовное или мистическое значение вещей или правила, с помощью которых можно его обнаружить. Словом, есть ли малейшее основание полагать на основе буквального смысла Бытия, что два сына Авраама, Исаак и Измаил, означали два завета?^б Разве сам св. Павел не называет такое толкование аллегорическим? И может ли такое тайное, духовное значение столь очевидного события в истории иметь какое-либо иное основание, кроме божественного суждения? И какое есть основание для утверждения св. Павла, основанного на Ветхом завете, что Иисус должен воскреснуть в третий день^в, если не аллегорическое толкование того, что Иона провел три дня и три ночи в чреве кита? Предыдущий довод не мог быть доводом *ad hominem*, обращенным к иудеям, потому что, как замечает д-р Уитби^г, они полагали свой закон вечным и не имели ни малейшего представления о двух заветах. Так что я считаю все другие способы объяснения, используемые философами, за исключением того способа, который был применен апостолами, и в особенности св. Павлом, полностью отброшенными, а аллегорическое объяснение, установленное ими, — истинным и единственным объяснением, подходящим для обращения всех людей в веру Христа; и язычников надо было заставить полностью отка-*

* * *

^а Деяния 26.22.

^б Гал. 4.21 etc.

^в 1 Кор. 15.4.

^г Замечание Уитби о Гал. 4.21.

заться от буквального способа объяснения и объяснять им так же, как иудеям. И само проповедование Евангелия было приспособлено к вопросам, рассмотренным с этой точки зрения и в этом свете. Ибо мы знаем, что *мудрые*^а сначала не приняли Евангелия и что они были обращены в христианство позже всех; ясно, что это произошло в результате того, что они использовали принципы объяснения и спора, полностью противоположные тем, которые употребляли христиане; и в конце концов все их эти принципы были разбиты теми, кто объяснял духовно и кто теперь привел *мудрых* к Евангелию.

Но в-четвертых, окажется, что это возражение не имеет никакой силы и не заключает в себе никакой трудности, если учесть, что, прежде чем язычники могли стать христианами, они должны были поверить, что иудаизм исходит от бога, и принять божественное происхождение иудейского Писания; а когда они принимали его как таковое, то сразу же оказывались в одинаковом положении с иудеями, и их обращали в христианство с помощью *символа* и *аллегории*. И следовательно, все *символические* и *аллегорические* доводы апостолов, взятые из *закона*, *псалмов*, *истории* и *пророков* Ветхого завета, имели равную силу как для язычников, так и для иудеев, в число которых их фактически включали, когда речь шла об этих доводах. Более того, кажется весьма вероятным, что аллегорические доводы апостолов, взятые из Ветхого завета, будучи божественными, наиболее возвышенными доводами, *бесконечно лучше*^б всех человеческих объяснений сами по себе или же с некоторым незначительным использованием других предметов убеждали язычников-христиан одновременно и в авторитетности и божественности Ветхого завета, и в истинности христианства. Этот вопрос, может быть, не совсем неуместно проиллюстрировать на примере св. Луки. Многие ученые-богословы считают его *язычником, обращенным в христианство*; и, поскольку он был сподвижником св. Павла, тот, несомненно, наставил его как в *Каббале* иудеев, так и в возвышенном смысле Ветхо-

• • •

^а 1 Кор. 1.26.

^б Bentley's Sermon on Revelation and the Messias, p. 30.

го завета. Соответственно мы обнаруживаем, что в своем Евангелии и в *Деяниях апостолов* св. Лука излагает основы христианства и приводит доводы в его пользу из Ветхого завета в той же самой символической манере, что и св. Павел, и другие *апостолы*, которые первоначально были иудеями. Можно не без основания предположить, что в этих двух книгах он излагает основы своих собственных убеждений и стремится представить для других *язычников* эти основы как достаточные также и для их убеждения. Но проповедь св. Петра перед Корнилием^а устраняет все сомнения на этот счет. Он объявляет ему то слово, которое разошлось по всей Иудее, т. е. Евангелие, основанное на Ветхом завете и проповедуемое иудеям. Затем он рассказывает о жизни и деяниях, и о страданиях, смерти и воскресении Христа, и о его *заповедях* своим ученикам. И в заключение он говорит: «О нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его». Именно такой способ обоснования используется во всем Новом завете в отношении просто иудеев.

• • •

^а Деяния 10.37, 38—41, 42, 43.

Комментарии

Джон Локк.

Письмо о веротерпимости

«Письмо о веротерпимости» («A Letter concerning Toleration») было написано Локком по латыни в 1685 г. и адресовано голландскому священнику-ремонтранту и кальвинистскому теологу Филиппу ван Лимборху, другу Локка. Сам Локк находился в это время в Голландии в политической эмиграции, поскольку подвергался преследованиям со стороны режима реставрации. «Письмо...» было опубликовано анонимно в начале 1689 г. Незадолго перед этим Локк смог возвратиться в Англию, где совершилась так называемая славная революция, положившая конец правлению Стюартов и провозгласившая королем Вильгельма Оранского на условиях ограничения его власти парламентом. В том же 1689 г. «Письмо о веротерпимости» было издано на английском языке, а также переведено на голландский и французский языки. Оно сразу же стало объектом ожесточенных нападок со стороны идеологов англиканской церкви, сторонников религиозной нетерпимости. Локк возражал критикам «Письма...» и горячо защищал свои взгляды. Так появились «Второе письмо о веротерпимости» (1690) и «Третье письмо о веротерпимости» (1692). После смерти Локка было опубликовано (в 1706 г.) неоконченное «Четвертое письмо о веротерпимости». Однако все последующие письма так или иначе перекликаются с первым письмом, развивают и дополняют его основные положения и аргументы.

«Первое письмо о веротерпимости» публикуется по изданию: Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах, т. 2. М., 1960. Перевод с английского выполнен А. С. Богомоловым и сверен с оригиналом Б. В. Мееровским. При составлении данных примечаний использованы примечания А. А. Макаровского, написанные для вышеуказанного издания.

¹ См. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974, с. 122. Пер. В. О. Горенштейна.

² Объявление терпимости — предоставление определенных религиозных свобод лицам, не принадлежавшим к англиканской церкви, или так называемым *нонконформистам*. Акты о включении — включение *нонконформистов* в англиканскую церковь путем расширения условий церковного общения; практиковались в Англии во второй половине XVII в.

³ «Письмо о веротерпимости» было переведено на английский язык с латинского У. Поттлом (Pottle), купцом по профессии и теологом по призванию, автором «Разумного катехизиса» (1687), написанного с позиций унитариянства. Перевод получил одобрение Локка. Обращение к читателю могло быть написано как Поттлом, так и самим Локком.

⁴ Локк имеет в виду сторонников католицизма.

⁵ Речь идет о протестантах, отошедших от католицизма в результате Реформации, осуществленной в странах Европы в XVI в.

⁶ В русском православном синодальном издании Нового завета это место читается иначе: «Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются; а вы не так...» (Лук. 22, 25—26).

⁷ В русском православном синодальном издании это место читается так: «Так — что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия» (Рим. 1, 29).

⁸ Локк цитирует «Послание к галатам» (5, 19, 21).

⁹ Локк имеет в виду два вида познания: непосредственное, или интуитивное, которое он сравнивает со светом, воспринимаемым глазом, и демонстративное, основанное на доказательстве. См. «Опыт о человеческом разуме», кн. IV, гл. 2. «О степенях нашего познания».

¹⁰ Имеется в виду история, рассказанная в «Деяниях апостолов», об эфесских серебряных дел мастерах, которые ополчились на христианских проповедников, опасаясь, что распространение новой религии лишит их прибыльного занятия: изготовления из серебра копий храма богини Артемиды (Дианы), считавшейся покровительницей г. Эфеса в Древней Греции.

¹¹ *Кальвинисты* — сторонники и последователи видного деятеля Реформации Жана Кальвина (1509—1564), основателя одной из главных разновидностей протестантизма — кальвинизма. *Арминяне*, или *ремонтранты*, являлись последователями Я. Арминия (1560—1609), выступившего против ортодоксального кальвинизма (в особенности против учения Кальвина о предопределении).

¹² Локк имеет в виду поддерживаемое христианской религией учение, согласно которому власть государей основана на милости божьей и поэтому они обладают правом распространять исповедуемую ими веру силой оружия.

¹³ Локк имеет в виду два враждебных друг другу направления внутри христианства: католицизм и кальвинизм. Отрицательно относясь к обоим этим направлениям из-за свойственной им религиозной нетерпимости, Локк иронически называет католицизм *Ватиканской лавкой*, а кальвинизм — *Женевской лавкой*.

¹⁴ В *Иерусалиме* находятся «святые места» трех религий: христианской, иудейской и мусульманской. В данном случае Локк имеет в виду «святые места» христиан.

¹⁵ *Ваал* — главный бог в религии древних финикийцев, почитался как валиститель бури, грома и молнии, податель жизненных благ. Согласно Библии, древние евреи после смерти своих пророков Моисея и Иисуса Навина стали поклоняться Ваалу, за что и были наказаны богом Яхве.

¹⁶ *Социниане* — рационалистическое течение в протестантизме, возникновение которого связано с именами двух итальянских религиозных реформаторов: Лелио Социна (1525—1562) и Фауста Социна (1539—1604). Социниане, как и унитарии, отвергали главный догмат христианства — троичность бога, не признавали божественность Христа, отрицали учение о грехопадении, искуплении, а так-

же некоторые другие догматы и таинства, были сторонниками веро-терпимости.

¹⁷ *Паписты* — сторонники католической церкви, возглавляемой римским папой. *Лютеране* — последователи виднейшего деятеля Реформации Мартина Лютера (1483—1546), основателя первой и главной разновидности протестантизма.

¹⁸ Локк имеет в виду события из истории христианства в IV в., связанные с борьбой против священника из Александрии Ария и его сторонников; арианство было осуждено как ересь за отрицание догмата о триничности бога на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) соборах христианской церкви.

¹⁹ Локк имеет в виду историю Реформации в Англии, которая происходила в XVI в. и привела в ходе длительной борьбы между сторонниками и противниками протестантизма к утверждению в 1571 г. (при правлении королевы Елизаветы) «39 статей (членов)», ставших символом веры государственной англиканской церкви.

²⁰ Под «безразличными вещами» (indifferent things) Локк подразумевает, как это видно из текста, вещи, а также действия, которые сами по себе не затрагивают религии. Однако Локк подчеркивал, что «безразличные вещи», будучи введены в богослужение, приобретают особый смысл и становятся существенным элементом культа.

²¹ Локк имеет в виду порядки, сложившиеся в Женеве, где кальвинистская церковь жестоко преследовала инакомыслящих. Так, в 1553 г. в Женеве по настоянию Кальвина за свободомыслие был сожжен испанский ученый М. Сервет. Характерно, что Женеву именovali в те времена «протестантским Римом», а Кальвина — «женевским папой».

²² Имеются в виду американские индейцы, которые подвергались преследованиям и истреблению со стороны европейских колонизаторов, а также насильственно обращались в христианство.

²³ Имеется в виду Пятикнижие, первые пять книг Ветхого завета, именуемые также «Законом». Приписываются мифическому библейскому пророку Моисею. «Закон» строжайшим образом запрещал древним евреям иметь других богов, кроме Яхве.

²⁴ *Теократия* — форма правления, при которой духовенству принадлежит верховная власть в государстве (обычно монархическом).

²⁵ Речь идет о положении, которым широко пользовались римские папы в своей борьбе против непокорных им государей.

²⁶ Это положение также использовалось папством в политических целях, в частности для оправдания своих территориальных притязаний.

²⁷ Локк имеет в виду римско-католическую церковь, которая считала папу не только главой церкви, но и государем, а также добивалась верховной власти пап над всеми христианскими правительствами.

²⁸ *Османская*, или *Османская империя* — название турецкого государства, основанного султаном Османом I в конце XIII — начале XIV в. *Муфтий* — высшее духовное лицо у мусульман (магометан).

²⁹ Утверждение Локка о том, что терпимость не может быть распространена на атеистов, свидетельствует об ограниченности его свободомыслия. См. об этом подробнее во вступительной статье.

³⁰ *Богослужение на римский манер* — католическое богослужение, которое велось на латинском языке. Женевская форма богослужения — богослужение, принятое кальвинизмом.

³¹ *Пресвитерианские правила* — установления, принятые английскими и шотландскими кальвинистами (пресвитерианами), в основе которых лежит так называемое «Вестминстерское вероисповедание» (1647).

³² *Епископальная церковь* — господствующая в Англии церковь, представляет собой разновидность протестантизма. Характерной особенностью англиканской церкви являлось и является сохранение церковной иерархии и власти епископов, что сближает ее с католицизмом.

³³ *Пресвитериане, индепенденты, анабаптисты, арминяне, квакеры* — религиозные течения в протестантизме, возникшие в XVI—XVII вв. и выражавшие стремления и интересы различных классов и социальных групп в эпоху ранних буржуазных революций.

³⁴ В русском православном синодальном издании Нового завета это место отсутствует.

³⁵ Смысл данного замечания Локка состоит в следующем: если бы христианская религия по своей природе порождала нарушения гражданского мира, то это относилось бы и к той церкви, которой покровительствует государственная власть.

³⁶ Непереводаемая игра слов, основанная на омонимичности английского слова «minister», которое означает и министр, и священник, и исполнитель.

³⁷ *Sed pudet haec opprobria* (лат.). — Но да устыдится такого позора.

³⁸ *Христиане св. Иоанна*, или мандеи, — религиозная секта, возникшая в I или II в. в Месопотамии. В учении мандеев смешаны элементы христианства, иудаизма и древневосточных религий. Мандеи почитали Иоанна Крестителя, но отвергали Иисуса Христа.

Джон Толанд. Христианство без тайн

Сочинение Толанда «Христианство без тайн» вышло в свет в 1696 г. в Лондоне. Первое издание было анонимным. В том же году вышло второе, дополненное издание с именем автора. Третье издание книги появилось в 1702 г. «Христианство без тайн» с самого начала стало объектом ожесточенной критики и нападок со стороны защитников религии. Одним из первых на книгу ополчился П. Браун, возглавлявший колледж св. Троицы в Дублине (где впоследствии обучался Д. Беркли). В своем памфлете Браун требовал осудить Толанда за его выступления против государственной англиканской церкви и христианской религии вообще. В 1697 г. парламент Ирландии, откуда Толанд был родом, принял решение подвергнуть книгу публичному сожжению, а автора взять под стражу и предать суду. Спасаясь от преследования, Толанд бежал

из Ирландии в Англию, но и там продолжал подвергаться гонению со стороны светских и духовных властей. Так, например, большое жюри Мидлсекса признало его книгу противоречащей религии и нравственности. С целью опровержения предъявленных ему обвинений Толанд пишет и публикует два сочинения: "A Defence of Mr. Toland" (1697) и "Vindicius liberius: or Mr. Toland's Defence of himself" (1702). И хотя после этого судебное дело против него было прекращено, нападки на «Христианство без тайн» продолжались еще многие годы. Как указывает шотландский историк и религиозовед Дж. Робертсон, к 1761 г. число различных работ, направленных против Толанда и его книги, достигло 54 (см. *John M. Robertson. A Short History of Free Thought Ancient and Modern. Vol. II. London, 1915, p. 149*).

Сочинение Толанда «Христианство без тайн» публикуется на русском языке впервые. Настоящий перевод выполнен Е. С. Лагутиным со второго английского издания: Christianity not Mysteries: or A Treatise shewing, that there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, nor above it, and that no Christian Doctrine can be properly called a Mystery. By John Tolland. London, 1696. Приводимые Толандом цитаты из Нового завета даются по тексту русского православного синодального издания со ссылкой на источник по принятому сокращению. Цитаты из античных авторов и христианских писателей переведены с латинского и древнегреческого языков А. В. Лебедевым. Древнегреческий текст в настоящем издании не воспроизводится. Примечания Толанда даны подстрочно и отмечены звездочкой.

¹ Тиллотсон (Tillotson), Джон (1630—1694) — английский теолог, архиепископ англиканской церкви; в своих сочинениях и проповедях пытался дать рационалистическое истолкование отдельным положениям христианского вероучения, что и дало, видимо, повод Толанду, Коллинзу и другим свободомыслящим считать Тиллотсона своим предшественником (Коллинз, например, писал о Тиллотсоне как о человеке, которого «все свободомыслящие англичане признают своим главой». — См. «Английские материалисты XVIII в.», т. 2. М., 1967, с. 187).

² Критические замечания Толанда в адрес «противников религии» были своеобразным тактическим приемом, призванным смягчить впечатление от его антирелигиозного по своему существу сочинения. С другой стороны, Толанд стремился представить себя защитником «истинного христианства», которое, по его словам, «было задумано как разумная и понятная религия» и только впоследствии усилиями церковников было превращено в «неразумное учение».

³ Толанд намекает здесь на некоторые обстоятельства своей биографии: родившись в глубоко религиозной католической семье, он с раннего детства получил соответствующее воспитание; в шестнадцатилетнем возрасте Толанд перешел в англиканское вероисповедание и причислял себя к так называемой низкой церкви.

⁴ Папизм — наименование римско-католической церкви, возглавляемой папой; папистами называли соответственно приверженцев католицизма.

⁵ «...Религия всегда одна и та же» — это высказывание Толанда свидетельствует о том, что идея исторического развития ре-

лигии была ему чужда, хотя он сам выдвигал требование возврата к «истинной религии», искаженной якобы церковниками и схоластиками.

⁶ Имеются в виду православие и католицизм.

⁷ *Арианство* — учение александрийского священника Ария (ок. 280 — ок. 336). См. примеч. 18 к сочинению Локка «Письмо о веротерпимости».

⁸ Толанд стремился показать, что выступает как сторонник первоначального христианства, не искаженного последующими наслоениями.

⁹ Признание верховной власти папы и его непогрешимости является важнейшей особенностью католицизма.

¹⁰ Утверждение Толанда о том, что Писание «очень хорошо» согласуется с разумом, является, конечно, ошибочным, хотя и свидетельствует о стремлении философа рационалистически истолковать содержание Нового завета.

¹¹ Имеются в виду древнееврейский, греческий и латинский тексты Библии (Ветхого завета).

¹² «...*Секты стоиков, платоников, пифагорейцев*» — речь идет о различных направлениях греко-римской философии, оказавших влияние на формирование христианства.

¹³ *Моисей* — в библейской мифологии предводитель и пророк древних евреев. Почитается пророком также в христианстве и исламе.

¹⁴ «*Отцы церкви*» — традиционное название деятелей христианской церкви II—VIII вв., создавших ее догматику и организацию. Сочинения «отцов церкви» включены в «священное предание», которое признается католицизмом и православием одним из источников вероучения.

¹⁵ Рукопись этого раннего произведения Толанда не сохранилась, но, возможно, отдельные его положения были использованы при написании «Христианства без тайн».

¹⁶ Из названных Толандом трех трактатов им был написан только первый — «Христианство без тайн». В дальнейшем Толанд изменил свои планы и создал ряд произведений, развивающих и углубляющих критику христианской религии и церкви, начатую им в «Христианстве без тайн».

¹⁷ «...*Я не за Павла, не за Цефаса, не за Аполлона...*» Павел — один из мифических апостолов христианства, ему приписывается авторство 14 посланий, вошедших в Новый завет. Цефас — языческое божество. Аполлон, согласно греческой мифологии, сын Зевса, бог — целитель и прорицатель, покровитель искусств.

¹⁸ *Лютеране* — см. примечание 17 к сочинению Локка «Письмо о веротерпимости».

¹⁹ Имеются в виду крупнейшие представители средневековой схоластической философии (например, Альберт фон Большедт — «всеобъемлющий доктор», Фома Аквинский — «ангельский доктор»), авторитет которых в католической церкви считался непререкаемым.

²⁰ *Вселенские соборы* — съезды высшего духовенства христианской церкви, которые созывались в IV—IX вв. Последующие соборы созывались только католической церковью.

²¹ Имеется в виду папа римский.

²² По-видимому, Толанд имел в виду различные древние обычаи и обряды, сопровождавшиеся играми на манер Олимпийских игр.

²³ Этот раздел написан Толандом под значительным влиянием теории познания Локка, разработанной в «Опыте о человеческом разуме» (1690). Толанд разделяет основные посыпки локковской гносеологии и использует их в целях критики христианской религии. Эта критика велась Толандом преимущественно с рационалистических позиций, если иметь в виду под рационализмом (в широком смысле слова) философскую концепцию, утверждавшую силу и мощь человеческого разума.

²⁴ Термин «идея» Толанд вслед за Локком употребляет весьма широко, обозначая им не только собственно идеи, или понятия, но и различные чувственные образы, а иногда и сами объекты или их свойства.

²⁵ Это высказывание Толанда, перекликающееся с известным положением Ньютона «гипотез не измышляю», было направлено против бездоказательных схоластических спекуляций и выражало мысль о том, что научно-философское знание должно быть доказательным и достоверным.

²⁶ Следуя Локку, Толанд подчеркивает здесь опытный характер наших знаний. Так же как и Локк, он подразделяет опыт на внешний и внутренний, отмечая ведущую роль внешнего или чувственного опыта.

²⁷ Вслед за Локком Толанд проводит разграничение между первичными и вторичными качествами вещей. К первичным качествам Локк относил плотность, протяженность, форму и другие, подчеркивая, что они совершенно неотделимы от тела. Ко вторичным же качествам он относил цвета, звуки, запахи и т. д. (см. «Опыт о человеческом разуме», кн. II, гл. 8).

²⁸ Толанд дает здесь интерпретацию вторичных качеств, приближающуюся к одной из локковских интерпретаций. Данная интерпретация исходила из того, что вторичным качествам присуще вполне объективное содержание, хотя сами они являются результатом воздействия объектов на органы чувств и лишь в этом смысле носят субъективный характер.

²⁹ «...Природа не терпит пустоты...» — Толанд имеет в виду одно из положений схоластической философии, которое принималось без всяких доказательств.

³⁰ Речь идет об одном из главных положений теории Коперника, получившем полное подтверждение данными астрономических наблюдений.

³¹ Толанд имеет в виду изречение «Верую, ибо абсурдно», которое приписывается христианскому теологу и писателю Тертуллиану (ок. 160 — после 220). Провозглашая несовместимость веры и разума, Тертуллиан выступал с позиций теологического иррационализма.

³² Имеется в виду приведенное выше изречение, а в более широком смысле — положение о непостижимости для разума религиозных истин, которое отстаивали представители теологического иррационализма.

³³ *Пресуществление* — согласно ортодоксальной христианской догматике, превращение хлеба и вина в тело и кровь Иисуса во время совершения причастия — таинства, признаваемого в той или иной форме всеми христианами.

³⁴ *Импанация* — термин, обозначающий присутствие в хлебе и вине тела и крови Иисуса Христа и соответствующий лютеранскому истолкованию причастия.

³⁵ *Социниане* — см. примечание 16 к сочинению Локка «Письмо о веротерпимости».

³⁶ *Ариане* — см. примечание 18 к сочинению Локка «Письмо о веротерпимости».

³⁷ *Троица* — один из основных догматов христианства, согласно которому бог един по своей сущности, но существует в качестве трех личностей (ипостасей): бог-отец, бог-сын и святой дух. Догмат троицы критиковали и отвергали с рационалистических позиций многие секты, так называемые антитринитарии, к их числу принадлежали польские ариане (польские братья), унитарии и социниане. Толанд не решался открыто выступать против догмата троицы, так как это строго осуждалось англиканской церковью.

³⁸ *Коран* — главная священная книга мусульман, включающая проповеди, обрядовые и правовые установления, заклинания и молитвы, назидательные рассказы и притчи, приписываемые Мухаммеду.

³⁹ *Ямайка* — остров в Карибском море, в 1670 г. стал колонией Англии.

⁴⁰ *Мессия* (от др.-евр. «машиах», букв.— помазанник) — в иудаизме и христианстве «ниспосланный богом спаситель». Слово «Христос» является греческим эквивалентом «мессии».

⁴¹ *Фарисеи* — религиозно-политическая секта, существовавшая в Иудее во II в. до н. э.— II в. н. э., выражала интересы средних слоев населения.

⁴² *Ксенофонт* (ок. 430—355 или 354 до н. э.) — древнегреческий писатель и историк.

⁴³ *Талмуд* — собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н. э.— V в. н. э.

⁴⁴ *Церковь Боу* (Bow) — видимо, одна из лондонских церквей XVII в.

⁴⁵ *Левиты* — священнослужители в древнем, или библейском, иудаизме.

⁴⁶ *Давид* — согласно Библии, второй царь израильско-иудейского государства (XI—X вв. до н. э.). Религиозная традиция приписывает Давиду авторство псалмов, вошедших в христианский культ. Христианство возводит к Давиду родословие мифического Иисуса Христа.

⁴⁷ Согласно учению древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.), бог является не творцом мира, не имеющего начала во времени, а лишь его перводвижателем.

⁴⁸ Согласно учению древнегреческого философа-материалиста Эпикура (ок. 341—270 до н. э.), реально существуют лишь атомы и пустота. Исходя из этого, Эпикур отрицал бессмертие души и загробную жизнь.

⁴⁹ Против учения о свободе воли выступали, в частности, философы-стоики, которые представляли одно из направлений греко-римской философии.

⁵⁰ «...Прочь, прочь, непосвященные! — восклицает пророчица. — Уходите все из рощи!» (*Вергилий. Энеида*, кн. 6, ст. 258). «Энеида» — поэма известного римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.).

⁵¹ «Прочь, прочь, кто грешен!» (*Каллимах. Гимн Аполлону*, ст. 2). Каллимах из Кирены (ок. 310 — ок. 240 до н. э.) — древнегреческий грамматик и поэт.

⁵² «Сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившийся и принявший посвящение по прибытии туда поселится среди богов» (*Платон. Федон*, 69). Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Аид — по религиозным представлениям древних греков, подземное царство, где после смерти пребывают души (тени) людей.

⁵³ «Посвященные (в мистерии) питают более сладостные надежды как относительно конца жизни, так и относительно целокупной вечности» (*Исократ. Панегирик*, 28). Исократ (436—338 до н. э.) — древнегреческий публицист и оратор, автор ряда трактатов и речей: «Панегирик», «Платейская речь», «О мире» и др.

⁵⁴ «... (Те мистерии, благодаря которым мы, дикие жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены), как говорится, к тайнствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее» (*Цицерон. О законах*, кн. 2, 14. Перевод В. О. Горенштейна). Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель.

⁵⁵ «Кто невегласам раскрыть посмеет святыни Цереры
Или тайный обряд самофракийских жрецов?»

(*Овидий. Искусство любви*, кн. 2, ст. 601. Перевод М. Л. Гаспарова.) Овидий Назон, Публий (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — известный римский поэт.

⁵⁶ «О, преступные осквернители тайнств, сокровенное сделавшие явным!» (*Элий Аристид. Элевсинская речь*, 13. Перевод М. Л. Гаспарова). Элий Аристид (117 или 129—189) — греческий ритор и философ, представитель так называемой второй, или новой, софистики.

⁵⁷ «Разгласивший тайнства должен умереть — таков закон». *Сопатр* в «Классификации (ораторских) тем». Сопатр (VI в. н. э.) — греческий писатель и ритор.

⁵⁸ «Если кто убьет Диагора из Мелоса, получит талант». *Аристофан* в «Птицах», а также *Свида* под словом «Диагор». Диагор Мелосский (V в. до н. э.) — древнегреческий поэт и ученый, за которым укоренилось прозвище безбожника; за свои атеистические убеждения был осужден афинским судом и вынужден был спасаться бегством, за его голову была назначена награда. Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) — выдающийся древнегреческий поэт-комедиограф. Свида (правильно Суда) — название анонимного византийского словаря-энциклопедии конца X в. (до недавнего времени считали, что Свида — имя автора этого словаря).

⁵⁹ *Адонис* (др.-евр. Адонай) — бог плодородия в религии древних финикийцев; в иудаизме слово «Адонай» (господь мой) заменяло имя бога Яхве, произносить которое было запрещено.

⁶⁰ «Двое юношей-акарнанцев в дни тайнств — сами при этом непосвященные и не искушенные в религии — вместе с толпой вошли в храм Цереры. Речь легко выдала их, так как они задавали нелепые вопросы. Тогда их отвели к первосвященникам храма, и, когда стало ясно, что они вошли в храм по ошибке, их убили как совершивших чудовищное преступление» (*Тит Ливий*, кн. 31, гл. 14). Ливий, Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) — известный римский историк.

⁶¹ Имеется в виду одна из трагедий выдающегося древнегреческого поэта-драматурга Еврипида (ок. 480—406 до н. э.).

⁶² «Принимающие посвящение в мистерии сначала называются «мистами», а через год — «эпонтами» и «эфорами» (Примечания к комедии Аристофана «Лягушки»).

⁶³ «Малые мистерии суть как бы предварительное очищение и освящение перед большими» (Примечания к комедии Аристофана «Плутос»).

⁶⁴ «Часть вакханок справляла темные оргии в полых ковчехах. Оргии, о которых тщетно желают услышать непосвященные».

(*Катулл*. Эпиграммы. Эпиграмма 64, ст. 259). Катулл, Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 до н. э.) — древнеримский лирический поэт.

⁶⁵ «Я полагаю, что «постигаемое» не означает ничего иного, нежели «познаваемое», а «постигать» — ничего иного, нежели «точно знать»» (*Гален*. О наилучшем мнении). Гален, Клавдий (ок. 130 — ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель, теоретик античной медицины.

⁶⁶ Толанд имеет в виду Локка, который проводил различие между номинальной и реальной сущностями вещей в соответствии со своим учением о первичных и вторичных качествах. Согласно Локку, познание реальных сущностей доставляют нам только идеи первичных качеств; идеи же вторичных качеств позволяют нам различать вещи лишь по их номинальным сущностям (см. «Опыт о человеческом разуме», кн. III, гл. 6).

⁶⁷ Здесь Толанд также имеет в виду Локка и его «Опыт о человеческом разуме».

⁶⁸ *σῶμα* (греч.) — тело; *σῆμα* (греч.) — могила. Эта этимологическая мифологема впервые засвидетельствована у древнегреческого философа-пифагорейца Филолая (V в. до н. э.), который учил, что душа заключена в теле как в темнице или могиле.

⁶⁹ Кебет Фиванский (V в. до н. э.) — ученик древнегреческого философа Сократа, автор диалога «Картина» нравоучительного содержания и аллегорической формы.

⁷⁰ «Замечаешь подле ворот, при входе в них толпы, высокую скамью? На ней сидит женщина, речь неотразимо влечет к себе и т. д.» (*Кебет*. Картина. Перевод В. Алексеева. — В кн.: *Кебет*. СПб., 1888).

⁷¹ В русском православном издании Нового завета это место из «Послания к римлянам» отсутствует.

⁷² См. с. 142 настоящего издания.

⁷³ Г-н *Фонтенель* в своей «Истории оракулов». Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657—1757) — французский писатель и философ, пропагандировал передовые научные идеи, выступал против религиозных суеверий и фанатизма.

⁷⁴ Г-н *Перро* в своих «Параллелях между древними и новыми (авторами)». Толанд цитирует сочинение французского писателя и теоретика литературы Шарля Перро (1628—1703). В своем сочинении Перро доказывал превосходство современных ему писателей над античными «в вопросах искусства и наук».

⁷⁵ *Климент Александрийский* (ок. 150 — ок. 215) — христианский писатель и теолог, один из «отцов церкви», руководил церковной школой в Александрии.

⁷⁶ «*Строматы*» (Ковры) — многотомный сборник изречений древних философов и поэтов, составленный Климентом Александрийским.

⁷⁷ «Учение (Христа) потому называется светом, что оно сделало явным то, что было сокрыто, и только сам учитель снял покров с ковчега» («Строматы», кн. 5).

⁷⁸ «Тайны, сокрытые вплоть до апостолов, были переданы ими, как только они приняли их от господина, и то, что ныне открылось святым, было сокрыто в Ветхом завете» («Строматы», кн. 5).

⁷⁹ *Юстин Мученик* (ум. ок. 165) — христианский писатель, был казнен во время одного из гонений на христиан. Толанд цитирует его сочинение «Диалог с Трифоном-иудеем», посвященное защите христианского вероучения.

⁸⁰ *Тертуллиан*, Квинт Септимий Флоренс. См. примечание 31.

⁸¹ «Если только вы не знаете, друзья, что многое из того, что было откровенно речено в притчах, таинствах и символах дел, разъяснили пророки, жившие после тех, кто их изрек и содеял» (*Юстин Мученик*. Диалог с Трифоном-иудеем).

⁸² «А если он в состоянии посредством символов познать указанный путь тех, кто пойдет в царство божье, то пусть читает книгу Моисееву «Числа» и пусть спросит у способного посвятить его в написанное о становящихся детях израилевых...» (*Ориген*. Против Цельса, кн. 6, гл. 23). Ориген (ок. 185—253—254) — христианский теолог и писатель, ученик Климента Александрийского, автор полемического сочинения, направленного против античного критика христианства Цельса.

⁸³ «Посмотри, не находятся ли догматы нашей веры в полном согласии с общими понятиями, когда они изменяют мнения тех, кто благожелательно выслушивает то, что мы говорим» (*Ориген*. Против Цельса, кн. 6, гл. 40).

⁸⁴ Известный римский оратор и политический деятель Цицерон был убит преемниками Юлия Цезаря в 43 г. до н. э.

⁸⁵ Вильгельм Завоеватель в 1066 г. во главе нормандских феодалов завоевал Англию и стал английским королем Вильгельмом I.

⁸⁶ *Авраам* — мифический патриарх, фигурирующий в Библии как родоначальник еврейского народа.

⁸⁷ Толанд имеет в виду тех представителей античной философии, главным образом стоиков и неоплатоников, которые, приняв христианство, посвятили себя богословию.

⁸⁸ Речь идет о Константине I (Великом) — римском императоре в 306—337 гг., который всецело поддерживал христианскую церковь.

⁸⁹

«Не разноцветно чье-либо убранство пред алтарями:
Тела покрыты льном, а голова блистает пелузийской нитью».

(*Силий Италик*. Пуническая война, кн. 3, ст. 23). Силий Италик (I в. н. э.) — римский эпический поэт, автор историко-героической поэмы о второй пунической войне Рима с Карфагеном.

⁹⁰ «Белое все по душе Церере: наденьте одежды
Белые в праздник ее...»

(*Овидий*. Фасты, кн. 4, ст. 619. Перевод Ф. А. Петровского.)

⁹¹ «Белый цвет особенно угоден божеству — как вообще, так особенно в тканях...» (*Цицерон*. О законах, кн. 2, гл. 18. Перевод В. О. Горенштейна).

⁹² «Одежда у них (жрецов) белая, на голове — войлочная шляпа» (*Лукиан*. О сирийской богине, гл. 42. Перевод С. С. Лукьянова). Лукиан из Самосаты (ок. 120 — ок. 190) — древнегреческий писатель-сатирик, высмеивал пороки рабовладельческого общества, критиковал религиозные суеверия.

⁹³ «И облаченные в лен носители лысые сistroв
Все убегают...»

(*Марциал*. Эпиграммы, кн. 12, эпиграмма 28, ст. 19. Перевод Ф. А. Петровского). Марциал, Марк Валерий (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт-сатирик, автор «Эпиграмм» (15 кн.).

⁹⁴ «Жрец... ведет меня, окруженного священным воинством, в ближайшие бани; там после обычного омовения, призвав милость богов, он со всей тщательностью очищает меня окроплением...» (*Апулей*. Метаморфозы, кн. II, гл. 23. Перевод М. А. Кузьмина). Апулей (ок. 124 н. э. — ?) — известный римский писатель, в произведениях которого запечатлены многие черты быта и религиозных воззрений его времени; гл. произв. — «Метаморфозы» («Золотой осел») в 11 книгах.

⁹⁵ «Для того чтобы освятить эти молитвенные требования, ты ранним утром два и три раза погружаешь голову в Тибрскую пучину и омываешь речной водой твои ночные грехи» (*Персий*. Сатиры, 2, ст. 15. Перевод Н. М. Благовещенского. — Сатиры Персия. СПб., 1873). Персий Флакк (34—62) — римский поэт-сатирик.

⁹⁶ «Голову трижды кропит, трижды к небу возносит ладони» (*Овидий*. Фасты, кн. 4, ст. 315. Перевод Ф. А. Петровского).

⁹⁷ Состав Элевсинских мистерий: постился, выпил кикон и т. д. Климент Александрийский («Строматы»); Арнобий, кн. 5. Арнобий (ок. 260 — ок. 327) — христианский писатель, автор сочинения «Против язычников» (в 7 кн.).

- ⁹⁸ «Также и вам приказывают быть подальше,
отойдите от алтарей
Те, кому прошлой ночью Венера принесла радости».

(*Тибулл*, кн. 2, элегия I, ст. 11). Тибулл, Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт, автор двух книг любовных элегий (русский перевод А. А. Фета, 1886).

- ⁹⁹ «Боги любят чистоту. Приходите в чистой одежде
И чистыми руками берите воду источника».

(Там же, ст. 13).

- ¹⁰⁰ «Верили наши отцы, что путем очищения можно
Всякое зло прекратить и преступления смыть».

(*Овидий*. Фасты, кн. 2, ст. 35. Перевод Ф. А. Петровского).

- ¹⁰¹ «Что за безумье, увы! Ужели смертоубийство
Просто речною водой можно, по-вашему, смыть!»

(Там же, ст. 45. Перевод Ф. А. Петровского).

¹⁰² «Мы совершаем таинства, закрыв двери, и не пускаем непосвященных». *Иоанн Златоуст* (Хризостом) (ок. 350—407) — византийский церковный деятель, считался идеалом христианского проповедника.

¹⁰³ «Торжественность таинств сохраняется благодаря молчанию». *Василий Великий* (Кесарийский) (ок. 330—379) — христианский церковный деятель и теолог, епископ г. Кесарии (Малая Азия).

¹⁰⁴ «Торжественность в обрядах посвящения создается неведением, и именно поэтому мистерии доверяются ночи» (*Синезий*. О провидении, разд. 2). Синезий (379—412) — философ-неоплатоник, после принятия христианства стал епископом в Сев. Африке.

¹⁰⁵ «Посвященные знают». *Августин* во многих местах. Августин Аврелий (354—430) — известный христианский писатель и теолог, виднейший из западных «отцов церкви».

¹⁰⁶ «Посвященные понимают то, что говорится». *Иоанн Златоуст*.

¹⁰⁷ «Заприте двери перед непосвященными». *Орфей*, *Лукиан* и др.

¹⁰⁸ «Катехумены, проходите, непосвященные, гуляйте снаружи». Катехумены — букв. оглашенные; лица, вновь обращенные в христианство.

¹⁰⁹ *Кирилл Иерусалимский*. Предисловие к «Катехизисам». Кирилл, епископ Иерусалимский (393 — ок. 465) — один из «отцов церкви».

¹¹⁰ «Священные обряды начинались с общенародных очищений, затем шли очищения более тайные, потом — рекомендации, потом — посвящения и, наконец, — состояние эпопта». *Олимпиодор*. Олимпиодор из Александрии (VI в.) — философ-неоплатоник.

¹¹¹ *Пифагор Самосский* (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ и математик, основатель религиозно-философского направления — пифагореизма.

¹¹² «Начну с крещения. Незадолго до того, как приблизимся к воде, в церкви под руководством священника мы свидетельствуем, что отрекаемся от дьявола, и блеска его, и ангелов его. Потом трижды окунаемся, отвечая при этом несколько более пространно, нежели определил господь в Евангелии. Затем отведываем молока и меда и начиная с этого дня в течение всей недели воздерживаемся от ежедневного умывания» (*Тертуллиан. Апологетик*).

¹¹³ «Выйдя из купели, мы помазываемся благословенным помазанием» (*Тертуллиан. Апологетик*).

¹¹⁴ *Тертуллиан* в цитированном выше месте.

¹¹⁵ «Посвященный не снимал того гиматия, который он носил во время посвящения, до тех пор, пока он не превращался в лохмотья» (Примечания к комедии *Аристофана* «Плутос»).

¹¹⁶ «Ибо, пока кости (умерших) не засыпаны землей, место, где было сожжено тело, еще не находится под религиозным запретом» (*Цицерон. О законах*, кн. 2, гл. 22. Перевод В. О. Горенштейна).

¹¹⁷ Потерпевший кораблекрушение Архит, умоляя идущего мимо не оставить его непогребенным, произносит у Горация такого рода слова:

«Пусть ты спешишь — недолга надо мною задержка: три горсти Брось на могилу мою — и в дорогу!»

(*Гораций. Оды*, кн. 1, ода 28, ст. 35—36. Перевод Н. С. Гинцбург). Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — известный римский поэт. В данном случае Толанд не совсем точно интерпретирует эту оду Горация. Она написана от лица моряка, погибшего в бурю и выброшенного на берег близ древней гробницы тарентского математика Архита (IV в. до н. э.). В ст. 1—20 моряк обращается к Архиту, в ст. 21—36 — к проезжим морякам с просьбой похоронить его тело (см. *Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания*. М., 1970, с. 434).

¹¹⁸ «Так богине молись и скажи это раза четыре, Ставши лицом на восток, руки росой омыв».

(*Овидий. Фасты*, кн. 4, ст. 777. Перевод Ф. А. Петровского).

¹¹⁹ «Храм смотрит на восходящее солнце». *Лукиан*.

¹²⁰ Толанд имеет в виду широкое антикатолическое движение, которое происходило в странах Европы в XVI в. и получило название Реформации.

¹²¹ «Если потребуешь законоположений Писания для этих и других правил такого же рода, то такового не найдешь. Традиция тебе их освящает, обычай закрепляет, вера соблюдает» (*Тертуллиан. Апологетик*).

¹²² «...Во времена *Ириней* и *Епифания*...» *Ириней* Лионский (ок. 126—202) — христианский писатель, один из «отцов церкви». *Епифаний* — христианский писатель IV в.

¹²³ Лютер — см. примеч. 17 к произведению Локка «Письмо о веротерпимости». Кальвин — см. примеч. 11 там же. Цвингли Ульрих (1484—1531) — деятель Реформации в Швейцарии, основатель цвинглианства, одного из направлений в протестантизме.

Джон Толанд.
Письма к Серене.
Письмо третье.
Происхождение идолопоклонства
и причины возникновения язычества

«Письма к Серене» (Letters to Serena) — наиболее известное произведение Толанда. Оно было написано в 1704 г. и включает пять писем, которые по своей тематике делятся на две группы. Первые три письма адресованы непосредственно Серене — прусской королеве Софии-Шарлотте, по приглашению которой Толанд в 1701 г. посетил Берлин. Философ принимал активное участие в диспутах, которые велись в салоне королевы, беседовал с ней. В результате бесед и возникли «Письма к Серене» (псевдоним был раскрыт самим Толандом в 1708 г., через несколько лет после смерти Софии-Шарлотты).

В письмах, адресованных Серене, содержится критика религиозных суеверий и предрассудков. Так, в первом письме рассматривается «происхождение и сила предрассудков», во втором — излагается «история представлений о бессмертии души у язычников», в третьем, публикуемом в настоящем издании, исследуются «происхождение идолопоклонства и причины возникновения язычества». «Мои письма, — заявлял Толанд в предисловии к своему сочинению, — не что иное, как невинные изыскания в области освященных веками памятников древности...». В действительности же «Письма к Серене» имели ярко выраженную антирелигиозную направленность, причем объектом их критики были не только языческие религии, но и христианство. В этом отношении «Письма» примыкают к произведению Толанда «Христианство без тайн», где было убедительно показано влияние язычества на становление христианского вероучения и культа.

Вторую группу «Писем...» составляют четвертое и пятое, имеющие чисто философское содержание. Они явились результатом переписки Толанда с одним голландским спинозистом и представляют собой дальнейшее развитие проблем философского материализма: учения о материи, о неразрывной связи материи и движения, а также о связи материи с пространством и временем. Здесь же содержатся идеи о материальной обусловленности сознания, о непрерывности и всеобщности изменений в природе, об абсолютном характере движения и относительности покоя.

Публикуемое третье письмо — «Происхождение идолопоклонства и причины возникновения язычества» — воспроизводится в настоящем издании по тексту «Писем к Серене», включенных в издание: Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений, т. 1. М., 1967.

¹ Речь идет о втором из «Писем к Серене», озаглавленном «История представлений о бессмертии души у язычников».

² *Аммиан Марцеллин* (ок. 330 — ок. 400) — римский историк, автор многотомных «Деяний», на которые ссылается Толанд.

³ *Геродот* (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». *Диодор Сицилийский* (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки». *Лукиан* — см. примеч. 92 к произв. Толанда «Христианство без тайн». *Дион Кассий* (155—235) — римский историк. *Макробий*, *Амбросий Феодосий* (род. в IV в. н. э. — ум. после 422 г.) — римский писатель и философ-неоплатоник.

⁴ В русском православном синодальном издании Библии это место читается иначе: «...Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Екклесиаст 7, 29).

⁵ *Плиний Старший* (23 или 24—79) — римский писатель и ученый, автор «Естественной истории», представляющей собой энциклопедию естественнонаучных знаний античности.

⁶ *Эратосфен Киренский* (ок. 276—194 до н. э.) — древнегреческий ученый, автор трудов по географии, математике, астрономии, философии, филологии.

⁷ *Леклерк Жан* (1657—1736) — швейцарский филолог, историк и богослов, проживал в Голландии, где в 1686—1693 гг. издавал «Всеобщую и историческую библиотеку».

⁸ *Цицерон*. О природе богов, кн. II, 24.

⁹ *Диодор Сицилийский*, кн. V.

¹⁰ *Цицерон*. О предвидении, кн. I.

¹¹ *Эвгемер* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ, автор утраченного утопического романа «Священная запись», объяснял происхождение богов посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или наделенных властью людей.

¹² *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян.

¹³ *Вергилий*. Энеида, кн. VI.

¹⁴ *Гесиод*. Труды и дни. Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) — первый известный по имени древнегреческий поэт, автор дидактической поэмы «Труды и дни» и «Теогонии» (родословия богов).

¹⁵ *Страбон*. География, кн. XVII. Страбон (64/63 до н. э.— 23/24 н. э.) — древнегреческий географ и историк, автор «Географии» (в 17 кн.), «Исторических записок».

¹⁶ *Цицерон*. О законах, кн. II.

¹⁷ *Плутарх*. Об Исиде и Осирисе.

¹⁸ *Порфирий* (ок. 233 — ок. 304) — греческий философ-идеалист, представитель неоплатонизма, ученик Плотина. Толанд ссылается на сочинение Порфирия «О воздержании», кн. IV.

¹⁹ *Диоген Лаэртский*, кн. 1; *Павсаний*. Описание Эллады, кн. 1; *Лукиан*. Филопатрис.

²⁰ *Прокл* (ок. 410—485) — греческий философ-идеалист, представитель неоплатонизма. Основное сочинение — «Первоосновы теологии».

²¹ *Марин*. Жизнь Прокла, гл. X.

²² *Плутарх*. Жизнь Фемистокла. Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский полководец и политический деятель.

²³ *Вандаль Антоний* (1638—1708) — голландский врач и историк, автор «Рассуждений о происхождении и развитии идолопоклонства и суеверий» (1696).

²⁴ *Энний Квинт* (239—163 до н. э.) — римский поэт.

²⁵ *Аполлон, Эскулап, Венера, Вулкан* — в греческой и римской мифологии боги — покровители искусств, врачевания, любви и красоты, огня и кузнечного ремесла.

²⁶ *Анаксагор* (ок. 500—428 до н. э.) — древнегреческий философ.

²⁷ *Плутарх*. Жизнь Никия. Никий (ок. 469—413) — афинский полководец и политический деятель.

²⁸ *Минуций Феликс* (II в.) — христианский писатель. *Тертуллиан* — см. примеч. 31 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

²⁹ *Арнобий* — см. примеч. 97 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

³⁰ *Зенон* из Китиона (на о. Кипре) (ок. 336—264 до н. э.), *Клеанф* (331—232 до н. э.), *Хризипп* (ок. 280—205 до н. э.) — древнегреческие философы, представители стоицизма.

³¹ *Ормузд* (Ахурамазда) — верховный бог в древнеперсидской религии (зороастризме), олицетворение добра в противоположность злему началу — *Ариману*.

³² *Ювенал*. Сатиры, XV. Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

³³ *Восточными сектами* Толанд называет православие, возникшее с разделением в 395 г. Римской империи на Западную и Восточную и окончательно сложившееся как самостоятельная христианская церковь в 1054 г.

Антони Коллинз.

Рассуждение об основах и причинах христианской религии

Сочинение Коллинза «Рассуждение об основах и причинах христианской религии» вышло в свет в 1724 г. в Лондоне. Оно было издано без указания имени автора. Поводом для его написания послужила работа английского теолога и ученого У. Уистона (Whinston) «Опыт восстановления подлинного текста Ветхого завета и подтверждения ссылок на него, сделанных в Новом завете». Уистон был сторонником буквальной, или вербальной, трактовки Библии и решительно осуждал попытки аллегорического истолкования ее текста. Но поскольку вербальная трактовка Священного писания наталкивалась на непреодолимые трудности, Уистон выступил с утверждением, что древнееврейский и древнегреческий тексты Ветхого завета подверглись исправлениям и искажениям со стороны противников христианства (из числа иудеев), стремившихся подобным путем создать впечатление, что Ветхий и Новый заветы не только не согласуются между собой, но и противоречат друг другу. В противовес этому якобы сознательно искаженному тексту Ветхого завета Уистон предлагал свою реконструкцию его

подлинного текста. Опираясь на этот текст, Уистон доказывал, что ссылки на Ветхий завет, приводимые в Новом завете, находят свое полное и прямое подтверждение.

Опровержение произвольной и не выдерживающей критики «схемы» Уистона стало отправным пунктом концепции Коллинза и его анализа содержания Библии. Основной смысл «Рассуждения об основах и причинах христианской религии» состоял, во-первых, в обосновании идеи постоянной изменчивости религий мира, во-вторых, в утверждении зависимости христианства от иудаизма и соответственно Нового завета от Ветхого и, наконец, в-третьих, в доказательстве необходимости аллегорического истолкования Библии как единственно возможного с точки зрения требований разума способа согласования книг Ветхого и Нового заветов.

Сочинение Коллинза состоит из двух частей. Первая часть, публикуемая в настоящем издании, содержит «Замечания относительно ссылок на Ветхий завет, имеющих в Новом завете, и в особенности относительно пророчеств, сделанных в первом и сбывшихся, как утверждают, во втором». Эта часть представляет наибольший интерес для выяснения взглядов Коллинза на происхождение христианства и его отношения к Библии. Вторая часть посвящена критическому анализу «схемы» Уистона и его попытки вербального толкования якобы «восстановленного подлинного текста Ветхого завета». В качестве предисловия к своему сочинению Коллинз предпослал «Апологию свободного обсуждения и свободы письма», где развивал идеи, высказанные им ранее в «Рассуждении о свободомыслии» (1713).

Перевод первой части «Рассуждения об основах и причинах христианской религии» выполнен Е. С. Лагутиным с английского издания: [Collins A.] A discourse of the grounds and reasons of the Christian Religion. London, 1724.

Приводимые Коллинзом цитаты из Ветхого и Нового заветов даются по русскому православному синодальному изданию Библии. Цитаты из латинских источников даются в переводе М. А. Гарнцева.

¹ «Перечисляя все установления Моисея, я мог бы доказать, что они являются прообразами, символами и возвещениями того, что должно было произойти с Христом и теми людьми, чья вера в него была предвидена, а равно и того, что надлежало свершить самому Христу» (*Юстин Мученик. Диалог с Трифоном-иудеем. См. примеч. 79 к произв. Толанда «Христианство без тайн»*).

² «Если скажут, что еврейские книги были искажены после пришествия господина-спасителя и проповеди апостолов, я не смогу удержаться от хохота: как будто спаситель, евангелисты и апостолы приводили свидетельства так, что впоследствии иудеям надлежало исказить их!» (*Иероним Стридонский. Комментарии на книгу пророка Исаии*). Иероним Стридонский (ок. 340—420) — христианский писатель, один из «отцов церкви», автор латинского перевода Библии, так называемой Вульгаты.

³ *Уистон Уильям* (1667—1752) — теолог англиканской церкви, автор ряда богословских сочинений, на которые ссылается Коллинз.

⁴ *Афанасиане* — сторонники Афанасия Александрийского (ок. 295—373) — церковного деятеля и богослова, который в борьбе с арианством разработал мистическое учение о «единосущности» бога-отца и бога-сына, ставшего одним из догматов христианского символа веры.

⁵ Коллинз имеет в виду молитвенник, составленный архиепископом Кентерберийским Т. Кранмером в 1549 г. при короле Эдуарде VI (1547—1553). В дальнейшем молитвенник Кранмера, регламентировавший литургию в англиканской церкви, неоднократно изменялся в интересах светских и духовных властей.

⁶ «Эта речь его, не без оснований многими боязливо скрытая и, возможно, слышанная Лукой, нигде не сохранилась». Фабриций Иоганн Альберт (1668—1736) — немецкий историк, издавал «Церковную библиотеку», составил «Свод апокрифов» новозаветных текстов, на который ссылается здесь Коллинз.

⁷ *Варнава* — согласно церковной традиции, один из деятелей раннего христианства, сподвижник апостола Павла, автор апокрифического евангелия от Варнавы. *Поликарп* (ум. 156) — епископ Смирны; *Климент Римский* — епископ Рима в 91—100 гг.; *Игнатий Антиохийский* (начало II в.) — христианский мученик, казненный в Риме, — постулируемые авторы ряда новозаветных текстов.

⁸ Имеется в виду 7-я статья англиканского символа веры, состоящего из 39 статей (членов).

⁹ *Гроций Гуго* (1583—1645) — голландский правовед, автор трактата «О праве войны и мира», а также ряда богословских трудов.

¹⁰ *Уистон*. Опыт об «Апостольских постановлениях». («Апостольские постановления» — запись церковных правил в форме предписаний апостолов, датируются V в.)

¹¹ *Гэйр*. Проповеди о церковной власти.

¹² *Ричардсон*. Защита канона Нового завета против Толанда.

¹³ *Гроций*. Молитва в защиту мира. Теологические труды, т. 3.

¹⁴ *Най*. Защита канона Нового завета.

¹⁵ *Флойер*. Предисловие к (толкованию) пророчеств Ездры.

¹⁶ Последний «Апостольский канон». «Апостольские каноны» — краткие указания по поводу церковных порядков, датируются V в.

¹⁷ *Симон*. Приложение к «Обрядам иудеев». Симон Ришар (1638—1712) — французский ученый-гебраист.

¹⁸ *Грейб Иоанн* (1666—1711) и *Миллс Джон* (1645—1707) — теологи англиканской церкви; на их богословские работы ссылается Коллинз.

¹⁹ Здесь Коллинзом перечисляются произведения раннехристианской литературы, не включенные в новозаветный канон, или так называемые апокрифы; из ветхозаветных апокрифов упоминается вторая книга Ездры.

²⁰ Коллинз ссылается здесь на сочинение Уистона «Первоначальное христианство».

²¹ *Жюрье Пьер* (1637—1713) — французский протестантский теолог; Коллинз ссылается на одно из его сочинений.

²² *Зороастр* (Заратустра) — полубоготворный пророк и преобразователь древнеиранской религии, получившей наименование зороастризма.

²³ *Магомет* (Мухаммед) (ок. 570—632) — пророк и основатель мусульманской религии (ислама).

²⁴ *Страбон* — см. примеч. 15 к произв. Толанда «Письма к Серене».

²⁵ *Тацит*. *Анналы*, кн. 2; *Светоний*. *Тиберий*. Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк, главные труды — «Анналы» и «История». Светоний (ок. 70 — ок. 140) — римский историк и писатель, главное сочинение — «О жизни двенадцати цезарей».

²⁶ *Жервэз*. *История Сиам*. 3-е изд., гл. 1; *Ташар*. Путешествие в Сиама, т. 1, с. 396.

²⁷ *Делон*. *Восточные боги*, с. 10—30. — «Философские протоколы», 1700, с. 734.

²⁸ *Шарон*. *О мудрости*, кн. 2, гл. 5. Шарон Пьер (1541—1603) — французский философ-скептик и теолог. В своем сочинении «О мудрости» (в 3-х кн.) воспроизвел многие положения «Опытов» Монтеня, с которым находился в дружеских отношениях.

²⁹ *Тейлор*. *Предостережение от деизма*, с. 213; *Уистон*. *Проповеди и опыты*, с. 59—78; *Стиллингфлит*. *Проповеди*, после с. 187.

³⁰ *Тиллотсон*. *Проповеди*, т. 5, с. 66, 67.

³¹ *Лайтфут*. *Сочинения*, т. 2, с. 1324.

³² *Додуэлл Генри* (1641—1711) — английский историк и философ-деист. Коллинз ссылается на его «Письма».

³³ *Ориген*. *Против Цельса*. См. примеч. 82 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

³⁴ *Цицерон*. *О предвидении*. См. примеч. 54 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

³⁵ «В первые века свобода сочинительства была столь большой, а легкомыслие было столь уступчивым, что от этого сильно пострадала достоверность истории; не только мир, но и божья церковь могла бы сетовать с полным основанием на свои мифические времена». Епископ *Фелл* — англиканский теолог XVII в.

³⁶ *Стиллингфлит Эдуард* (1635—1699) — епископ англиканской церкви и один из ее главных идеологов, полемизировал с Локком, критиковал унитариев, социалистов и деистов.

³⁷ Коллинз ссылается здесь на сочинения древнееврейского историка *Иосифа Флавия* (37 — ок. 100) «О древности иудейского народа» (кн. 20) и «Иудейская война» (кн. 3 и 7).

³⁸ «*Бойлеанские чтения*» — лекции в защиту христианской религии, которые читались в соответствии с завещанием известного английского ученого Р. Бойля (1627—1691), проявлявшего большой интерес к богословским проблемам и спорам.

³⁹ «Звучат по-одному в собственных местах, по-другому в посланиях Павла». *Иероним Стридонский*.

⁴⁰ *Кирилл* — см. примеч. 109 к произв. Толанда «Христианство без тайн». *Хризостом* (Иоанн Златоуст) — см. примеч. 102 к произв. Толанда «Христианство без тайн». *Августин* — см. примеч. 105 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

⁴¹ *Евсевий Кесарийский* (Евсевий Памфил) (между 260 и 265 — 338/339) — римский церковный писатель, епископ Кесарии (Палестина). *Василий Великий* — см. примеч. 103 к произв. Толанда «Христианство без тайн». *Феодорет* (ок. 387 — ок. 458) — греческий церковный писатель, епископ Кира (Сирия). *Касталио Себастьян* (1515—1563) — французский протестантский теолог. *Епископий Симон* (1583—1643) — голландский протестантский теолог, сторонник арминианства. *Леклерк Жан* — см. примеч. 7 к произв. Толанда «Письма к Серене».

⁴² *Маршем Джон* (1602—1685) — английский политический деятель, историк и хронолог.

⁴³ *Антиох IV Эпифан* — царь Коммагены (Малая Азия) в 38—72 гг.

⁴⁴ *Св. Стефан* — один из новозаветных персонажей, фигурирует в «Деяниях апостолов», а также в посланиях апостола Павла.

⁴⁵ *Суренгусий Уильям* — голландский теолог и историк второй половины XVII — начала XVIII в. Коллинз ссылается на сочинение Суренгусия «Трактат, в котором, согласно правилам аллегории и методам интерпретации древних еврейских теологов, примиряются места из Ветхого и Нового заветов», изданный в Амстердаме в 1713 г.

⁴⁶ *Каббала* — религиозно-мистическое течение в иудаизме, которое настаивало на символическом толковании священных книг. Возникло в IX в., развито в XIII в. в Испании («Зогар», или «Книга сияния», на арамейском языке).

⁴⁷ *Viz (videlicet)* (лат.) — то есть, а именно.

⁴⁸ *Гемара* — одна из двух составных частей Талмуда. Другую его часть составляет так называемая Мишна.

⁴⁹ Имеется в виду сочинение М. Лютера «О злоупотреблении мессой» (1521/1522), содержавшее критику главного богослужения католической церкви — мессы.

⁵⁰ *Ad hominem* — *Argumentum ad hominem* (лат.) — доказательство, обращенное к человеку.

⁵¹ *Саддукеи* — религиозно-политическая секта, существовавшая в Иудее во II в. до н. э. — I в. н. э., объединяла высшее жречество, землевладельческую и служилую знать.

⁵² *Фарисеи* — см. примеч. 41 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

⁵³ *Эссены* (ессеи) — приверженцы общественно-религиозного течения в Иудее во второй половине II в. до н. э. — I в. н. э.; проповедовали аскетизм, примитивное социальное равенство, выражали пассивный протест народных масс против угнетателей, являлись предшественниками христианства.

⁵⁴ «Если кто-нибудь знает, как говорить двусмысленно, пусть говорит; если же не знает, то пусть молчит».

⁵⁵ «Небо — это сплошная загадка».

⁵⁶ *Гераклид Понтийский* (IV в. до н. э.) — древнегреческий поэт и философ.

⁵⁷ *Пророчества Сивиллы* — имеется в виду одна из прорицательниц, почитаемых в Древнем Риме.

⁵⁸ *Пифагор* — см. примеч. 111 к произв. Толанда «Христианство без тайн». Коллинз в данном случае намекает на полупоупендарный характер личности Пифагора.

⁵⁹ *Корнут Луций Анней* (I в. н. э.) — римский философ-стоик, ритор и поэт.

⁶⁰ *Теофил Антиохийский* — христианский церковный деятель, епископ Антиохии (Сирия) во второй половине II в.

⁶¹ *Климент Александрийский* — см. примеч. 75 к произв. Толанда «Христианство без тайн».

⁶² *Гностики* — последователи религиозно-философского течения I—II вв. н. э. (гностицизма), вылившегося в ряд христианских ересей.

⁶³ *Караимы* — секта в иудаизме, отвергавшая Талмуд, возникла в VIII в.

Содержание

5	Свободомыслие Д. Локка, Д. Толанда и А. Коллинза
25	Джон Локк. Письмо о веротерпимости
26	Читателю
27	Письмо о веротерпимости
79	Джон Толанд. Христианство без тайн
80	Предисловие
92	Состояние вопроса
95	Раздел I. О разуме
96	Глава 1. Чем разум не является
98	Глава 2. В чем состоит разум
100	Глава 3. О способах получения знаний
102	Глава 4. Об основе убеждения
106	Раздел II. О том, что догматы Евангелия не противоречат разуму
107	Глава 1. Нелепость допущения каких-либо подлинных или кажущихся противоречий в религии и его последствия
113	Глава 2. Об авторитете откровения в том, что касается данного спора
118	Глава 3. О том, что христианство было задумано как разумная и понятная религия, доказывается на основе чудес, способа и стиля изложения Нового завета
123	Глава 4. Ответ на возражения, основанные на порочности человеческого разума
128	Раздел III. О том, что в Евангелии нет ничего непостижимого или недоступного разуму
129	Глава 1. История и значение слова «тайна» в писаниях язычников
133	Глава 2. Ничто не следует называть «непостижимой тайной» только потому, что мы не имеем достаточно полного представления обо всех его <i>свойствах</i> и вообще никакого представления о его сущности
141	Глава 3. Значение слова «тайна» в Новом завете и писаниях самых первых христиан
157	Глава 4. Ответ на возражения, основанные на отдельных текстах <i>Писания</i> и на самой природе веры
169	Глава 5. Ответ на возражения, основанные на рассмотрении чудес
173	Глава 6. Когда, почему и кем были введены в христианство тайны
183	Заключение
186	Джон Толанд. Письма к Серене. Письмо третье. Происхождение идолопоклонства и причины возникновения язычества

- 215 Антони Коллинз. Рассуждение об основах и причинах христианской религии
- 216 Основы и причины христианской религии в письме одному духовному лицу в Северной Британии
- 218 Часть 1. Об основах и причинах христианства
- 1. Христианство основано на иудаизме, а Новый завет — на Ветхом
- 2. Апостолы основывают и доказывают христианство с помощью Ветхого завета
- 223 3. Ветхий завет — канон христиан
- 228 4. Распространенный и необходимый способ создания и обоснования новых откровений — на основе предшествующих откровений
- 231 5. Главные доказательства христианства, содержащиеся в Ветхом завете, приводятся апостолами в Новом завете
- 232 6. Если эти доказательства верны, христианство непоколебимо установлено на своей истинной основе
- 235 7. Если эти доказательства неверны, тогда христианство ложно
- 240 8. Эти доказательства — символические и аллегорические доказательства
- 248 9. Сущность символических или аллегорических доказательств и объяснений
- 255 10. Сущность аллегорического объяснения показана далее путем применения его к некоторым конкретным примерам, взятым из Ветхого завета и приведенным в Новом завете
- 266 11. Ответ на возражение, состоящее в том, что аллегорические объяснения апостолов предназначались не в качестве абсолютных доказательств христианства, а в качестве доказательств *ad hominem* для иудеев, которые были привычны к такому способу объяснения
- 278 Комментарий

Английское
свободомыслие:

Д. Локк,
Д. Толанд,
А. Коллинз

Заведующий редакцией

Ю. И. Аверьянов

Редактор

И. Б. Чистякова

Младший редактор

С. Ц. Гневашева

Оформление художника

А. В. Кузнецова

Художественный редактор

Е. М. Омеляновская

Художник-гравер

А. И. Ременник

Технический редактор

И. И. Сошникова

Корректор

Т. М. Шпиленко

ИБ № 1750

Сдано в набор 26.05.81. Подписано
в печать 24.11.81.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 2. Литературная гар-
нитура. Высокая печать. Усл. пе-
чатных листов 15,96. Учетно-изда-
тельских листов 16,23. Усл. кр.-отт.
16,17. Тираж 7850 экз. Заказ № 2021.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль», 117071.

Москва, В-71, Ленинский прос-
пект, 15.

Московская типография № 8

Союзполиграфпрома

при Государственном комитете

СССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли,

Хохловский пер., 7.